

**ПРИОРИТЕТНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ»
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**Ю.Н. КАРАУЛОВ
Н.Л. ЧУЛКИНА**

**РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ:
ИНТЕГРАТИВНЫЙ АСПЕКТ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ**

Учебное пособие

**Москва
2008**

ТЕМА 1

Культурно-антропологические основы межкультурной коммуникации

Ключевые слова: культура; коммуникация; межкультурная коммуникация (МКК); культурные нормы; культурные ценности; культуроцентризм; этноцентризм.

[1.1. Основные этапы формирования межкультурной коммуникации как отдельной отрасли знания и как классического университетского курса в США, Западной Европе и в России](#)

[1.2. Межкультурная коммуникация как междисциплинарная наука](#)

[1.3. Основные Понятия МКК – культура и коммуникация. Множественность определений понятия «культура». Национальная культура и межнациональное общение](#)

[1.4. Культура и поведение. «Культуроцентризм», или «этноцентризм». Культурные нормы и культурные ценности. Сущность культурных ценностей и их место в МКК. Культурные нормы и их роль в культуре](#)

[Литература](#)

[Вопросы для самоконтроля](#)

[Задание для самостоятельной работы](#)

1.1. Основные этапы формирования межкультурной коммуникации как отдельной отрасли знания как классического университетского курса в США, Западной Европе и в России

Становление МКК как учебной дисциплины имеет свою историю. Первоначально возникновение ее было обусловлено сугубо практическими интересами американских политиков и бизнесменов. Постепенно возникло осознание необходимости изучения не только языков, но и культур других народов, их обычаев, традиций, норм поведения.

В 1946 г. правительство **США** приняло Акт о службе за границей и создало Институт службы за границей, который возглавил лингвист Эдвард Холл. Его наблюдения стали основой для составления учебных программ института и написания книги «Culture and Communication» (1946), в которой впервые был предложен термин «межкультурная коммуникация». Позднее основные положения и идеи МКК были более обстоятельно развиты в известной работе Э. Холла «The Silent Language» (1959), где автор показал тесную связь между культурой и коммуникацией.

В 60-е гг. этот предмет стал преподаваться в ряде университетов США и к 70-м гг. приобрел форму классического университетского курса, сочетающего в себе как теоретические положения, так и практические аспекты межкультурного общения.

В Европе становление МКК как учебной дисциплины происходило несколько позднее, чем в США и было вызвано другими причинами. Создание Европейского союза открыло границы для свободного перемещения людей, капиталов и товаров. Европейские столицы и крупные города стали менять свой облик благодаря появлению в них представителей разных культур. Практика поставила проблему взаимного общения представителей разных культур. По примеру США в некоторых западноевропейских университетах в конце 70-х – начале 80-х были открыты отделения МКК (Мюнхен, Йена).

В России в науке и системе образования инициаторами изучения межкультурной коммуникации стали преподаватели иностранных языков, которые первыми осознали, что для эффективного общения с представителями других культур недостаточно одного владения иностранными языками. Практика общения с иностранцами доказала, что даже глубокие знания иностранного языка не

исключают непонимания и конфликтов с носителями этого языка. Поэтому преподавание иностранных языков во многих вузах дополнилось предметом «страноведение», который знакомит студентов с историей, обычаями, традициями страны изучаемого языка. Однако одного теоретического курса оказалось явно недостаточно для успешных и эффективных контактов на уровне повседневного межличностного общения. В ряде российских вузов в учебные планы включена новая дисциплина – МКК.

Инициатор и бесспорный лидер – МГУ. Опыт преподавания межкультурной коммуникации в этих вузах показывает, что наиболее эффективным является сочетание лекционных и практических форм занятий.

1.2. Межкультурная коммуникация как интердисциплинарная наука

Растущий процесс взаимовлияния культур, всемерное развитие национально-этнической самобытности культур, изучение динамики и диалектики функционирования культур в обществе, формирование духовных ценностей человека стимулируют интерес исследователей и практиков к разработке межкультурной коммуникации как науки и отрасли гуманитарного знания.

Необходимо подчеркнуть, что межкультурная коммуникация возникла на «пересечении» ряда наук, таких как история, философия, этика, социология, этнография, антропология, социальная психология, эстетика. Перечень подобных взаимосвязей можно продолжить.

Интердисциплинарный характер межкультурной коммуникации выражает общую тенденцию современной науки: усиление процессов интеграции, взаимовлияние и взаимопроникновение различных областей знания при изучении общего объекта исследования. Логика научного знания ведет к синтезу ряда наук, формированию взаимосвязанного комплекса научных представлений о культуре как целостной и многообразной системе.

Социология выявляет закономерности процесса функционирования культуры в обществе, особенности культурного уровня различных групп. Психология дает возможность глубже понять специфику культурно-творческой деятельности человека, его восприятие ценностей культуры, становление духовного мира личности.

Антропология и этнология способствуют изучению национально-этнической самобытности культуры народов мира, роли культуры в межнациональных отношениях.

Межкультурная коммуникация помогает систематизировать исторические и гуманитарные знания, понять явления общественной жизни в едином смысловом контексте, раскрыть единство и целостность мировой цивилизации, состоящей из множества уникальных культур народов мира. Создание атмосферы глубокого уважения к культуре народов, стремление к взаимопониманию и сотрудничеству способствуют утверждению гуманизма в отношениях между людьми, развивают чувство ответственности за исторические судьбы мировой культуры.

Современный мир отличается особой напряженностью, динамизмом, противоречивыми тенденциями и альтернативными позициями. Культура обладает большим потенциалом в поиске согласия, утверждения приоритета общечеловеческих ценностей.

А такая целостность может быть достигнута только на основе взаимодействия культур, их взаимопроникновения. Постигая культуру других народов, можно понять и ощутить своеобразие и особенности каждой из них, лучше понять свою собственную культуру и самих себя. Однако важно не просто изучить другую культуру, но и увидеть в ней именно другую, а не чужую и не враждебную. Необходим диалог культур.

1.3. Основные Понятия МКК – культура и коммуникация. Множественность определений понятия «культура».

Национальная культура и межнациональное общение

Понятие «культура» – основное понятие современных гуманитарных наук. Таковым оно является и в межкультурной коммуникации. В обычном словоупотреблении термин «культура» служит оценочным понятием и выражает определенную совокупность черт личности человека. В науке обычно говорят о «типологии культур», «культурных ценностях» и т.д.

В настоящее время различных определений культуры – более 500. Американские культурные антропологи А. Кребер и К. Клакхон разделили все эти определения на 6 классов.

Культурная антропология рассматривает культуру как продукт совместной жизнедеятельности людей, систему согласованных способов их коллективного существования, упорядоченных норм и правил удовлетворения групповых и индивидуальных потребностей и т.п.

В действительности культура существует только в виде множества культур разных эпох и регионов, а внутри этих эпох – в виде культур отдельных стран и народов, которые принято называть локальными и этническими культурами.

Своеобразие любой культуры отражается в культурной картине мира.

Ни одна культура не существует изолированно. Она вынуждена постоянно обращаться к опыту других культур. Таким образом возникает понятие «взаимодействия культур», или «межкультурной коммуникации».

1.4. Культура и поведение. «Культуроцентризм», или «этноцентризм».

Культурные нормы и культурные ценности.

Сущность культурных ценностей и их место в МКК. Культурные нормы и их роль в культуре

Человеческое поведение – это продукт миллионов лет эволюции, оно заложено как генетически, так и обусловлено принадлежностью к какой-либо группе, полу, возрасту, личным жизненным опытом, уровнем образования и т.д. Большинство моделей нашего поведения являются продуктами культуры и осуществляются автоматически. Важный фактор, определяющий коммуникативное поведение людей – это «культуроцентризм», или «этноцентризм», т.е. такое поведение, когда нормы и ценности собственной культуры, выраженные в манере поведения, рассматриваются как центр и мера всех вещей.

Категория ценности образуется в человеческом сознании путем сравнения разных явлений. Формируется ценностное отношение к миру, в соответствии с которым все предметы и явления рассматриваются человеком по критерию важности и пригодности для его жизни. В результате формируется общее ценностное отношение человека к миру. Ценность не есть вещь, а есть отношение к вещи, явлению, событию.

К. Клакхон и Ф. Стродбек определили ценности как «сложные, определенным образом сгруппированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общечеловеческих проблем» (Kluckhohn C., Strodtbeck F. 1961, 157). Осваивая ценности окружающего мира, человек опирается на устоявшиеся в его культуре традиции, нормы и обычаи и постепенно формирует систему ценностей, служащих ему руководством в жизни.

Вместе с созданием и осознанием ценностей культуры стали формироваться и требования к поведению человека, которые регулировали как распределение этих ценностей, так и разнообразные отношения между людьми. Эти правила позднее получили в науке название норм. В зависимости от способа, характера, цели, сферы распространения, строгости исполнения все многообразие поведенческих норм было разделено на следующие виды: традиции, обычаи, обряды, законы, нравы.

Вопросы для самоконтроля по теме 1. Культурно-антропологические основы межкультурной коммуникации

Подготовьте ответы на вопросы:

1. Каковы основные понятия и термины межкультурной коммуникации?
2. Что Вы можете сказать о междисциплинарном характере МКК?
3. Что такое «культуроцентризм» и «этноцентризм»?

Задание для самостоятельной работы по теме 1. Культурно-антропологические основы межкультурной коммуникации

Подготовьте небольшие доклады по теме: «Культурные нормы и культурные ценности России и страны изучаемого языка».

Литература по теме 1. Культурно-антропологические основы межкультурной коммуникации

Основная литература

1. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007. – С. 9-20.
2. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – с.5-15.
3. *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. – М., 2002. – С. 18-45.

Дополнительная литература

Гачев Г. Национальные образы мира. – М., 1988.

Тема 2

Понятие «языковая личность» – центральное понятие антропоцентрической научной парадигмы в современной лингвистике

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма научного знания; языковая личность; структура языковой личности; ассоциативно-вербальная сеть; картина мира; мотивационно-прагматический уровень языковой личности; коммуникативно-деятельностные потребности языковой личности

[2.1. О предпосылках включения языковой личности в объект науки о языке](#)

[2.2. Определение языковой личности](#)

[2.3. Структура языковой личности](#)

[Литература](#)

[Вопросы для самоконтроля](#)

[Задание для самостоятельной работы](#)

2.1. О предпосылках включения языковой личности в объект науки о языке

Формирование антропоцентрической парадигмы научного знания в лингвистике и – шире – в филологии в последние десятилетия сопровождается введением новых понятий и обозначающих их терминов. Термин *языковая личность* занимает в названной парадигме центральное место, так как является сквозной идеей, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка, нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности.

Потребность в понятии и рабочем термине «языковая личность» проявилась в 80-х гг. XX в. Приоритет его разработки и использования принадлежит русской лингвистике, хотя идея рассматривать существование и функционирование языка в связи с его носителем – человеком всегда была присуща языкознанию и является, по-видимому, столь же древней, как сама эта наука. Исторические предпосылки возникновения соответствующей теории можно проследить начиная с XIX в. Из трудов В. фон Гумбольдта, трактовавшего язык как «орган внутреннего бытия человека» и как выразитель духа и характера народа, нации, вытекает обобщенное понимание языковой личности. И как представителя рода *homo sapiens*, умеющего соединять мысль со звуком и использовать результаты этой деятельности духа для общения, и как национальной языковой личности, т.е. носителя языка – совокупного представителя своего народа. И.А. Бодуэн де Куртенэ писал в 1899 г. «Человеческий язык, человеческая речь существует только в мозгу, только в душе человека, а основная жизнь языка заключается в ассоциации представлений в самых различных направлениях». Уже в начале XX в. А.А. Шахматов утверждал, что «реальное бытие имеет язык каждого индивидуума; язык села, города, области, народа оказывается известною научною фикцией». Сам термин «языковая личность» впервые употреблён В.В. Виноградовым в 1930 г. в книге «О художественной прозе».

В современном научном знании тот фон, на котором происходило становление теории языковой личности, характеризуется следующими особенностями: смещением фокуса интереса во всех гуманитарных областях от элитарного человека к простому смертному, от авторитета к миноритету и от эпохального исторического времени к повседневности и обыденности; оживлением интереса к проблеме

способов существования языка (язык-система, язык-текст, язык-способность), а также успехами психолингвистики в изучении языковой способности человека.

К языковой личности как лингвистическому объекту исследователи приходят разными путями: психолингвистическим – от изучения психологии языка, речи и речевой деятельности в нормальном и изменённых состояниях сознания, в том числе афазий разного рода; лингводидактическим – от анализа процессов научения языку и языкового онтогенеза; чисто филологическим – от изучения языка художественной литературы. Исследования, связанные с языковой личностью, характеризуются широким применением разнообразных экспериментальных методов: ассоциативных экспериментов, анализа пересказов текстов, метода семантического дифференциала, анализа записей речи одного дня личности, записей детской речи, анализа деятельности устных и письменных переводчиков, анализа статистически достоверных самонаблюдений носителей над своей письменной речью, экспериментов по восстановлению деграмматикализованных текстов и др. Из традиционно устоявшихся в сфере собственно филологии направлений в изучении текстов к изложенному пониманию языковой личности ближе всего стоят такие, как «язык писателя» и «речевой портрет» персонажа художественного произведения или реального «человека с улицы». Синонимическими и квазисинонимическими терминами по отношению к языковой личности являются: субъект (осмысливший мир и отразивший его в своей речи); активный информант; пассивный информант; говорящий; слушающий; речевой портрет; идиолект; образ автора.

2.2. Определение языковой личности

В самом содержании термина «языковая личность» содержится идея получения – на основе анализа «языка» (а точнее, текстов) – выводного знания о «личности»:

- а. как индивидууме и авторе этих текстов, со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками;
- б. как типовом представителе данной языковой общности и более узкого входящего в неё речевого коллектива, совокупном или усреднённом носителе данного языка;
- с. как представителе человеческого рода, неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка через языковую личность проявляется в том, что язык в этом случае предстаёт и как *система*, как *текст*, и как *способность*.

Таким образом, мы можем дать следующее определение термина **языковая личность** – это:
1) *любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире;*
2) *наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов*

2.3. Структура языковой личности

Структура языковой личности складывается из трёх уровней:

- 1) *вербально-семантического;*
- 2) *лингво-когнитивного, тезаурусного (картина мира);*
- 3) *мотивационно-прагматического.*

Каждый из уровней характеризуется своим набором единиц, которые в совокупности охватывают все используемые при изучении языка единицы, своеобразно перераспределяя их соответственно специфике названных уровней.

Для наглядности обратимся к схеме 1.

Схема 1

Философский аспект	Психологический аспект	Уровни структуры языковой личности	Элементы уровней		
			1	2	3
			единицы	отношения	стереотипы
Язык	Семантический уровень	А вербально-семантический	СЛОВА	грамматико-парадигматическое, семантико-синтаксические, ассоциативные – «вербальная сеть»	модели словосочетаний и предложений; предмет содержит компоненты; предмет состоит из компонентов; в предмете выделяют компоненты; предмет расчленен на компоненты
Интеллект	Когнитивный уровень	Б тезаурусный	ПОНЯТИЯ (идеи, концепты)	иерархически-координативные – семантические поля, «картина мира»	генерализованные высказывания; кому много дано, тот не может быть счастливым; поэзия, любовь, работа – вот три кита, на которых держится мир
Действительность	Прагматический уровень	В мотивационный	ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ	сферы общения, коммуникативные ситуации, коммуникативные роли – «коммуникативная сеть»	Образы (символы) прецедентных текстов культуры: «И какой же русский не любит быстрой езды». «Плюшкин». «А судьи кто?»

Прокомментируем представленную схему.

На каждом из трех уровней структуры языковой личности она складывается изоморфно из специфических типовых элементов – а) *единиц* соответствующего уровня, б) *отношений* между ними и в) *стереотипных их объединений*, особых, свойственных каждому уровню комплексов.

На нулевом, *вербально-семантическом* уровне в качестве единиц фигурируют отдельные слова, отношения между ними охватывают все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей, совокупность которых суммируется единой «вербальной сетью», а стереотипами являются наиболее ходовые, стандартные словосочетания, простые формульные предложения и фразы типа *ехать на троллейбусе, пойти в кино, купить хлеба, выучить уроки*, которые выступают как своеобразные «паттерны» (patterns) и клише.

На *лингво-когнитивном (тезаурусном)* уровне в качестве единиц следует рассматривать обобщенные (теоретические или обыденно-жизненные) понятия, крупные концепты, идеи, выразителями которых оказываются те же как будто слова нулевого уровня, но облеченные теперь дескрипторным статусом. Отношения между этими единицами – подчинительно-координативного плана – тоже принципиально меняются и выстраиваются в упорядоченную, достаточно строгую иерархическую систему, в какой-то степени отражающую структуру мира, и известным аналогом этой системы может служить обыкновенный *тезаурус*. В качестве стереотипов на этом уровне выступают устойчивые стандартные связи между дескрипторами, находящие выражение в генерализованных высказываниях, дефинициях, афоризмах, крылатых выражениях, пословицах и поговорках, из всего богатства и многообразия которых каждая языковая личность выбирает, «присваивает» именно те, что соответствуют устойчивым связям между понятиями в ее тезаурусе и выражают тем самым «вечные», незыблемые для нее истины, в значительной степени отражающие, а значит и определяющие ее жизненное кредо, ее жизненную доминанту. Из этой, хотя и самой общей характеристики двух низших уровней организации языковой личности становится, очевидно, понятным основание для утверждения, что собственно языковая личность начинается не с нулевого, а с первого, лингво-когнитивного (тезаурусного) уровня, потому что только начиная с этого уровня оказывается возможным индивидуальный выбор, личностное предпочтение – пусть и в нешироких пределах – одного понятия другому, допустимо придание статуса более важной в субъективной иерархии ценностей, в личностном тезаурусе не той идее, которая статистически наиболее часто претендует на данное место в стандартно-усредненном тезаурусе соответствующего социально-речевого коллектива, тезаурусе социально детерминированном, определяемом в целом господствующей в обществе идеологией. Нулевой же уровень – слова, вербально-грамматическая сеть, стереотипные сочетания (паттерны) – принимается каждой языковой личностью как данность, и любые индивидуально-творческие потенции личности, проявляющиеся в словотворчестве, оригинальности ассоциаций и нестандартности словосочетаний, не в состоянии изменить эту генетически и статистически обусловленную данность. Индивидуальность, субъективность может проявить себя в способах иерархизации понятий, и то лишь частично, в способах их перестановок и противопоставлений при формулировке проблем, в способах их соединений на тезаурусном уровне.

Высший, *мотивационный* уровень устройства языковой личности более подвержен индивидуализации и потому, вероятно, менее ясен по своей структуре. Все же можно полагать, что и этот уровень состоит из тех же трех типов элементов – единиц, отношений и стереотипов. Понятно, что единицами здесь не могут быть семантические, языково-ориентированные элементы – слова, не могут ими быть и гностически-ориентированные строевые элементы тезауруса – концепты, понятия, дескрипторы. Ориентация единиц мотивационного уровня должна быть прагматической и потому здесь следует говорить о *коммуникативно-деятельностных потребностях личности*. Было бы неправомерным назвать их только коммуникативными, поскольку в чистом виде таких потребностей не существует: необходимость высказаться, стремление воздействовать на реципиента письменным текстом, потребность в дополнительной аргументации, желание получить информацию (от коммуниканта или из текста) и тому подобные личностные, так же как аналогичные и более масштабные общественные потребности диктуются экстра-, прагма-лингвистическими причинами. Полного перечня таких коммуникативно-деятельностных потребностей личности пока нет и создать его, видимо, не менее трудно, чем составить словарь основных понятий (дескрипторов тезауруса) для предыдущего уровня. Не проясненным на данном (мотивационном) уровне остается характер и содержание относящихся к нему стереотипов. Определенным требованиям, которые на первый взгляд могли бы показаться даже взаимоисключающими, отвечают: символ, образ, знак

повторяющегося, стандартного для данной культуры, прецедентного, т.е. существующего в межпоколенной передаче текста – сказки, мифа или былины, легенды, притчи, анекдота (в изустной традиции) и классических текстов письменной традиции (памятников, произведений классической художественной литературы, скульптуры, архитектуры, живописи). Причем языковой способ выражения символа прецедентного текста, естественно, совпадает со способами выражения стереотипов других уровней: это может быть цитата, ставшая крылатым выражением («*Ну как не порадеть родному человечку*», «*Да зелен виноград*») – обозначением художественного образа, но актуализирующее у адресата все коннотации, связанные с соответствующим прецедентным текстом (*Базаров, Печорин, протопоп Аввакум, царь Салтан, Алеша Попович*) и т.п.

Вопросы для самоконтроля по теме 2.

Понятие «языковая личность» – центральное понятие антропоцентрической научной парадигмы в современной лингвистике

1. Каковы предпосылки включения языковой личности в объект науки о языке?
2. Дайте определение термина «языковая личность».

Задание для самостоятельной работы по теме 2.

Понятие «языковая личность» – центральное понятие антропоцентрической научной парадигмы в современной лингвистике

Подготовьте презентацию на тему: «Три уровня структуры языковой личности» (по Ю.Н.караулову).

Литература по теме 2.

Понятие «языковая личность» – центральное понятие антропоцентрической научной парадигмы в современной лингвистике

Основная литература

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 2007. – С. 11-27.
2. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – с.5-15.
3. *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. – М., 2002. – С. 18-45.

Дополнительная литература

Гачев Г. Национальные образы мира. – М., 1988.

ТЕМА 3 .

Способы реконструкции языковой личности. Языковая личность в межкультурной коммуникации

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; стимул-реакция; ассоциативное поле; ассоциативный словарь; языковое сознание; межкультурная коммуникация; языковая личность в межкультурной коммуникации; культурный шок; «вторичная» языковая личность; лингводидактическая модель языковой личности.

[3.1. Основные способы реконструкции и пути изучения языковой личности](#)

[3.2. Ассоциативный эксперимент. Ассоциативный словарь как корреляты языковой способности усредненной языковой личности](#)

[3.3. Языковая личность в межкультурной коммуникации](#)

[Литература](#)

[Вопросы для самоконтроля](#)

[Задание для самостоятельной работы](#)

3.1. Основные способы реконструкции и пути изучения языковой личности

К языковой личности как задаче исследования, объекту изучения и как исследовательскому приему можно прийти тремя путями, иными словами, есть три возможности попадания языковой личности в поле зрения лингвиста. Прежде всего – от психологии языка и речи, это путь психолингвистический, затем – от закономерностей научения языку, от лингводидактики, наконец, – от изучения языка художественной литературы (понимаемого в широком смысле, включая сюда и ораторскую речь, как делал это Виктор Владимирович Виноградов). По первому пути пошел Бодуэн де Куртенэ и, характеризуя намеченный им аспект представления языковой личности, Виноградов писал: «Бодуэн де Куртенэ, подобно Потебне, устранил из своих исследований литературного языка методы исторического анализа и историзм как мировоззрение. Его интересовала языковая личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения разных социально-языковых категорий. Поэтому Бодуэну де Куртенэ проблема индивидуального творчества была чужда, и язык литературного произведения мог интересовать его лишь с точки зрения отражения в нем социально-групповых навыков и тенденций, «норм языкового сознания» или, как он иногда выражался, «языкового мировоззрения» коллектива».

3.2. Ассоциативный эксперимент. Ассоциативный словарь как корреляты языковой способности усредненной языковой личности

До недавнего времени лингвист не располагал таким материальным аналогом языковой способности, который по своему содержанию и объему мог бы быть поставлен в соответствие двум другим способам репрезентации языка: языку-тексту и языку-системе.

В настоящее время такой аналог найден*. Его роль выполняет ассоциативно-вербальная сеть языка (сокращенно АВС), которая выявляется путем многоэтапного и массового ассоциативного эксперимента с носителями языка. В этой сети каждое слово присутствует во всем многообразии своих словоформ, многообразии своих значений, своих синтаксических и семантических связей с другими

словами, входя в различные ассоциативные поля. Поскольку эта сеть приводится к выражению в результате анкетирования большого числа носителей языка, спонтанно реагирующих на предъявленный стимул, у нас есть основания для того, чтобы отождествить ее или, во всяком случае, уподобить той индивидуальной АВС, которая заложена в голове всякого среднего носителя и обеспечивает его владение языком.

Результатом первого этапа эксперимента является «Русский ассоциативный словарь», содержащий 1300 ассоциативных полей, т.е. стимулов, примерно с 500 ответами на каждый из них (в опросе участвовали более 5 тысяч носителей языка). На втором этапе в качестве новых стимулов использовались ответы, или реакции, испытуемых, которые были предъявлены другому контингенту носителей, в результате чего был составлен II том Ассоциативного словаря. Появившиеся среди реакций на втором этапе новые слова, т.е. слова, не встречавшиеся ни в I, ни во II томе словаря, составили список стимулов третьего этапа анкетирования (или III тома словаря), который по итогам его проведения практически уже не дал прироста новых слов: ассоциативно-вербальная сеть «замкнулась» подобно «сфере», заключив в себя примерно 30 тыс. разных слов на 1,5 миллиона словоупотреблений (считая «словоупотреблением» только то, что входит в «реакцию», что составляет ответ испытуемого). Если же при подсчете словоупотреблений исходить из того, что испытуемый, давая свой ответ, обязательно каждый раз «проговаривает» (вслух или про себя) стимул, то число «словоупотреблений» на всем массиве АВС, представленного в трех томах Ассоциативного тезауруса, возрастает вдвое и составит 3 млн. единиц. Такой массив языкового материала представляется достаточным для развертывания грамматического (и любого другого, т.е. лексического, семантического или стилистического, поскольку для изучения фонетики АВС дает мало сведений) описания языка.

Проиллюстрируем сказанное следующим примером. Слово *житель* было использовано в качестве стимула на первом этапе эксперимента, и в I томе Русского ассоциативного словаря (РАС-1) представлена соответствующая ассоциативная статья, которую мы здесь приводим полностью: **ЖИТЕЛЬ:** города **113**; села **37**; город **26**; деревни **22**; земли **15**; планеты **14**; Москвы

12; человек **10**; местный **9**; городской, горожанин, дом, сосед **7**; деревня, Луны, севера **6**; абориген, сельский **5**; области, поселка, Челябинска **4**; **гражданин**, долгожитель, **жить**, квартирант, сеятель, сожитель, столицы **3**; гор, горы, дома, жилец, квартира, любитель, местности, **мирный**, Москва, обитатель, обитель, острова, поселок, пригорода, района, **ребенок**, село, сельской местности, Сибири, страны, толпа, Урала **2**; ад, Азии, Атлантиды, бабка в окошке, **бабушка**, вселенной, горечь, города Москвы, городка, гостиница, **гость**, Гудаури, дед, довольный, долго, домочадец, **земля**, изгой, индеец, Кавказа, каторжник, квартирьер, Киева, континент, коренной, крестьянин, куда, Ленинграда, ленинградец, **лес**, леса, лесов, Марадона, марсианин, мертвый, местность, **место**, Миасса, микрорайона, мохнатый, мучитель, нахлебник, нашей планеты, **не житель**, **не** определено, неба, небес, незнакомец, ничто, общежития, обыватель, обыкновенный **человек**, обычный, **один**, **окно**, остров, паспорт, Перми, пешеход, планет, по-новому, прописка, родственник, Саратова, села и деревни, серость, смертник, спокойный, старушка, **старый**, **старый человек**, степей, страны Советов, тайга, тесно, тюрьмы, учебник, француз, хитрость, Эстонии, яичная, якут **1; 475+132+2+82**

Жирным шрифтом в статье помечены те реакции-словоформы, которые совпали со стимулами первого этапа эксперимента, т.е. слова **,город, человек, деревня** и так далее входят в число стимулов и в данном томе словаря образуют собственные ассоциативные статьи.

Цифры в статье после словоформы или совокупности словоформ указывают число испытуемых, ответивших данной словоформой (данными словоформами) на стимул *житель*. Так, словоформа, *города* (в сочетании *житель города*) была реакцией 113 человек и зафиксирована, таким образом, 113 раз, а словоформы *области, поселка, Челябинска* (соответственно в словосочетаниях *житель области* и т.д.) встретились в анкетах испытуемых по 4 раза каждая. Начиная со словоформ *ад, Азии, Атлантиды...* и кончая словоформой *якут*, перечислены единичные ответы, о чем и свидетельствует цифра 1, завершающая этот перечень.

Цифры в конце статьи, разделенные знаком +, обобщают статистические характеристики и означают следующее: первая (475) указывает количество испытуемых, которым был предъявлен данный стимул; вторая (132) соответствует числу разных словоформ среди всех полученных ответов; третья цифра (2) показывает, сколько человек среди испытуемых не дали никакого ответа на данный стимул, т.е.

фиксирует количество «отказов»; последняя, четвертая цифра (82) суммирует число единичных, встретившихся всего один раз реакций испытуемых в этой статье.

Ассоциативный словарь, полученный в результате проведения массового пролонгированного ассоциативного эксперимента, таким образом, – это еще не речь, но он являет язык в его предречевой готовности, обнажая сокровенный, скрытый от прямого наблюдения способ «держания» языка в памяти его носителя, приоткрывая таинственную завесу над святой святых, над тем, как устроена языковая способность человека, человека говорящего и понимающего.

3.3. Языковая личность в межкультурной коммуникации

В последние годы расширение международных контактов стимулирует поиски наиболее эффективных методик обучения межкультурной коммуникации как профессиональной деятельности. Создаются новые учебники и учебные пособия, в которых теоретическая разработка понятийного и терминологического аппарата этой междисциплинарной области сочетается с практическими заданиями и различными формами творческой деятельности обучаемых, направленными на применение полученных теоретических знаний в практике МКК. Теория языковой личности все чаще рассматривается как один из важнейших аспектов межкультурной коммуникации. Так, в учебном пособии О.А. Леонтович «Введение в межкультурную коммуникацию» [2007 г.] целая глава посвящена языковой личности в МКК. Автор так определяет языковую личность в этом аспекте: «Языковая личность в МКК представляет собой национально-специфический тип коммуниканта, обладающий культурно обусловленной ментальностью, картиной мира и системой ценностей, придерживающийся определенных когнитивных подходов, языковых, поведенческих и коммуникативных норм и потенциально способный к межкультурной трансформации» [Леонтович 2007: 99]. Исходные тезисы, суммирующие характер участия языковой личности в МКК, можно сформулировать следующим образом:

- I. Личность привносит в коммуникацию багаж своего менталитета, выраженного в виде мыслительных паттернов, концептов и ценностных доминант.
- II. Характер коммуникативной деятельности языковой личности в значительной мере определяется типичными национально-культурными чертами, в различной степени выраженными в том или ином индивидууме.
- III. Личность воспринимает окружающий мир через призму языковой картины мира, которая отчасти была «впитана с молоком матери», а отчасти выработана под влиянием сформировавшего личность окружения.
- IV. Все вышеуказанные факторы, равно как и индивидуальные черты конкретной языковой личности, оказывают влияние на набор используемых в коммуникации средств (тезаурус, невербальные формы общения, коммуникативные стратегии и т.д.)
- V. Языковая личность – это своего рода фрейм. Проецируя его на контекст общения и фоновые знания о мире, коммуниканты «дорисовывают» в своем сознании портрет партнера по общению со всеми составляющими его идентичности.
- VI. При вступлении в контакт с иной культурой возникает диссонанс менталитетов, картин мира, ценностных ориентиров и тезаурусов, вызывающий кризис идентичности языковой личности и культурный шок.
- VII. Личность узнает о коммуникативных сбоях посредством обратной связи. Соображения целесообразности, безопасности и комфортности заставляют личность корректировать различные аспекты своего коммуникативного поведения.
- VIII. Движение коммуникантов навстречу друг другу, выражающееся в трансформации различных аспектов общения, приводит к формированию межкультурной языковой личности. Такая трансформация требует активности, осознания культурных различий и модификации коммуникативных подходов, в случае, если этого не происходит, личность остается на стадии маргинальности.

Авторы еще одного учебного пособия – Л.И. Гришаева и Л.В.Цурикова – так представляют себе роль языковой личности в межкультурной коммуникации: «Языковая личность – это когнитивно-коммуникативный инвариант, реализуемый в реальной интеракции некоторым множеством вариантов. Последние отличаются между собой номинативными и дискурсивными стратегиями. Языковая личность понимается как комплексный прототип, существование которого обеспечивает надежность взаимодействия между коммуникантами в определенных дискурсивных условиях данной лингвокультуры, несмотря на практически неисчислимое богатство реальных ситуаций взаимодействия» [Гришаева, Цурикова 2006: 198]. Так или иначе, обращение к национальной языковой личности как к центральной фигуре в межкультурных контактах заставляет методистов-исследователей искать оптимальные методы формирования лингвокультурной личности, используя теоретические представления о ее структуре и единицах каждого уровня этой структуры.

Вопросы для самоконтроля по теме 3. Способы реконструкции языковой личности. Языковая личность в межкультурной коммуникации

Подготовьте ответы на вопросы:

1. Каковы основные способы реконструкции языковой личности?
2. Что вы знаете об ассоциативном эксперименте и областях применения его результатов?
3. Что вы знаете о «Русском ассоциативном словаре»? Каковы области его применения?

Задание для самостоятельной работы по теме 1. Способы реконструкции языковой личности. Языковая личность в межкультурной коммуникации

Подготовьте сообщение на тему: «Языковая личность в МКК», используя рекомендованную литературу и интернет-ресурсы.

Литература по теме 3. Способы реконструкции языковой личности. Языковая личность в межкультурной коммуникации

Основная литература

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 2007. – С. 11-27, 48-68.
2. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007. – С. 9-20.
3. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – С. 5-15.

Тема 4

Формирование «вторичной языковой способности» как первый шаг на пути к межкультурной коммуникации. Лингводидактическая модель языковой личности

Ключевые слова : «вторичная» языковая способность; лингводидактическая модель языковой личности; структура языковой личности; уровни структуры языковой личности; умения; навыки; готовности.

4.1. Лингводидактика и языковая личность

4.2. Лингводидактические модели формирования «вторичной языковой личности»

Литература

Вопросы для самоконтроля

Задание для самостоятельной работы

4.1. Лингводидактика и языковая личность

Концепт *языковой личности* является не только системообразующим фактором познания родного языка, но и открывает новые возможности при изучении на профессиональном уровне языка иностранного. В основу нашего видения этой проблемы может быть положен тезис о том, что предпосылкой адекватного межкультурного общения является статус равноправия родного и неродного языков (равно как и родной и неродной культуры) в сознании профессионального переводчика.

Для осуществления межкультурной коммуникации необходимо постепенно элиминировать так называемую «чуждость» в сознании обучаемых, переводя ее в разряд *вторичного*, но «не-чуждого» языка, «не-чуждой» культуры. В этом смысле идея о языковой личности, обретающей реальные контуры лишь вне языка-системы, является ключевой не только для лингвиста, но и для лингводидакта, призванного воспитывать *вторичную языковую личность*.

Лингводидактика и методика преподавания языка всегда опирались, прежде всего, и главным образом на господствующий в данный период «образ языка» в лингвистике и соответственно строили модели обучения. В этом исключительном «доверии» прикладных и смежных дисциплин к образу языка проявляется общая и вполне естественная закономерность, определяющая нормальные, стереотипные пути «внедрения» результатов фундаментальных, теоретических исследований в практические разработки. Аналогично обстоит дело, например, с машинным переводом: есть соответствующие уровневой структуре языка – синтаксический МП, лексический МП и собственно текстовый, которые различаются известными трансформациями в образе языка, положенного в основу принципов каждого из них. Однако нет пока того, что можно было бы назвать смысловым переводом, поскольку его построение требует выхода за пределы доминировавшего до недавнего времени системно-структурного образа языка и должно искать опору в закономерностях оперирования интеллектом, системой знаний о мире. Так и модели обучения языку: до тех пор, пока они ограничиваются рамками системного представления самого языка и не вторгаются в структуру личности, языковой личности, они обречены оставаться чем-то внешним, чуждым по отношению к объекту обучения языку. Как невозможно в отрыве от искусственного интеллекта создать вполне удовлетворительный машинный перевод, так невозможно в отрыве от языковой личности, без учета ее

многоуровневой организации, без обращения к принципам формирования и структуры, в частности и ее интеллекта, создать эффективную модель обучения языку.

Сама по себе эта мысль, конечно, далеко не новая, в том или ином виде ее можно встретить уже у Буслаева, Ушинского, Пешковского и других наших лингвистов и лингводидактов, в качестве общетеоретического положения она принята и советской лингводидактикой. За время ее развития лингводидактикой найдены и опробованы многие достаточно эффективные и продуктивные приемы вплетения языковых умений в процессы становления и духовного развития личности. Но, как представляется, определяющим в выработке и «эксплуатации» таких приемов всегда оставался именно образ языка, навязываемый соответствующей парадигмой, а вовсе не закономерности «присвоения» языка и владения им личностью.

Так, анализируя спор «классиков» и «реалистов», Буслаев, остававшийся в этом споре на стороне последних, т.е. утверждавший необходимость более широкого преподавания новых (живых) языков, ничуть не ставил под сомнение главный принцип преподавания – исторический, поскольку доминирующей в научной парадигме того времени была историческая составляющая языка и вся лингвистическая парадигма была исторической. Соответственно трансформациям парадигмы в лингводидактике были и периоды психологических, и периоды социологических увлечений, а, вероятно, с 50-х гг. XX века решающее влияние приобрела идея системности. Всепроникающий деспотизм системности определил «уровневую» модель обучения, один к одному повторяющую структуру языка и его образ, в котором доминирует структурно-системная его составляющая.

Описание русского языка в учебных целях (независимо от его предназначенности – для носителей ли языка или тех, для кого он не является родным) мыслится как минимизированный слепок с этого его образа. Монолингвальное лингвистическое описание русского языка в учебных целях представляется системным поуровневым описанием синхронно-диахронического характера, которое позволит увидеть языковые факты не только в статике, но и в динамике: фиксировать не только то, что является устойчивым в языке и входит в его ядро, но и то, что (пока или уже) находится на периферии: отражать не только языковую норму, но и существующие варианты и отклонения: дать всем описанным языковым фактам нормативную оценку и лингводидактическую характеристику. По своему содержанию оно включает в себя: а) анализ в учебных целях каждого уровня и его фрагментов; б) лингвистические операции по определению содержания и структуры соответствующего раздела в школьном курсе русского языка; в) языковые заготовки для учебника, учебных пособий и словарей; г) определение и описание в учебных целях минимума теоретических сведений для изучения.

Конечно, подобный результат означает известный прогресс лингводидактики на фоне, скажем, пренебрежения системностью или неполного учета ее закономерностей, но сопутствующий всякому прогрессу крен в одну сторону – системно-уровневую – имеет и отрицательные последствия. Из-за этого возникает прочно укоренившееся заблуждение наших дней, один из фантомов XX в. все, что не укладывается в систему языка, – то не дело лингвиста, это чистая методика, а не наука о языке. Соответственно любой учебник расценивается как произведение главным образом методическое, а не языковедческое. Между тем, если обратиться к тому периоду лингвистики, когда о методике преподавания языка еще никто и не слышал, то грамматики (учебники) тех времен представляли собой прежде всего описание языка личности (автора), сделанное в интересах другой личности (ученика). Эта прекрасная традиция теперь почти утрачена отчасти из-за все усиливающейся и углубляющейся специализации, отчасти из-за возникающей острой асимметрии в способе научной коммуникации в современном обществе, когда отправителями научной информации все чаще и чаще становятся коллективы, множества ученых, а получателем ее всегда остается личность, что создает у авторов иллюзию анонимности.

Тем не менее, несмотря на эти пессимистические рассуждения, в лингводидактике накоплены значительные данные, обобщен обширный опыт преподавания языка и языков, которые позволяют говорить по крайней мере о трех путях, трех способах представления языковой личности, на которую ориентированы лингводидактические описания языка. Один из них исходит из охарактеризованной выше трехуровневой организации, состоящей из *вербально-семантического*, или структурно-системного, *лингвокогнитивного*, или

тезаурусного, и мотивационного уровней) языковой личности; другой опирается на совокупность умений, или готовностей, языковой личности к осуществлению различных видов речемыслительной деятельности и исполнению разного рода коммуникативных ролей; наконец, третий представляет собой попытку воссоздания языковой личности в трехмерном пространстве а) данных об уровневой структуре языка (фонетика, грамматика, лексика), б) типов речевой деятельности (говорение, слушание, письмо, чтение), в) степеней овладения языком. Перейдем к более детальному рассмотрению этих представлений, отметив попутно, что из трех перечисленных лишь последнее является объектом специальной достаточно последовательной разработки, тогда как два других для целостной своей характеристики требуют реконструкции из рассыпанных в разных работах фрагментов, определенной достройки и синтеза.

4.2 Лингводидактические модели формирования

то касается трехуровневого представления модели языковой личности, то оно поддерживается довольно широко распространенными идеями о трехуровневости процессов восприятия и понимания, которые оказываются тем самым соотносимыми с самим устройством языковой личности. Так, соответственно намечаемым нами мотивационному, тезаурусному и вербально-семантическому уровням языковой личности в схеме смыслового восприятия выделяют побуждающий, формирующий и реализующий уровни. «Побуждающий уровень объединяет ситуативно-контекстуальную сигнальную (стимульную) информацию и мотива-ционную сферу... Формирующий уровень функциональной схемы смыслового восприятия содержит четыре взаимосвязанные и взаимовключающиеся фазы: 1) фазу смыслового прогнозирования; 2) фазу вербального сличения; 3) фазу установления смысловых связей (а) между словами и (б) между смысловыми звеньями и 4) фазу смысло-формулирования... Реализующий уровень на основе установления этого общего смысла формирует замысел ответного речевого действия».

В структуре процесса понимания различают также а) понимание замысла автора (отправителя) текста (это высший, второй уровень, соответствующий в языковой личности мотивационному уровню), б) понимание концепции текста (следующий по нисходящей, первый уровень в структуре языковой личности, названный тезаурусным) и в) понимание смысла слов и их соединений на низшем – вербально-семантическом уровне. Соответственно в терминах объектов, подлежащих расшифровке и пониманию на каждом уровне, говорят о подтексте) и словах (0). Ср. также: «Смысловое восприятие текста – это не только и не столько проблемы его понимания, как прежде всего проблема ориентации реципиента в том, что является целью или основным мотивом получаемого сообщения и в этой связи в концептуальной организации текста – текстовой комбинаторике» (синтактико-семантическое, словесное понимание).

Возвращаясь к структуре языковой личности, необходимо отметить, что в нашем представлении на каждом из трех уровней она складывается изоморфно из специфических типовых элементов – а) единиц соответствующего уровня, б) отношений между ними и в) стереотипных их объединений, особых, свойственных каждому уровню комплексов.

Чтобы нагляднее представить степень использования трехуровневой модели языковой личности в лингводидактике, целесообразно свести результаты наших рассуждений в схему.

ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ (НУЛЕВОЙ) УРОВЕНЬ

А-1 (ЕДИНИЦЫ)

- готовность к номинациям (это по сути дела основа семиотической деятельности, опирающаяся на принципиальную возможность ассоциации слова, звукового комплекса с предметом)
- готовность к рецепции лексики
- готовность осуществлять выбор слов
- владение специальной терминологией определенной области знаний
- готовность использовать инонациональную лексику

A-2 (РЕГИСТРИРУЮЩАЯ СТРУКТУРА – ВЕРБАЛЬНАЯ СЕТЬ)

- готовность к рецепции грамматических структур
- готовность к устной речи
- каллиграфические готовности
- владение нормами орфографии
- готовность к письменной речи
- готовность понимать и воспроизводить в речи значительное богатство средств выражения

A-3 (СТЕРЕОТИПЫ – МАНИФЕСТАЦИЯ РЕГИСТРИРУЮЩИХ СТРУКТУР)

- качество чтения
- готовность производить и воспринимать тексты повседневного использования (т.е. владение «обыденным языком»)
- готовность к монологическому выступлению
- владение темпом спонтанной речи

ТЕЗАУРУСНЫЙ (ПЕРВЫЙ) УРОВЕНЬ

B-1 (ПОНЯТИЯ)

- готовность дать определение используемым понятиям
- готовность отыскивать, извлекать, понимать и перерабатывать необходимую информацию в текстах (с опорой на ключевые слова, дескрипторы, понятия)
- готовность использовать иностранные понятия – для сопоставления или не критически

B-2 (РЕГИСТРИРУЮЩАЯ СТРУКТУРА – ТЕЗАУРУС)

- готовность придавать высказыванию модальную окрашенность
- готовность к развертыванию аргументации
- готовность к соединению реплик в диалоге при их нетавтологичности
- готовность к импровизации речи

B-3 (СТЕРЕОТИПЫ – ПРАВИЛА)

- готовность пользоваться внутренней речью
- готовность к информирующей и оценочной передаче содержания чужой речи
- готовность рефлексировать по поводу фактов родного языка (языковое сознание, проявляющееся в оценке плана выражения своей и чужой речи)
- готовность создавать и использовать универсальные (генерализованные) высказывания

МОТИВАЦИОННО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ (ВТОРОЙ) УРОВЕНЬ

B-1 (ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ)

- готовность учитывать в общении «фактор адресата», его пресуппозицию, т.е. степень осведомленности
- готовность производить рациональное размещение элементов высказывания во времени
- готовность управлять общением
- готовность целенаправленно строить высказывания, достигающие заданного эффекта, т.е. обладающие необходимой мерой бездейственности

В-2 (РЕГИСТРИРУЮЩАЯ СТРУКТУРА – КОММУНИКАТИВНАЯ СЕТЬ: СФЕРЫ. СИТУАЦИИ. РОЛИ)

- готовность оперировать подъязыком разговорной речи
- готовность пользоваться различными конкретными подъязыками и регистрами, т.е. умение с каждым говорить на его языке
- готовность использовать стилистические средства того или иного подъязыка – и в рецептивной и в продуктивной деятельности
- готовность различать деловую и художественную прозу при продуцировании письменного текста
- готовность убедительно высказаться на родном языке публично
- готовность соотносить интенции, мотивы, запрограммированные смыслы со способами их объективации в тексте – в рецептивной и продуктивной деятельности

В-3 (СТЕРЕОТИПЫ – ОБРАЗЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ)

- готовность читать медленно, связанная со способностью воспринимать художественные тексты
- готовность эстетического анализа текста
- готовность к прогнозированию сюжетных ходов художественного текста
- готовность оперировать прецедентными текстами художественной культуры
- готовность оперировать видами словесности
- готовность к художественной критике готовность отличать художественную литературу от «чтива»
- готовность чувствовать банальность рифмы
- готовность продуктивно пользоваться тропами
- готовность верифицировать
- готовность к использованию «крылатых слов»
- готовность к оперированию национальным (Скалозуб, Ляпкин-Тяпкин, Обломов, г. Глупов) и интернациональным образным ономастикомом (Меценат, Росинант, Ватерлоо и т.п.)

Рассматривая представленные в схеме уровни и соответствующие им элементы, можно констатировать, во-первых, что лингво-дидактические разработки так или иначе учитывают большую часть или даже все выделяемые клетки, ориентируя субъект обучения на оптимальное овладение соответствующим материалом. В самом деле, в поле внимания лингводидакта попадает и лексика, или словарный запас обучаемого (А-1), и грамматико-семантические правила и законы (А-2), и развитие автоматических навыков использования типовых конструкций (А-3), и развертывание, продуцирование текста по темам и семантическим полям, а также сжатие, свертывание исходного текста до «проблемы» (Б-2), и соответствие языковых средств коммуникативным условиям их использования (В-2) и т.д. Во-вторых, следует особо отметить, по крайней мере, три из клеток таблицы – А-3, Б-2, В-1, которые в разное время становились основой целых лингводидактических концепций. Первая из названных, символизирующая обучение по моделям или речевым образцам (А-3), пережила свой бум в 60-е гг., когда казалось, что основанный на ней «прямой метод» обучения (иностранным языкам) способен решить все проблемы преподавания. К настоящему времени этот прием, освобожденный от всяких методологических претензий, занимает достойное место в числе обладающих значительной эффективностью упражнений конструктивного типа и довольно широко используется в практике преподавания и при построении современных учебников. Содержанием клетки Б-2 являются отношения между концептами, схематизирующие идеологически ориентированную модель мира, т.е. иерархию ценностей языковой личности. Связь в каждой паре концептов (или предпочтительность одного другому, отношение «выше-ниже») может быть интерпретирована как проблемная. Например, для персонажей романа Р. Киреева «Победитель»: любовь к женщине, толкающая к тому, чтобы оставить семью, маленькую дочь, и противопоставленное этому, граничащее с безнравственностью, по мнению героя, подчинение обстоятельствам, исполнение стандартно понятого долга по отношению к семье, дочери (т.е. классическое

«любовь – долг»); или – эмоционально переживаемое сочувствие, эмпатия по отношению к окружающим, близким, но практически не доходящая до действия («гуманитарная, гуманистическая» позиция – старший брат Андрей), противопоставленная скептически-иронической, всегда только критической оценке людей и событий, но сопряженной с реалистически оправданным полезным действием, помощью, делом, необходимой в данный момент практической поддержкой («техническая» позиция – младший брат Станислав Рябов), т.е. классическая оппозиция «истина – польза». Проблему формирует любое, даже ситуативно обусловленное противопоставление концептов, не только обозначающих жизненно важные для индивидуума и общества понятия, но и относящихся к узкой предметной области (специальная проблема, научная проблема). Стимулирующее активность рече-мыслительной деятельности субъекта воздействие проблемы издавна использовалось лингводидактикой в качестве методологической основы так называемого познавательного или проблемного обучения. Апеллирование непосредственно к тезаурусу личности при таком подходе открывает широкие возможности целенаправленного воздействия на тезаурус и позволяет тем самым органически сочетать образовательные и воспитательные функции обучения. Наконец, клетка В-1, фиксирующая коммуникативные потребности личности, символизирует концепцию, энергично развиваемую сейчас в теории и практике преподавания иностранных языков, и прежде всего русского как иностранного, концепцию, строящуюся на принципе «активной коммуникативности». Во главу угла при таком подходе кладется стимулирование и использование коммуникативных потребностей учащихся, мотивация и развитие этих потребностей, связанные с общественной необходимостью и индивидуальной заинтересованностью в изучаемом языке. Такой принцип означает, на наш взгляд, уже шаг вперед по пути освобождения от «деспотизма системности», в тисках которого находятся лингводидактика, шаг по направлению к языковой личности, поскольку акцент делается не на языковой структуре, а на использовании, употреблении языка, т.е. на прагматической его составляющей, что не мешает, а наоборот, позволяет шире использовать все достижения «системной» лингводидактики – обучение по моделям, проблемное обучение, функциональный подход, принцип сознательности усвоения материала и т.п.

Из изложенного можно сделать предварительные выводы о том, что развиваемое в данной работе представление о трехуровневой структуре языковой личности не противоречит ряду лингводидактических идей и концепций и в известном смысле помогает обобщить и систематизировать некоторые лингводидактические подходы. С другой стороны, сам опыт обобщения приемов обучения языку, лингводидактических методов естественным образом укладывается в предложенную структурную схему и тем самым подводит нас к развиваемому здесь представлению о языковой личности.

Несколько иная картина получается, если попытаться сформировать представление, так сказать воссоздать, языковую личность не на основе обобщения приемов обучения, разрабатываемых лингводидактикой, а на основе тех результатов, к которым должно приводить успешное применение указанных приемов. Если в первом случае мы имеем «методический» подход к реконструкции языковой личности, то реализуемый во втором случае подход можно назвать «целевым», поскольку исходным, отправным моментом при этом служит конечный, идеальный результат обучения, цель, которой хотят достичь, а именно, перечень речевых умений, навыков, готовностей объекта научения. Здесь следует сразу же договориться о терминологии: наряду с перечисленными можно было бы назвать также речевые способности, виды языковой компетенции, степени владения языком. Все это, конечно, не синонимы, но близкие друг другу термины. Ясно при этом, что лексический компонент речевой способности, например, и готовность осуществлять адекватный лексический выбор представляют собой не одно и то же, хотя являются соотносимыми понятиями. Конечно, можно было бы, учитывая такое обилие довольно близких терминов, провести специальный анализ их содержания и употребления с целью их спецификации и обоснованного разграничения, примерно таким же образом, как это сделано для «навыка» и «умения». Но это проблема только логико-терминологического плана и проблема, в конце концов, разрешимая. Главная же трудность заключается в другом – в определении объема этих понятий, установлении связей между их содержанием, содержанием обучения языку и системой языка: скажем, систематизированный перечень умений и навыков должен, с одной стороны, отвечать содержанию обучения, а с другой стороны, должен полностью покрывать систему языка, как в зеркале отражая его грамматический строй, лексику, стилистику.

Тогда этот систематизированный перечень и воссоздает структуру языковой личности. Но такого перечня, такой структуры в лингводидактике не существует. Более того, наполнение одних и тех же понятий не регламентировано, колеблется в очень широких пределах – от приравнивания, отождествления умения (или навыка) с общественной функцией языка до сведения его к владению одной определенной орфограммой, что ведет к чисто метафорическому, образному использованию всех названных терминов. Ср. «...Выпускник национальной школы должен научиться:

- а) пользоваться русским языком в форме устной речи для общения в быту и на производстве;
- б) пользоваться русским языком при составлении необходимой документации;
- в) читать научную и научно-техническую, публицистическую литературу на русском языке;
- г) читать русскую художественную литературу;
- д) самостоятельно развивать и совершенствовать свои умения в области речевой деятельности на русском языке в том направлении, в каком это потребуется».

Едва ли кто-нибудь станет возражать против такого перечня, но и служить руководством к действию он тоже не может в силу широты и неопределенности каждого пункта. Могут возразить, указав на то, что конкретизация перечисленных «умений» достигается в программе, учебнике и методических разработках к ним, однако ни один из этих источников не специализируется на самом деле на умениях и навыках ученика, затрагивая их лишь частично, попутно и решая при этом свою собственную, специфическую задачу: программа – отразить строй изучаемого языка, составляющий недифференцированный, недискретный объем знаний; учебник – редуцировать материал программы, соединить его с методикой и препарировать в упражнениях; методические разработки – расчлнить недискретный континуум знаний и соотнести его с сеткой часов и интеллектуально-психическими возможностями ученика. Тем не менее, из такого рода литературы, как и вообще из работ, посвященных преподаванию русского языка, оказывается возможным извлечь значительную по объему совокупность названий для различных умений и навыков. В неупорядоченном, «валовом» перечислении эта совокупность производит впечатление случайного набора несоизмеримых, плохо соотносимых одна с другой речевых способностей. Если на эту трудность наложить еще необходимость различения умения от навыка, то совокупная картина станет еще более запутанной. Чтобы сделать рассматриваемую нами «целевую» модель языковой личности несколько компактнее, упорядоченнее и нагляднее, будем для простоты всякий вид языковой способности называть «готовностью» (например, «готовность к рецепции терминологической лексики в области химии кристаллов»), не проводя дифференциации между умением, навыком или компетенцией. Полученный набор готовностей к речевой деятельности распределим далее по схеме трехуровневой организации языковой личности, приведенной в этой главе. Поскольку при этом мы исходим из той совокупности, которая получена простым извлечением из некоторого числа соответствующих работ, никак не пытаюсь дополнить, достроить список, основываясь, скажем, на системных или логико-имплицативных связях между готовностями, его состав может производить впечатление незавершенного и даже чего-то случайного. Творчески настроенный читатель легко продолжит этот ряд, снабдив, например, каждую рецептивную готовность ее продуктивным коррелятом или распространив с одного уровня на другой. В нашу же задачу входила только фиксация и коллекционирование встретившихся готовностей с целью выяснения их аналитической и синтетической ценности и возможностей систематизации для моделирования языковой личности. В приводимом списке распределение по уровням представляется более надежным, чем разграничение внутри уровней по соответствующим клеткам схемы, которое произведено с известной степенью условности (см. схему на с.27-30).

Упорядоченный таким способом перечень речевых навыков и умений (готовностей), давая определенное представление об операционном наполнении понятия «языковая личность», об ее «готовностной модели», все же ставит одновременно и много новых вопросов, которые требуют развертывания некоторого дополнительного комментария к списку.

Прежде всего по неравномерности масштабов, объемов выделяемых готовностей, их известной несоизмеримости друг с другом. С одной стороны, мы отмечаем готовность осуществлять адекватный выбор

лексических средств, связанный с необходимостью выразить, объективировать в конкретном тексте на данном языке определенные смыслы, с другой стороны, в числе готовностей фигурирует и готовность к номинативной деятельности, относящаяся не к владению средствами конкретного языка, а к родовой способности гомо сапиенс оперировать знаковыми системами. Таким же образом, наряду с готовностью, скажем, к рецепции грамматических структур данного (русского, например) языка, можно, казалось бы, говорить о готовности (предрасположенности, как свойстве вида гомо сапиенс) к усвоению грамматики вообще и оперированию грамматическими структурами. Но здесь мы уже выходим за рамки лингводидактики и вторгаемся в сферы философии, психолингвистики и биологии, ведущие к тайнам происхождения человеческого языка вообще. Но далее совершенно понятно, что такая готовность, например, как «рецепция грамматических структур», складывается из большого ряда частных операционных готовностей типа «рецепция способа выражения результативности действия в русском языке» или «...способов выражения субъекта обладания», «...рецепция сравнительных оборотов» или «...моделей придаточных предложений времени», тогда как «готовность использовать инациональную лексику», видимо, не является сложной по своему устройству, но опирается в виде предпосылки на контактирование с другим языком. Аналогично соотношение между готовностью владения нормами орфографии, которая включает большое число частных готовностей пользования различными типами проверок, и, казалось бы, элементарной готовностью к оперированию национальным ономастиком. С другой стороны, пять последних готовностей, перечисленных под клеткой В-3, вполне могут быть объединены в одну усложненную – «готовность к эстетизации речевых поступков», т.е. к эстетическому синтезу, коррелирующую с упомянутой в списке под той же клеткой «готовностью к эстетическому анализу текста», хотя последнюю уже трудно назвать собственно «готовностью»: речь действительно идет о рецептивном виде деятельности, но он невозможен без креативной способности языковой личности. Таким образом, можно констатировать, что при выделении различного вида готовностей действуют две разнонаправленные тенденции – дифференциальная, приводящая к их максимальному дроблению, измельчению и в крайнем выражении стремящаяся привести каждую из них в соответствие единицам языковой системы, и интегральная, ориентированная на характеристику комплексных, высших умений владения личностью языком. Иными словами, здесь, как и в лексикографии, в теории и практике построения словарей, можно говорить о лингвоцентризме и антропоцентризме (В.В. Морковкин). Но вывод при таком положении дел должен быть неутешителен: в условиях действия этих разнонаправленных тенденций может быть и удастся уточнить демаркационную линию между методикой (лингво-, системоцентризм) и лингводидактикой (антропоцентризм), но заведомо нельзя построить целостную «готовностную» модель языковой личности, поскольку она всегда будет принципиально неполной.

Второй вопрос, который требует обсуждения в связи с предложенным списком, касается системных отношений между самими речевыми готовностями. Интуитивно кажется ясным, что умения связаны друг с другом, образуют отдельные группировки, пучки, объединения, в которых одно может служить предпосылкой для формирования другого или естественным образом имплицировать его. Но какие готовности при этом оказываются ключевыми, так сказать, системообразующими? При рассмотрении этого списка не нужно забывать, что известная упорядоченность внесена в него уже тем, что набор готовностей распределен по клеткам таблицы, символизирующим в нашем представлении структуру языковой личности. Особенность же нашей схемы заключается в ее функциональности, в том, что языковая личность дана в ней сразу вся, целиком, одновременно и одномоментно. А это означает, что в структуре нормальной языковой личности должны быть представлены все клетки без исключения (только степень их заполнения, насыщения может быть разной) и что последовательность клеток не имеет онтогенетического (исторического, эволюционного) смысла. Тем не менее, системные отношения здесь имеют место, но они в данной таблице не эксплицированы (как, впрочем, и ни в каких иных известных автору описаниях готовностей). Скажем, готовность к устной речи (А-2) предполагает наличие сформировавшейся готовности к интериоризации, к пользованию внутренней речью (Б-3, т.е. более «высокий» как будто уровень), но последняя возможна лишь на основе уже сформированного тезауруса (предшествующая клетка Б-2). Орфографическая готовность проверки правильности написания сочетаний согласных внутри слова (*нести – нёс*: с мягким знаком или без него?) в качестве предпосылки опирается на владение правилами

словоизменения, т.е. готовности более высокого уровня. Казалось бы, далее одно из системных измерений можно проводить по линии «активное – пассивное» владение языком, продукция – рецепция речи. В самом деле, наряду со способностью, например, к восприятию синтаксических моделей предложения, всегда существует способность к их воспроизводству и т.п. Но и в этом случае мы сталкиваемся с асимметричным распределением готовностей: скажем, рецептивная лексическая компетенция резко превышает продуктивную, готовность к словопроизводительной деятельности менее масштабна, чем готовность к рецепции словообразовательных моделей, «транслятивная компетенция» при переводе на родной язык, как правило, превосходит «транслятивную компетенцию» той же личности при переводе на чужой язык и т.д. Известная асимметрия возникает и при попытке провести системное разграничение по видам речевой деятельности: рецепция устного текста не конгруэнтна рецепции письменного, а готовность к устной речи достаточно автономна по отношению к готовности продуцировать письменный текст. В итоге наших рассуждений надо констатировать, что системные отношения в наборе речевых готовностей, в «готовностной» модели языковой личности, хотя и имеют место, но остаются невыявленными; «готовностная» модель обладает потенциальной системностью.

Это свойство модели, являясь как будто негативным, имеет и свои плюсы, так как позволяет использовать ее не только по прямому назначению (т.е. как целевую, как модель синтеза), но и в качестве инструмента анализа. Так, исследуя параметры определенной языковой личности в тексте, мы можем, опираясь на группы зафиксированных в модели готовностей, расширять их состав в пределах данного типа. Например, набор из клетки В-3, названный «готовностями к эстетизации речевых поступков» (чувствовать банальность рифмы, продуктивно пользоваться тропами, версифицировать, использовать «крылатые слова», оперировать образным ономастикомом), дополняется «готовностью к языковой игре», причем последняя может дифференцироваться более тонко, с указанием конкретных приемов и языковых (т.е. «системных») средств достижения комического эффекта, на который, собственно, и нацелена языковая игра. В повести А. Жукова «Повод» комический эффект в речи философа-изобретателя Сени Хромкина достигается за счет гиперхарактеризации (соединения в поясняющем словосочетании близких по смыслу слов, т.е. рода с видом, двух синонимов и тому подобного, типа климат погоды, портрет лица, текст слов) и гиперноминализации (употребления на месте, например, адъективного словосочетания двух существительных, одно из которых, образованное от прилагательного, благодаря соответствующему суффиксу, обозначает абстрактное качество): *Бабы устно говорят, что малых цыплят таскает, утят и еще что-то блудит в бесстыдном беспорядке... Говорят, количественное множество подушил цыплят-то... (с. 5); Красивый уж больно, зверюга, смелый в поступках совершения действий (с. 7); ...каждый раз встречал меня в полугодовой продолжительности периода и всегда приветственно кукарекал (с. 20); Жизнь нашей современности идет по плану прочности созидания (с. 31); За этот продолжительный период времени действия наша текущая действительность добилась высокой практики сельской недостаточности продукции животноводства и полеводства... И остального земного шара, неровного от географической эллипсности и овражной рельефности ландшафта...(с. 78).* Аналитическое применение «готовностной» модели еще раз подтверждает ее принципиальную незавершенность, прегнантность, способность к умножению составляющих ее готовностей.

Наконец, третья особенность модели, также требующая комментария, обусловлена ее трансформируемостью, вариативностью. Имеется в виду тот факт, что формирование набора готовностей управляется и определяется далеко не субъективными характеристиками и психологическими факторами, а в первую очередь социальными условиями и соответствующими ролями языковой личности. Одно дело готовности среднего носителя языка, и другое дело готовности филолога-русиста или преподавателя русского языка, в число которых входит и умение вести урок на русском языке, и умение корректировать высказывания учеников в устной и письменной форме, и владение техникой «преподавательского чтения». Одно дело готовности русского ученика, и другое дело готовности изучающего русский язык как неродной. В последнем случае может происходить их дробление (скажем, разделение готовностей к восприятию письменного текста и восприятию того же текста на слух), специальное выделение готовностей само собой понимающихся для носителей языка (репродукция содержания текста, его интерпретация) или вообще ему

несвойственных (перевод с родного языка на изучаемый и наоборот) и т.п. Далее, набор речевых готовностей двуязычной личности отличается от готовностей одноязычного человека. Так, умение выступать на родном языке публично вовсе не означает готовности к публичной монологической речи на втором языке.

У билингва в большей степени развита готовность к заимствованиям и т.п.

Итак, подводя итоги рассмотрению «готовностной» модели языковой личности, мы должны констатировать прежде всего негативные ее характеристики: неполноту (или принципиальную незавершенность), т.е. способность к расширению «на случай», невыраженность системных отношений, т.е. потенциальную системность, и нестабильность, варьированность набора составляющих ее речевых готовностей. Может создаться впечатление, что собранные вместе эти характеристики ставят под сомнение вообще целесообразность оперирования такой моделью. Однако этот вывод оказался бы поспешным. Как показывает практика, «готовностная» модель является полезной идеализацией и в качестве вспомогательного средства, инструмента с успехом используется и в анализе, т.е. при реконструкции языковой личности на базе произведенных ею текстов, и при синтезе, т.е. целенаправленной установке на формирование, конструирование определенных свойств языковой личности. Аналитическое применение модели иллюстрируется материалом следующего раздела, а примерами целевого ее использования могут служить разного рода профессиональные «профили», профессиограммы лиц языковых (филологических) специальностей: переводчика, преподавателя, редактора, учителя. Например, разработанная в Гаванском университете «Модель специалиста» для характеристики выпускника русского отделения включает несколько разделов: общую характеристику специалиста, области его профессионального использования, объем знаний по литературе, философии, политической, экономической, общественной и культурной жизни СССР и Кубы, объем знаний по общему, русскому и испанскому языкознанию и, наконец, перечень его умений или готовностей, в числе которых значительное число готовностей, характеризующих его идеологическую вооруженность, а из языковых – готовность понимать и выражать идеи со всей ясностью, правильностью и точностью на русском языке – устно и письменно, анализировать языковые явления разных уровней в русском и испанском, переводить на испанский язык материал различных областей и жанров, за исключением художественного перевода, редактировать перевод с русского на испанский, переводить на русский материалы общественно-политического и научно-технического характера, осуществлять устный перевод «с листа» материалов такого характера, осуществлять последовательный (пофразный) перевод на один язык бесед и лекций, осуществлять перевод на оба языка разговоров и интервью, составлять рефераты, резюме и аннотации. Аналогичные целевые модели специалиста разрабатываются для всех языковых специальностей, хотя составляющий их набор готовностей может сильно колебаться даже в пределах одной профессии. Вот, например, каков набор требований к студенту выпускнику немецкого отделения Московского университета, который должен обладать следующими знаниями, умениями и навыками:

- уметь анализировать (фонетически, грамматически и лексически правильно) с точки зрения идейного содержания, композиционных и языковых особенностей, художественные произведения писателей из курса немецкой литературы и истории зарубежной литературы; уметь охарактеризовать творческий путь писателя;
- реферировать на немецком языке (с соблюдением норм фонетики, грамматики и лексики) немецкие и русские общественно-политические, литературоведческие и лингвистические тексты;
- с соблюдением норм соответствующего языка уметь переводить различные немецкие и русские тексты (по специальности, газетные статьи);
- вести свободную беседу на бытовые и общественно-политические темы, а также на темы по специальности (языкознание, литературоведение);
- знать материал всех теоретических курсов и уметь практически применять сведения, полученные в них.

Легко заметить, что такого типа умения, формирующие образ специалиста, становятся все более крупномасштабными, незаметно переходя грань, отделяющую «погруженные в язык» собственно речевые готовности (например, готовности использовать префиксально-суффиксально-постфиксальный способ для передачи в русском языке значения «становиться каким» – *убыстряться*) от аспектов социально-духовной деятельности, связанной с употреблением языка и манипулированием текстами (например, «уметь охарактеризовать творческий путь писателя»).

Наряду с рассмотренными «методической» и «готовностной» моделями языковой личности, которые получены здесь на пути, так сказать, обобщения и «рациональной реконструкции» бытующих в языкознании, психолингвистике и лингаоидидактике идей, в последние годы разработана еще одна модель, самым автором названная «лингводидактической». Особенность ее заключается в том, что, соединяя данные об устройстве языка, о языковой структуре с видами речевой деятельности (в этой части она совпадает с другими подходами), данная модель представляет языковую личность в ее развитии, становлении, в ее движении от одного уровня владения языком к другому, более высокому. Тем не менее, она не может быть охарактеризована как онтогенетическая, поскольку речь идет не только о ребенке, но и о взрослой личности, совершенствующей свое знание языка (а развитие высших умений, согласно автору, продолжается до 40 лет), а также об овладении вторым языком. Принципиально новым в этой модели является введение уровней владения языком.

Таких уровней выделяется пять: уровень правильности, предполагающий знание достаточно большого лексического запаса и основных строевых закономерностей языка и позволяющий тем самым строить высказывания и продуцировать тексты в соответствии с элементарными правилами данного языка; уровень интериоризации, включающий умения реализовать и воспринимать высказывания в соответствии с внутренним планом речевого поступка; уровень насыщенности, выделяемый с точки зрения отраженности в речи всего разнообразия, всего богатства выразительных средств языка в области фонетики, грамматики и лексики; уровень адекватного выбора, оцениваемый с точки зрения соответствия используемых в высказывании языковых средств сфере общения, коммуникативной ситуации и ролям коммуникантов; уровень адекватного синтеза, учитывающий соответствие порожденного личностью текста всему комплексу содержательных и коммуникативных задач, положенных в его основу. Уровни развитости языковой личности составляют «третье измерение», а вся модель предстает как трехмерное образование (своеобразный параллелепипед) на пересечении трех осей – уровней языковой структуры (их три – фонетика, грамматика и лексика, но могло бы быть и больше, поскольку в грамматике можно противопоставить морфологию синтаксису или внутри морфологии выделить в качестве самостоятельных словоизменение и словообразование), пяти охарактеризованных выше уровней владения языком и четырех видов речевой деятельности – говорения, письма, слушания и чтения. В результате модель слагается из 60 ($3 \times 5 \times 4 = 60$) «кирпичиков», каждый из которых обозначает определенный компонент языковой личности, соотносимый с понятием речевой готовности: например, «адекватный выбор фонетического варианта для устного (публичного) выступления» или «восприятие при чтении насыщенности текста разнообразием синонимических средств (лексика) для передачи того или иного понятия».

«Лингводидактическая» модель языковой личности обладает, на наш взгляд, большей разрешающей диагностической силой, чем «методическая» модель, а от «готовностной» модели ее выгодно отличает отчетливо выраженная системность. Однако она и явно уступает последней из-за недискретности, недифференцированности, с какой в ней представлена языковая структура: один «кирпичик» на всю грамматику вообще, один «кирпичик» на всю лексику и т.п. Далее, при несомненной эвристической ценности «лингводидактической» модели, заключающейся в возможности представить языковую личность компактно, обозримо и в динамике, модель страдает от своей глобальности (она равным образом безразлична к тому, моделирует ли она онтогенез или арогенез личности) и своей универсальности, т.е. приложимости к любой языковой личности независимо от национальной специфики языка, независимо от того, первый (родной) это язык или второй.

Вопросы для самоконтроля по теме 1. Культурно-антропологические основы межкультурной коммуникации

Подготовьте ответы на вопросы:

1. Что такое «вторичная» языковая личность (языковая способность)?
2. Что такое «лингводидактическая модель языковой личности»?

Задание для самостоятельной работы по теме 1. Культурно-антропологические основы межкультурной коммуникации

Подготовьте сообщение с презентацией на тему: «Лингводидактическая модель языковой личности Г.И.Богина и «готовностная» модель языковой личности Ю.Н.Караулова; их роль в формировании вторичной языковой способности.

Литература по теме 4. Формирование «вторичной языковой способности» как первый шаг на пути к межкультурной коммуникации. Лингводидактическая модель языковой личности

Обязательная литература

1. *Караулов Ю.Н.* русский язык и языковая личность. – М., 1987. – С. 48-68.
2. *Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. – Л., 1984.

ТЕМА 5

Индивидуальная и коллективная языковая личность: формирование и функционирование

Ключевые слова: индивидуальная языковая личность, коллективная языковая личность; идентичность языковой личности; менталитет, национальный дух, национальный характер, концетосфера, языковая картина мира.

Основная литература

1. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007. – С. 101-106.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – С. 35-48.

Дополнительная литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С. 320-325.
2. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М., 1985. – С. 343-380.
3. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М., 2002. – С. 170-175.

[Литература](#)

[Вопросы для самоконтроля](#)

[Задание для самостоятельной работы](#)

Языковая личность, анализируемая с позиций МКК, представляет собой единство коллективного и индивидуального, которые существуют в неразрывной связи друг с другом. С одной стороны, коллективная память и коллективные аспекты языка складываются из многократно повторенных впечатлений, словоупотреблений, коммуникативных стратегий и т.д.

С другой стороны, индивидуальная личность формируется на основе коллективного опыта и коллективной памяти. Идентичность языковой личности не может сложиться вне человеческого сообщества, ибо она предполагает отождествление себя с другими и анализ себя на фоне других. Таким образом, языковая личность представляет собой сложное переплетение коллективного, преломленного через призму индивидуальности. Собственно языковая, или словарная, личность есть «закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного естественного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры речевой личности важны». Соответственно языковой, т.е. коллективной, личности противопоставляется личность говорящая, или индивидуальная. Деление это достаточно условно: одно не может существовать без другого. Типизация происходит на основе индивидуальных черт конкретных носителей языка; с другой стороны, индивидуальные личности усваивают типичные черты своей культуры как обобщенного явления.

Как коллективная, так и индивидуальная языковые личности важны для всех уровней нашей системно-динамической модели МКК. На уровне культур фигурирует обобщенная личность, вобравшая в себя всю духовную энергию народа, и личность идиолектная, оказывающая воздействие на жизнь нации (например, главы государств, известные писатели, дипломаты, выступающие как интерпретаторы политики обеих стран и т.д.).

Степень «коллективности» языковой личности может быть различной. Личность включает в себе признаки больших и малых групп, в состав которых она входит. В первую очередь, это принадлежность к человечеству как единому целому. Универсальные черты, присущие пользователю языка как средства коммуникации, обуславливают единство человечества на основе этого признака как одного из определяющих.

А. Вежбицкая пишет об общей понятийной базе, объединяющей различные культуры и общества. «Если бы такая общая база не существовала, – утверждает она, – различные понятийные миры, связанные с различными языками, были бы взаимонепроницаемы» [Вежбицкая, 1996: 320].

Важнейшими понятиями в связи с анализом *коллективной языковой личности* на уровне нации являются менталитет, национальный дух, национальный характер, концептосфера, языковая картина мира, тип (архетип) и стереотип.

Понятие духа языка является трудноуловимым и сложным для анализа. Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, все носители языка интуитивно ощущают наличие этого духа, а с другой, оно с трудом поддается определению, поскольку нелегко соотнести само понятие духа с материальными средствами его выражения. В. Гумбольдт рассматривает дух человечества как содержание, вмещенное в человеческую форму [Гумбольдт 1985: 343] и полагает, что «по-разному сформированные языки обладают разной степенью пригодности к той или иной духовной деятельности» [там же: 380]. Поэтому изучение языка только в чисто структурном плане, без учета культурных факторов и внутреннего мира человека, является тупиковым: «Только тогда, когда научное рассмотрение объединит характер народа во всех его независимых от языка проявлениях, субъективный характер индивидуальности, не зависящей от различных путей мысли и дела, и характер, которым обладают или который могут принимать языки, только тогда мы приблизимся к проникновению в то многообразие и единство, в котором сходится бесконечное и неисчерпаемое целое духовных устремлений» [там же: 373].

Современные исследователи пытаются определить гумбольдтовское понятие неуловимого народного духа через термины «коллективная память», «менталитет», «картина мира», «лингвокультура» и т.д. Представители европейского направления неогумбольдтианства (Л. Вайсгербер, Г. Гольц, Г. Ипсен, П. Гартман и др.) рассматривают язык не как средство мышления, а как промежуточный мир между объективной действительностью и мышлением, и приходят к выводу о том, что мышление каждого народа имеет чисто национальные черты и его развитие целиком определяется имманентным развитием национального языка [Панфилов 1977: 23-25]. Таким образом, в МКК происходит столкновение двух промежуточных миров, в результате чего путь от сознания к сознанию осложняется межъязыковыми и межкультурными барьерами.

Коллективная память, запечатленная в языке и духовной культуре, выступает как средство хранения и накопления информации, требующее поддержания знаковых систем, определенного метода упорядочения, организации информации по ее ценности и содержанию [Ерасов 1997: 203-204].

Коллективная память соотносится с понятием «разделенного знания», на базе которого в процессе общения строится новое содержание – продукт совместного творчества коммуникантов. Однако часть информации, запечатленной в коллективной памяти, является национально-специфичной и не вызывает реакции узнавания у коммуникантов из другой культуры.

Идея коллективной ментальности восходит к книге А. Токвиля «Демократия в Америке», в которой он блестяще проанализировал менталитет американцев своего времени. Многие из его наблюдений остаются актуальными до сих пор.

П.С. Гуревич определяет ментальность как «продукт коллективного творчества, присваиваемый индивидом и становящийся неотъемлемой частью его мировосприятия». Он подчеркивает «более устойчивый характер ментальности, восходящей к бессознательным глубинам психики, по сравнению с переменчивыми общественными настроениями, ценностными ориентациями и идеологией. < ... > Внутри ментальности, – пишет он, – находят себя различные оппозиции – природное и культурное, эмоциональное и рассудочное, иррациональное и рациональное, индивидуальное и общественное» [Гуревич 1994: 242-245].

Конститутивным признаком понятия «менталитет» является его принадлежность к определенной социальной или культурной группе. Таким образом, в нем изначально заложена потенциальная возможность быть противопоставленным менталитету другой группы. Параметрами противопоставления могут быть когнитивные и мыслительные схемы и модели, образы и ценностные ориентиры.

Целый ряд исследований подтверждает, что между менталитетом и языком существует тесная связь. По С.Е. Никитиной [1989: 35], «языковое самосознание является частью культурного самосознания. Между осознанием элементов языка и других элементов культуры нет четко выраженной границы. Достаточно вспомнить, что в переломные исторические эпохи родной язык становится символом национального самосознания». Ю.Н. Караулов [1989: 7] высказывает предположение о существовании так называемой психоглоссы, под которой понимает единицу языкового сознания, отражающую определенную характерную черту языкового строя, системы родного языка, обладающую высокой устойчивостью к вариациям и стабильностью во времени. В.И. Карасик усматривает возможность реконструкции «коллективного бессознательно» через некоторые материализованные показатели, в качестве которых могут выступать зафиксированные в языковых значениях концепты, ценностные и культурные доминанты, «приоритетные для данного языка грамматические способы, их комбинаторики, их взаимодействие со всеми остальными способами выражения содержания в языке» [Карасик 1992: 170].

В свою очередь, *индивидуальная языковая личность* реализуется на уровне идиолекта, который представляет собой «персональную» лингвистическую систему конкретного коммуниканта, с вариациями на фонологическом, грамматическом и лексическом уровне. Каждый идиолект неповторим, как отпечатки пальцев индивида. На его характер влияет множество факторов: пол; возраст, социальное положение, место жительства, психотип, физиологические особенности и так далее, которые в совокупности образуют то, что называется индивидуальностью.

Идиолектные различия проявляются в тончайших нюансах произношения и интонации, специфическом для данного индивида отборе лексических средств, особенностях синтаксиса и т.д. Именно это обстоятельство позволяет русским критикам рассуждать о «сжатой крепости и энергии» стиха В.А. Жуковского, «живописном, ярком и рельефном» языке Н.В. Гоголя (В.Г. Белинский), «собственной, оригинальной и в то же время очень разнообразной физиономии» произведений А.К. Толстого (А.И. Герцен). Даже минимальные единицы (звуки, буквы и цифры) могут обретать индивидуальные символические значения и ассоциации. Так, например, Кафка признавался, что находит букву К «оскорбительной, даже тошнотворной», несмотря на то, что это «его» буква. Один из литературных критиков пишет о том, что тире у Цветаевой – «пауза, заполненная глубоким вздохом», – считается неотъемлемой частью ее текстов, индивидуальным способом ее осмысления мира.

Совокупность личностных смыслов и ассоциативных контекстов языковой личности образует ее идеосферу. Область пересечения идеосфер всех членов языкового коллектива представляет собой концептосферу данной культуры (термины Д. С. Лихачева).

Именно идиолект является «окном» во внутренний мир личности. Если исходить из этой точки зрения, то можно говорить о внутреннем идиолекте, т.е. индивидуальных способах кодирования смыслов на уровне внутренней речи, и внешнем идиолекте, который проявляется на уровне поверхностных языковых структур. Внутренний и внешний идиолекты являются основными средствами реализации человеческого самосознания.

Между коллективным и индивидуальным не существует непроходимой границы. С одной стороны, коллективное существует как множество индивидуальных реализаций. С другой стороны, все коммуникативные системы, включая язык, являются результатом «коллективного творчества» человеческих сообществ.

В силу культурных различий идиолектная «мозаика» отличается от одной культуры к другой. Сложное переплетение коллективного и индивидуального в языке и речи обуславливает дополнительные сложности в межкультурной коммуникации. Дело в том, что часто бывает трудно определить, что в

коммуникативном поведении индивидуума принадлежит лично ему, а что является отражением национально-специфических особенностей всего языкового коллектива. В результате при общении представителей разных культур индивидуальные черты идиолектной личности могут обобщаться и ошибочно возводиться в ранг национально-специфических. Именно в этом заключается механизм формирования стереотипов. С другой стороны, национально-культурные черты поведения могут игнорироваться на основании того, что представитель другой культуры не идентифицирует их как обобщенные, а считает присущими лишь конкретной личности.

Поэтому важное значение в МКК приобретает умение разграничивать коллективное и индивидуальное в коммуникативном поведении представителей других культур.

Вопросы для самоконтроля по теме 5. Индивидуальная и коллективная языковая личность: формирование и функционирование

Подготовьте ответы на вопросы:

1. Что такое «индивидуальная языковая личность»?
2. Что такое «коллективная языковая личность»?
3. Каковы основные составляющие идентичности языковой личности?

Задание для самостоятельной работы по теме 1. Культурно-антропологические основы межкультурной коммуникации

Подготовьте доклад на тему: «Основные составляющие идентичности языковой личности».

Литература по теме 5. Индивидуальная и коллективная языковая личность: формирование и функционирование

Основная литература

1. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007. – С. 101-106.
2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – С. 35-48.

Дополнительная литература

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С. 320-325.
2. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. – М., 1985. – С. 343-380.
3. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. – М., 2002. – С. 170-175.

Тема 6

Понятие ассоциативно-вербальной сети (АВС). Отражение структуры языковой личности в АВС

Ключевые слова: ассоциативно-вербальная сеть (АВС); нелинейное письмо(чтение); гиертекст; грамматикализация.

[6.1. Ассоциативно-вербальная сеть как субстрат языковой способности носителя языка](#)

[6.2. Отражение структуры языковой личности в ассоциативно-вербальной сети](#)

[Литература](#)

[Вопросы для самоконтроля](#)

[Задание для самостоятельной работы](#)

6.1. Ассоциативно-вербальная сеть как субстрат языковой способности носителя языка

Все известные в лингвистической практике «ассоциативные словари» анализировались исследователями с акцентом на втором элементе их названия, т.е. всегда рассматривались только лексикографически как «словарь», как способ представления лексической системы. Резкий количественный рост материала в трехэтапном Ассоциативном тезаурусе русского языка по сравнению с [известными ассоциативными словарями](#) придал ему новое качество, позволил трактовать его как «сеть» и рассматривать ее, в свою очередь, как субстрат языковой способности носителя языка.

При этом, естественно, наблюдая в сети грамматические отношения и закономерности, мы квалифицируем и характеризуем их в терминах традиционной, системно-дескриптивной грамматики, оперируя привычными понятиями части речи, грамматической категории, словосочетания, падежа, согласования, глагольного вида и т.п. У лингвиста просто нет других возможностей для представления грамматического строя языка, кроме апелляции к «системе». В то же время эта «система» – при «сетевом» к ней подходе – предстает в несколько ином, отличающемся от традиционного виде. Позиционный (как было отмечено выше) характер ассоциативной грамматики, придающий ей статус «грамматики предикаций», обуславливает необходимость не изолированного анализа и описания составляющих ее грамматических средств, способов, категорий и отношений, а представления их в динамическом взаимодействии, в новой их систематизации – уже не в статике, а на грани «готовности к употреблению». Именно в таком состоянии «неустойчивого равновесия» с готовностью вылиться в текст, стать текстом, но еще не став им, грамматика пребывает в ассоциативно-вербальной сети.

Это ее «предтекстовое» состояние подтверждается двумя рядами аргументов. Во-первых, статистико-грамматическими показателями, или степенью грамматикализованности АВС. Подсчет соотношения в Русском ассоциативном словаре грамматикализованных единиц, т.е. словоформ, с единицами, данными в «нулевой» лемматизированной форме, выявил интересную закономерность: словоформы – грамматически оформленные и грамматически зависимые единицы – составили 72–75% от всех единиц, вошедших в АВС, а леммы, т.е. единицы с грамматически невыраженными признаками (имена в Им.п. ед.ч., глаголы в инфинитиве, неизменяемые слова вне словосочетаний) составили 25%. Иначе говоря, степень грамматикализованности АВС оценивается показателем в 75%. Сам по себе этот показатель еще ничего не выражает. Однако когда был проведен аналогичный подсчет на массиве записей русских разговорных текстов, массиве, сопоставимом по объему с Русским ассоциативным словарем (в РАС-1 ок. 500 тыс. словоупотреблений, в использованных для подсчета записях разговорной речи ок. 180 тыс.

словоупотреблений), то обнаружилось удивительное, на первый взгляд, совпадение показателей грамматикализованности двух разных массивов: грамматикализованность русского разговорного текста оказалась одинаковой с грамматикализованностью АВС и тоже составила около 75% [*](#). При всей формалистичности таких подсчетов это совпадение значимо и, во всяком случае, может служить аргументом, указывающим на предтекстовое состояние грамматики в АВС.

Другого типа аргументация, поддерживающая это утверждение, основывается на тех возможностях, которые открывает сеть перед исследователем, поставившим экспериментальную задачу по построению из ее элементов связных и осмысленных предложений и даже текстов. Оказывается, из синтаксиса сети, по определению уже как бы заряженных предикацией, экспериментатор (а значит, и пользователь) может «собрать», скомпоновать, сконструировать практически любое – правильно построенное и осмысленное – предложение русского языка.

Эту задачу игрового, по сути дела, характера можно решать по-разному.

Можно, «путешествуя» по сети, по прямым и обратным словарям всех трех этапов эксперимента, подбирать совместимые грамматически и синтаксически синтаксемы, «складывая» из них развернутое предложение русского языка; причем начинать можно (не в пример грамматике непосредственно составляющих, которая развертывает предложение только из соединения именной и глагольной групп) с любой, в том числе подчиненной, самой второстепенной синтагмы. Например:

хорошо будет, наверно (РАС-2), ходить в гости (РАС-1) по утрам, являться (РАС-2), как снег на голову (РАС-2), приносить радость (РАС-1) друзьям-товарищам (РАС-2), дарить улыбку (РАС-4), и пляской, песней (РАС-4) поднять настроение (РАС-1), вежливо намекнуть (РАС-3), что заслужил (РАС-4) хорошее угощение.

Полученное таким путем предложение можно далее трансформировать любым заданным или произвольным способом, варьируя грамматические связи (например, заменив глагол в инфинитиве *намекнуть* деепричастной формой, что придаст фразе динамику), распространяя его новыми подчинительными и сочинительными связями и разворачивая его в более широкий связный текст.

Можно провести подобного рода эксперимент иначе, поставив задачу построить из сети то предложение, которое задано заранее. Такой эксперимент проводил [автор этих строк](#). Подбирая в АВС составляющие это предложение синтаксемы и используя аналогические отношения между разного рода синтаксемами, он воспроизвел следующую фразу:

он говорит + говорит много + говорит о любви + (тяга, жалость, интерес, сострадание, сочувствие, к = любовь к) + (к театру, к свету, к окружающим, к учебе, к труду, к искусству) → *он много говорит о любви к искусству.*

Применяя те же приемы, исследователь или изучающий русский язык студент может строить грамматически правильные и осмысленные фразы путем «путешествия» по сети, подбора грамматикализованных ее фрагментов (т.е. S–R синтаксем), и складывания из них, как из картинок в головоломке, полных, законченных предложений русского языка.

Таким образом, степень грамматикализованности АВС, равная степени грамматикализованности русской разговорной речи, позволяющая обнаружить в ней все системные составляющие грамматического строя, т.е. реконструировать систему, с одной стороны, а также возможность строить, собирать из элементов сети, ее единиц-синтаксем, как из готовых блоков, целые предложения и тексты, с другой стороны, указывают на ее двойственную природу, на ее промежуточный характер – между системой и текстом. В ней скрыты, заложены имплицитно свойства и особенности и того, и другого, что в общем хорошо согласуется с ее трактовкой как субстрата языковой способности.

Такая универсальность рассматриваемого образования – ассоциативно-вербальной сети, – и основной метод ее освоения исследователем, метод «путешествия, странствия» по сети, повторяющий, очевидно, сам способ ее функционирования, наводят на мысль, что в ее природе заложено еще одно фундаментальное свойство.

Речь идет о принципиальной, глубинной аналогии, которая прослеживается между устройством и функционированием АВС и так называемым «нелинейным письмом» и «нелинейным чтением». Понятие «нелинейное письмо» приобрело методологический смысл после известной книги [Ж. Деррида](#). Последний – в названной работе и ряде последующих – развивает теорию, согласно которой формы человеческого мышления не соответствуют формам общераспространенного линейного письма: мысль движется нелинейно, она «странствует» в смысловом пространстве, осуществляя неожиданные скачки, обратные движения и резкие, неплавные переходы. Текст же («письмо» или «речь») развертывается в линейной последовательности и обладает связностью и кореферентностью (т.е. согласованностью деталей, элементов) на микроуровне (во фразе) и единством на макроуровне (т.е. обнаруживает соответствие единой цели, авторскому замыслу)*.

Нелинейный многомерный текст, коррелирующий с движением мысли в смысловом пространстве, получил в специальной литературе название «гипертекста», а применение компьютера позволило разработать технику создания и чтения таких текстов. В процессе построения гипертекста очередной отрезок обычного, линейного текста, или «запись», помещается в сеть связей с другими записями, т.е. прочерчивается не одна смысловая траектория, не одно, увязанное только с предыдущим продолжение, не один ряд, а сразу несколько возможных переходов, несколько путей распространения связей смыслоносущих элементов данного отрезка. В свою очередь читатель, совершая переход от одной записи к другой, каждый раз в качестве опоры для связывания записей может выбирать разные элементы, тем самым по своему усмотрению определяя одну из возможностей для продолжения движения в многомерном пространстве нелинейного текста.

В «чистом» гипертексте в явном виде нет иерархической структуры, нет фиксированного начала и конца; здесь нет и закрытости, присущей обычному линейному тексту. Гипертекст пронцаем, он принципиально открыт для добавления новых элементов. Эти свойства однозначно указывают на прямую аналогию АВС и гипертекста. АВС, как и гипертекст, обладает способностью развертываться из единственной и любой ее точки; как и гипертекст, АВС не имеет фиксированного начала и конца. Так же, как в гипертексте, в АВС нет закрытости, она тоже является принципиально открытой для расширения. Наконец, и это самое важное, связи, устанавливаемые между ее элементами, не есть связи внутри одного линейного текста, но связи элементов, принадлежащих разным текстам, т.е. интертекстуальные связи, между «следами фиксации мысли» в разных текстах*.

Вывод из этого сопоставления один: ассоциативно-вербальная сеть обладает всеми свойствами гипертекста и, следовательно, представляет собой такую его разновидность, в которой отдельные записи («микротексты») подвержены максимальной компрессии, сжаты до предельных знаков, символов многочисленных текстов. Помимо уже упомянутых, общих для гипертекста и АВС свойств, нужно отметить также способность той и другой разновидности нелинейного текста (ср. приведенные выше опыты «склеивания» предложений из единиц АВС). И кроме всего прочего нельзя не подчеркнуть исключительной близости ряда собственных свойств АВС к законам организации мыслительной (или речемыслительной) деятельности человека. На такую же близость исходно, по определению, претендует и [гипертекст](#).

Таким образом, мы можем вполне обоснованно открыть еще одну, новую ипостась ассоциативно-вербальной сети, оттенив ее нелинейный характер и проведя параллель между нею и гипертекстом. Теперь, несколько неопределенно охарактеризованное вначале, ее положение между системой и текстом можно сформулировать в более категоричной форме:

Ассоциативно-вербальная сеть – это система, но система в диссипированном, распределенном на массиве лексем виде. АВС – это одновременно и текст, но текст, представленный большим числом многомерно связанных одна с другой записей, т.е. гипертекст.

6.2. Отражение структуры языковой личности в ассоциативно-вербальной сети

Обратившись к статье Русского ассоциативного словаря **черный**, мы можем выстроить три ряда внешне похожих одно на другое словосочетаний (= синтаксем):

I	II	III
	черный шар	
черный жук	черный период	черный Саша
черный карандаш	черный ход	черный квадрат
черный автомобиль	черный юмор	черный – плохой
черный дым	черный рынок	черный – красиво
черный берет	черная суббота	черный ворон
черный чемодан	черная дыра	черный – неблагополучие
черный костюм	черный ящик	черный – траур
черный пес	черный кобель	черный кот

Это разделение на три группы может показаться неубедительным, особенно, если сравнить синтаксемы, завершающие каждый из столбцов: *черный пес*, *черный кобель*, *черный кот*. Животные могут иметь шерсть черного цвета, и их названия соответственно могут образовывать словосочетания с прилагательными, обозначающими цвет, и тогда этот ряд из трех названий животных черного цвета мог бы быть совершенно обоснованно дополнен другими подобными синтаксемам и, почерпнутыми из той же статьи: *черный пудель*, *черный конь*, *черный коршун*, *черный баран* и т.д. Дело однако в том, что содержание синтаксем *черный кобель* и *черный котне* исчерпывается указанием на цвет животного, как во всех прочих случаях. Более того, цветовой компонент в их содержании играет даже не главную, а второстепенную роль. Основной же смысл связан с идиоматическим и культурно-историческим наполнением этих словосочетаний. Сочетание *черный кобель*, будучи формально обозначением 'самца собаки черного цвета', одновременно оказывается синтаксическим примитивом целой идиомы, «фразеологическим примитивом», если можно так выразиться, поскольку для носителя языка оно прежде всего связывается с русской поговоркой «черного кобеля не отмоешь добела». Ясно, что в этой идиоме и существительное *кобель* утратило указанное выше прямое денотативное значение и несет смысл 'человека – мужчины, имеющего беспорядочные половые связи, ведущего предосудительно разнузданную сексуальную жизнь и во всех ситуациях выдвигающего на первое место сексуальные мотивы'. Вне идиомы, само слово *кобель* не слишком часто используется в современном русском языке. Даже в языке специалистов-кинологов, где оно выступает в строго терминологическом смысле, его предпочитают заменять эвфемизмом *мальчик*. Соответственно на месте обозначения особи женского пола – *сука* кинологи употребляют эвфемизм *девочка*, что опять-таки связано с ярко выраженным эмоционально-отрицательным смыслом этого слова.

Влияние образно-идиоматического употребления так велико, что во всех случаях появления слова *кобель* в качестве реакций в Ассоциативном тезаурусе оно несет на себе отпечаток идиомы, в которую входит, т.е. во всех случаях имеется в виду 'мужчина, характеризующийся указанными выше свойствами'. Ср. в РАС-2: *кобель* <- **повеса, спесивый, молодой, старый, одинокий, черный**; в РАС-4: *кобель* <- **женатый, пол, средних лет**.

Что касается формы, в которой в статье **черный** зафиксирована идиома «черного кобеля не отмоешь добела», то она типична для всех случаев, когда испытуемый в ответе на стимул использует фразеологическое выражение. Как показал анализ и последующее лексикографическое обобщение

идиоматики в АВС, в редких случаях фразеологическое выражение приводится полностью. Было высказано предположение, что и в сознании носителя, в его языковой способности (соответственно – в сети, как ее субстрате) фразеологизм не хранится в полном виде, а существует в виде компрессированных следов, своеобразных «вех памяти», связанных с опорными для фразеологизма словами. Ср. **баран** -> *новые ворота* (< смотрит как баран на новые ворота); **упасть** -> *яблоку* (< так тесно, яблоку негде упасть); **заменить** - *хрен на редьку* (< хрен редьки не слаще); **игла** -> *в сене; в стогу; в стогу сена* (< искать иголку в стоге сена); **игла** -> *в мешке* (< шила в мешке не утаишь) и т.п. Таким образом, и формальные, и содержательные критерии подтверждают справедливость разнокачественности синтаксем *черный пес* и *черный кобель*, данных в качестве реакции на стимул **черный**.

Столь же отличающимися от синтаксем I столбца (см. с. 70) оказываются и другие словосочетания, включенные во II группу. Все вошедшие сюда единицы характеризуются, во-первых, устойчивостью семантико-синтаксической связи со своим существительным, т.е. образуют в паре с ним относительно устойчивое единство; во-вторых, тема цвета в этом выражении либо утрачена вовсе, либо находится где-то на периферии общего смысла синтаксемы:

черный шар – при тайном голосовании подача голоса против кандидата (на должность, на получение премии, звания и т.д.);

черный период – плохое, неудачное время для кого-то;

черный ход – задний вход/выход в дом с противоположной фасаду стороны или (переносно) незаконное, в нарушение этических норм и в обход существующих правил совершаемое кем-либо действие для достижения корыстных, как правило, целей. Ср. *найти черный ход*;

черным юмором называют юмористическое отношение к ситуации, имеющей трагический исход, но из-за своей нелепости и алогичности способной против воли вызвать улыбку; существует целая серия наивно-детских по форме анекдотов, загадок, молвушек «черного юмора», а также особый жанр «студенческого фольклора» – четверостишья и двустишья черного юмора, сходные по типу с англоязычным жанром молодежного фольклора, именуемым *limerick*;

черный рынок – незаконная купля-продажа товаров и валюты;

черная суббота – типичное советско-русское понятие для обозначения одной из суббот месяца, которая объявляется для данного предприятия рабочим днем. А поскольку все субботы и воскресенья являются выходными, нерабочими днями, а воскресения и праздники еще и отмечены в календаре красным цветом, тогда как рабочие дни – черным, то превращенная распоряжением администрации в рабочий день суббота из относящейся к «красным» становится «черной». Это тот случай, когда следы «цвета» сохраняются во внутренней форме устойчивого выражения;

черная дыра – термин астрологии и космологии, означающий такое место в галактиках, где перестают быть доступными наблюдению, исчезают космические объекты;

черный ящик – термин кибернетики, за которым стоит целая методология, связанная с «методом черного ящика», согласно которому гипотезы о внутреннем устройстве недоступного прямому наблюдению изучаемого объекта строятся только на основании данных, подаваемых на «вход черного ящика» и данных, получаемых «на выходе» в результате его функционирования. В некотором смысле предмет нашего рассмотрения – ассоциативная грамматика – тоже получена «методом черного ящика»: на «вход» языковой способности носителя языка подается стимул, на «выходе» фиксируется реакция носителя. На основании анализа входных и выходных данных делаются выводы о структуре и закономерностях функционирования языковой способности.

Таким образом, в составе синтаксем II группы мы обнаружили несколько разных типов единиц, смысл и значение которых выходят за пределы обычной лексической семантики. Если в синтаксемах *черный период*, *черный юмор* (и некоторых других этого типа: *черная зависть*, *черные мысли*, *черная память*) еще ощущается метафорический перенос значения (т.е. семантика) по линии 'черный – значит

плохой', хотя экстенционал этих понятий – перечень конкретных явлений, к которым они приложимы – исключительно широк, то за синтаксемами *черный ход* и *черный рынок* стоят вполне определенные денотаты, смысл которых предполагает знание соответствующих реалий, а не только семантики составляющих их лексических единиц. Термины *черная дыра* и *черный ящик* (а к ним из рассматриваемой статьи следует добавить еще *черное тело* – физическое понятие, которым обозначают идеальный объект, поверхность которого полностью поглощает свет, не отражая его) по своей употребительности вышли из сферы соответствующих наук, обогатив лексический состав обыденного литературного языка, но понимание их содержания требует обращения к их истокам, т.е. связывает их так или иначе с астрономией, кибернетикой и оптикой. Распредмечивание загадочной для иностранца синтаксемы *черная суббота* основывается на знании особенностей организации производства на промышленных предприятиях России, специфики отношений работников с администрацией и профсоюзами, способов, какими ведется учет рабочих часов недели и месяца. Наконец, синтаксема *черный кобель* заставляет апеллировать к знанию идиоматики, а последняя связана с образным освоением мира, с этическими и эстетическими нормами, народными верованиями и представлениями, закрепленными в национальном сознании, с типовыми историко-культурными ситуациями, обобщающими жизненный опыт народа-носителя языка.

Все эти рассуждения дают основание квалифицировать синтаксемы II группы как такие единицы, которые несут знание о мире – о мире человека, об отражении этого мира в языке, о «мире изучаемого языка».

Остается некомментируемой III группа синтаксем на стр. 70. Чем же *черный кот* этой группы так сильно отличается от *черного кобеля*, что попал в иное окружение? Мы установили, что синтаксемы I группы, реализуя общую для всех модель *Adj+Sub*, представляют собой свободные словосочетания, значение которых есть простая арифметическая сумма лексической семантики прилагательного и существительного. И на место существительного *жук* можно поставить *камень*, на место *костюм – свитер, плащ, фрак*, на место *чемодан – портфель* и т.д. (все это слова из рассматриваемой статьи **черный**), меняться будет вид одежды, обуви (ботинок, сапог), разновидность «ручной клади» и тому подобное, но значение синтаксемы всегда будет оставаться результатом суммирования семантики входящих в нее слов.

Для синтаксем II группы картина усложнилась, их результирующий смысл уже не зависит напрямую от семантики составляющих их лексем, а возникает на другом, на глубинном уровне знаний о мире. Иными словами, синтаксемы II группы можно квалифицировать как элементы языковой картины мира, которые принадлежат уже не семантическому уровню языка, а уровню когнитивному, имеющему дело с познанием реального мира, знанием человека об окружающем его мире. Для их распредмечивания уже недостаточно только языковых знаний, т.е. знаний лексики и грамматики.

Так вот, возвращаясь к *черному коту*, мы легко выделим в этой синтаксеме и возможность элементарной, суммарно-синтаксической ее интерпретации (как номинации `самца породы кошачьих черного цвета'), и возможность распредмечивания ее как неблагоприятной приметы, как элемента народных суеверий в наивной картине мира. Но к этому добавляется еще один слой смысла, еще один уровень распредмечивания. В русской массовой песенной культуре лет 10-15 назад была очень популярна песня про черного кота с незамысловатыми словами и запоминающейся мелодией. В последнее время она вновь стала исполняться модными ансамблями в современной аранжировке. Широкая известность этой песни с ее припевом:

*Говорят, не повезет,
Если черный кот дорогу перейдет,
А пока наоборот, –
Только черному коту и не везет.*

и обусловила исключительно высокую частоту ответа *кот* (по сравнению с *псом, пуделем и кобелем* и т.п.), т.е. частоту синтаксемы *черный кот* в этой статье Ассоциативного тезауруса.

Этот «третий слой смысла» связан с культурными феноменами и часто появляется в отсылках к так называемым «прецедентным текстам культуры». Под последними понимаются всякие явления культуры, хрестоматийно известные всем (или почти всем) носителям данного языка. Это могут быть собственно литературные или философские тексты. Например, по поводу последних: в бывшем Советском Союзе в бюрократических, образовательных, научных, медицинских, культурных учреждениях были обязательными политзанятия (политические или методологические семинары), на которых изучались произведения классиков марксизма-ленинизма. Поэтому книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» или «Шаг вперед, два шага назад», хотя бы по названию, знали все. Не говоря уже о произведениях классической русской литературы, известных всем со школьной скамьи (опять-таки, хотя бы по названию). Но к числу «прецедентных текстов» относятся также театральные спектакли, кино, телевизионные программы, реклама, песни, анекдоты, живописные полотна, скульптура, памятники архитектуры, музыкальные произведения и т.п. Естественно, если соответствующие произведения обладают широкой известностью, если они прецедентны в сознании среднего носителя языка. Прецедентны в том смысле, что, зная о них, он одновременно знает, что окружающие (в идеале все носители того же языка) тоже о них знают. Эти «тексты» – общее достояние нации, элементы «национальной памяти». Именно поэтому упоминание о них, отсылка к ним, вообще оперирование прецедентными текстами в процессе коммуникации служат самым разнообразным целям. Они используются как критерий оценки и сравнения, как аргумент в дискуссии, к ним прибегают для демонстрации преимущества перед партнером в диалоге (например, когда упоминается «текст», который как бы все должны знать, а партнер по диалогу не знает) или для подтверждения принадлежности партнеров коммуникации к одному и тому же речевому коллективу или социально-культурному слою. Нередко апелляция к прецедентному тексту служит для говорящего своеобразным способом самооценки.

Итак, *черный кот* в рассматриваемой статье – это не просто животное черного цвета (уровень семантики), это не только символ неприятности для встретившегося с ним человека (уровень языковой картины мира), это еще и намек на популярный (прецедентный) культурный текст. Этот последний уровень смысла целесообразно назвать прагматическим, поскольку он характеризует цели коммуникации, включает в себе оценки ее участников либо ее содержания, дает представление об их интересах, интенциях и идеалах. Понятно, что оценки, интересы и интенции говорящих могут быть переданы не только отсылками к прецедентным текстам культуры, но и разными грамматическими и лексическими средствами.

Обратимся к другим синтаксемам этого третьего, из последнего ряда:

Черный Саша (а также **Черный** -> *поэт*, **Черный** -> *Саня*) – псевдоним (настоящее имя – Александр Михайлович Гликберг) популярного в 20-е гг. поэта-сатирика, критически настроенного по отношению к советской действительности. По этой причине его творчество длительное время замалчивалось и не было предметом рассмотрения официального литературоведения;

черный квадрат – название знаменитой картины русского художника Казимира Малевича (1913 г.), с которой, собственно, и начинался русский авангард. Показательно, что в статье **квадрат** (есть и такой стимул в Русском ассоциативном словаре) мы тоже находим отсылку к этому прецедентному культурному тексту: **квадрат** -> *черный Малевича*;

черный ворон (а также *воронок*) – за этой синтаксемой стоит сложный комплекс эмоционально-оценочных и культурно-исторических переживаний носителя русского языка, характеризующих положение человека в мире. Исходно эта оценочность навеяна образом русского фольклора, где *черный ворон* олицетворял злые силы, врага всего человеческого, неотвратимый трагизм судьбы. Ср. в старинной народной песне:

*Черный ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной?*

*Ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не твой.*

В советско-сталинскую эпоху этот образ злой силы, вырывающей человека из жизни и уносящей его в неизвестность, получил новое развитие. «Черным вороном» стали называть закрытый грузовик, фургон, в котором увозили в тюрьму арестованных по политическим мотивам. Арестовывали, как правило, ночью, поднимая из постели, отрывая от семьи и увозя в темноту, в черную ночь, навсегда. Ср. одну из песен тюремно-лагерной романтики тех лет:

*А ну-ка, парень, подними повыше ворот,
Подними повыше ворот и держись,
Черный ворон, черный ворон, черный ворон
Переехал мою маленькую жизнь.*

Прочие синтаксемы этого ряда: **черный** -> (значит) *плохой*, **черный** -> (это) *красиво*, **черный** -> (значит) *неблагополучие*, **черный** -> (значит) *траур* несут прямолинейную оценку явлений (и, как видим, амбивалентную), связанных с понятием **черный**.

Таким образом, три ряда типовых синтаксем, выделенных нами при рассмотрении ассоциативного поля **черный** в АВС, выявляют три уровня ассоциативной грамматики:

- уровень семантико-синтаксический, или уровень грамматики в узком смысле слова, раскрываемый во взаимоотношениях словоформ (*черный портфель, черный пес, черный плащ* и т.д.);
- уровень языковой картины мира, или когнитивный, раскрывающий взаимосвязи лексем в плане «язык–мир» (*черная суббота, черная дыра, черный кобель*);
- уровень прагматики, характеризующий взаимоотношения человека с миром – «человек в мире» (*черный ворон, Саша Черный, черный* – (это) *траур*).

Вопросы для самоконтроля по теме 6.

Понятие ассоциативно-вербальной сети (АВС).

Отражение структуры языковой личности в АВС

Подготовьте ответы на вопросы:

1. Национальный характер: миф или реальность?
2. Что такое общерусский языковой тип?

Задание для самостоятельной работы по теме 6.

Понятие ассоциативно-вербальной сети (АВС).

Отражение структуры языковой личности в АВС

Подготовьте сообщение на тему: «Отражение структуры языковой личности в АВС». Проиллюстрируйте ваше сообщение примерами из «Русского ассоциативного словаря».

Литература по теме 6. Понятие ассоциативно-вербальной сети (АВС). Отражение структуры языковой личности в АВС

Обязательная литература

1. *Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М., 1999. – С. 38-50.
2. *Русский ассоциативный словарь: В 2т. / Ю.Н. Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов.* – М., 2002.

ТЕМА 7

Языковая личность и национальный характер: соотношение понятий. Общерусский языковой тип

Ключевые слова: национальная языковая личность; национальный характер; общерусский языковой тип.

Основная литература

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 2007. – С. 35-48.
2. *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. – М., 2002. – С.313-340.
3. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007. – С. 158-168.

Дополнительная литература

Владимирова Т.Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. М.,2007. – С.76-177.

[Литература](#)

[Задание для самостоятельной работы](#)

Что же следует понимать под языковой личностью? Каково в самом общем виде содержание этого понятия? В решении этого вопроса надо, очевидно, исходить из понимания современной наукой личности вообще. В психологии личность трактуется как относительно стабильная организация мотивационных предрасположений, которые возникают в процессе деятельности из взаимодействия между биологическими побуждениями и социальным и физическим окружением, условиями. В повседневном понимании, говоря о личности, мы имеем в виду стиль жизни индивида или характерный способ

реагирования на жизненные проблемы. В итоге получается, что и по определению, и по сложившейся исследовательской практике при изучении личности и ее описании в психологии в центре внимания исследователей находятся некогнитивные аспекты человека, т.е. его эмоциональные характеристики и воля, а не интеллект и способности. Последние могут, конечно, быть объектом изучения психолога, но как бы сами по себе, в отвлечении от человека вне личности. Коль скоро объектом анализа становится языковая личность, интеллектуальные ее характеристики выдвигаются на первый план. Интеллект наиболее интенсивно проявляется в языке и исследуется через язык. Но интеллектуальные свойства человека отчетливо наблюдаемы не на всяком уровне владения языком и использования языка. На уровне ординарной языковой семантики на уровне смысловых связей слов, их сочетаний и лексико-семантических отношений еще нет возможностей для проявления индивидуальности. В крайнем случае на этом уровне мы можем констатировать нестандартность, неповторимость вербальных ассоциаций, которые сами по себе еще не дают сведений о языковой личности, о более сложных уровнях ее организации. Общение на уровне «как пройти», «где достали» и «работает ли почта», так же как умение правильно выбрать вариант – «туристский или туристический» – не относится к компетенции языковой личности. Этот уровень исследования языка – нулевой для личности и в известном смысле бессодержательный, хотя совершенно ясно, что он составляет необходимую предпосылку ее становления и функционирования. Он попадает в поле зрения исследователя личности только в том случае, если речь идет о втором для нее языке. Между тем этот ординарно-семантический уровень, уровень нейтрализации языковой личности составляет главный объект изучения и теории речевых актов, в теории разговорной речи, и трансформационной теории, и многих иных теорий, которые оказываются равнодушными к содержанию анализируемых и синтезируемых в их рамках речевых произведений, содержанию, выходящему за пределы контекстной семантики, содержанию надтекстовому и затекстовому. Следовательно, языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень (после нулевого) ее изучения – выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе.

Подобная задача знакома языкознанию. Попытки воссоздания общезыковой (т.е. безличностной, бесчеловечной) картины мира, которым предавалось языкознание в рамках идеографии и тезаурусостроения, нельзя считать совершенно беспочвенными или бесполезными. (Я оставляю в стороне их безусловную ценность для лексикологии и лексикографии). В таких картинах мира, независимо от того, что бралось за основу – состояние ли научных знаний и представлений соответствующей эпохи или философско-идеологические посылки, – никогда не удавалось свести концы с концами, довести построение до логического завершения, сделать его исчерпывающим и непротиворечивым. Однако определенное ядро, объективно вычленяемое, практически бесспорное, т.е. не вызывавшее возражений стоящих на различных позициях исследователей, в этих построениях всегда так или иначе намечалось. Это естественно, так как не может быть единой, совпадающей в деталях иерархии смыслов и духовных ценностей для всех людей, говорящих на данном языке. Завершенная, однозначно воспринимаемая картина мира возможна лишь на основе установления иерархии смыслов и ценностей для отдельной языковой личности. Тем не менее, некоторая доминанта, определяемая национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией, существует, и она-то обуславливает возможность выделения в общезыковой картине мира ее ядерной, общезначимой, инвариантной части. Последняя, вероятно, может расцениваться как аналог или коррелят существующего в социальной психологии (не общепринятого) понятия базовой личности, под которым понимается структура личности (установки, тенденции, чувства), общая для всех членов общества и формирующаяся под воздействием семейной, воспитательной, социальной среды. Таким образом, первый уровень изучения языковой личности, опирающийся, естественно, на достаточно представительную совокупность порожденных ею текстов необыденного содержания, предполагает вычленение и анализ переменной, вариативной части в ее картине мира, части, специфической для данной личности и неповторимой. Этого можно достичь лишь при условии, что базовая, инвариантная часть картины мира, единая и общая для целой эпохи, нам известна. Такое деление на неизменяемую и переменную части картины или модели мира, конечно, условно, поскольку в историческом времени эволюционирует и инвариантная часть и границы между обеими частями расплывчаты, но это деление представляется полезной идеализацией, облегчающей изучение столь сложного феномена, по двум, по крайней мере,

соображениям. Во-первых, оно коррелирует с двумя важнейшими для характеристики личности понятиями психологии – жизненной доминантой и ситуационной доминантой. Во-вторых, такое деление оказывается универсальным, поскольку проходит через все уровни организации и изучения языковой личности. До сих пор речь шла о двух уровнях – нулевом (т.е. по сути дела структурно-языковом, отражающем степень владения обыденным языком), названном семантическим, и о первом уровне, который можно назвать лингво-когнитивным и который предполагает отражение в описании языковой модели мира личности. Второй, более высокий по отношению к лингво-когнитивному уровень анализа языковой личности включает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих ее развитием, поведением, управляющих ее текстопроизводством и в конечном итоге определяющих иерархию смыслов и ценностей в ее языковой модели мира. И на нулевом, и на мотивационном, целеполагающем уровнях деление на относительно постоянную часть и часть, подверженную изменению, можно проследить довольно отчетливо. На нулевом уровне это будет комплекс структурных черт общенационального – общерусского – языкового типа, тот «нерастворенный» в исторических преобразованиях «остаток» в фонологии, морфологии, синтаксисе, стилистике, лексике, семантике (перечисление аспектов структуры дано в порядке уменьшения их стабильности и нарастания степени подверженности изменениям), который можно выделить за вычетом хорошо изученных исторической грамматикой и исторической лексикологией происшедших в языке перестроек. Исторические дисциплины русистики в соответствии с самой сутью историзма сосредоточивались на изменяющемся, переменном, эволюционирующем, и это справедливо. Но не следует забывать, что о самой изменчивости можно говорить лишь на фоне чего-то относительно постоянного. В данном случае этим постоянным будут структурные черты общерусского языкового типа, сохраненные на протяжении достаточно длительного исторического времени, присущие всем носителям русского языка, единые для всей территории его бытования. Эти черты науке еще предстоит выявить, подобно тому, как зодчие-реконструкторы восстанавливают первоначальную архитектуру храма, отделяя результаты многократных его переделок и перестроек на протяжении веков. Эта задача в русистике пока не поставлена, но методологически она вполне оправдана, ибо выявление и изучение общерусского языкового типа содержательным образом снимет парадокс синхронии и диахронии, согласно которому система может быть представлена лишь в синхронном срезе, а диахронический аспект предполагает последовательную смену «остановленных мгновений», и позволит говорить о подлинной истории системы, или системности языка в историческом времени. Для рассматриваемого в данной работе предмета понятие общерусского языкового типа используется как гипотетическая предпосылка наличия инвариантной части в структуре языковой личности на нулевом уровне ее изучения. Эта инвариантная часть обеспечивает как возможность взаимопонимания носителей разных диалектов, так и возможность понимания русской языковой личностью текстов, отстоящих от времени ее жизни и функционирования на значительную глубину. Что касается вычленения аналогичных частей на высшем – мотивационном уровне языковой личности, то здесь дело обстоит несколько сложнее. Инвариантом здесь надо считать представления о смысле бытия, цели жизни человечества и человека как вида гомо сапиенс, тогда как переменную часть составят индивидуальные мотивы и цели. На этом уровне языковая личность как объект исследования сливается с личностью в самом общем, глобальном социально-психологическом смысле, что закономерно, поскольку по определению языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык; есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств.

В связи со сказанным должно быть ясно, что языковая личность не является таким же частно-аспектным коррелятом личности вообще, какими являются, например, правовая, экономическая или этическая личность. Языковая личность – это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще. Последнее соткано из противоречий между стабильностью и изменчивостью, устойчивостью мотивационных предрасположений и способностью поддаваться внешним воздействиям и самовоздействию, трансформируя их результаты в перестройке отношений элементов на каждом из уровней – семантическом, когнитивном и мотивационном; между своим существованием в реальном времени и «нерелевантностью» временного параметра для идентификации личности. Субъективно для личности диахронический параметр выключен, нейтрализован, поскольку психологически и прошлое, и будущее свое она переживает как настоящее. То есть, существуя и развиваясь в актуальном

времени (изменчивая часть), личность, идентичная сама себе, предстает как вневременная сущность (стабильная ее часть). Этот парадокс личности вообще своеобразно преломляется в структуре языковой личности, которая на каждом уровне своей организации соответственно имеет и вневременные и временные, изменчивые, развивающиеся образования, и сочетание этих феноменов и создает наполнение соответствующего уровня. К вневременным образованиям, из тех, что подлежат ведению лингвистики и поддаются исследованию лингвистическими методами, следует отнести общенациональный – общерусский – языковой тип и стандартную, устойчивую часть вербально-семантических ассоциаций – для нулевого, семантического уровня организации языковой личности. На следующем, лингво-когнитивном уровне это будет базовая, инвариантная часть картины мира, и на высшем, мотивационном уровне наблюдаемыми и анализируемыми с помощью лингвистических методик оказываются, естественно, не цели и мотивы, а порождаемые ими устойчивые коммуникативные потребности и коммуникативные черты или готовности, способные удовлетворять эти потребности, типологизирующие специфику речевого поведения и в конечном счете – информирующие о внутренних установках, целях и мотивах личности. Временные, изменчивые феномены на каждом уровне тоже градуируются по степени общности в зависимости от того, распространяются ли они, кроме личности, на все социальное сообщество или на более узкий речевой коллектив, или относятся к определенным этапам становления только данной языковой индивидуальности, и определяются конкретными ролями – психологическими, физиологическими, социальными, латентными и явными, – которые она исполняет. Следует сказать, что так называемая вневременная часть в структуре языковой личности является таковой только в масштабе самой личности, по отношению к ее временным измерениям, оказываясь на деле продуктом достаточно длительного исторического развития. Более того, инвариантный характер этой части также относителен, поскольку сама природа ее – статистическая, и в пределах общерусского языкового типа, например, допустимы довольно существенные колебания, вариантность в фонологическом его оформлении (скажем, диссимилятивное аканье, элементы оканья или фрикативное «г») и менее существенные колебания в грамматике. Естественны колебания и в базовой части картины мира в связи, например, с сохранением у части населения религиозных верований. Статистически усредненный характер носят и коммуникативные потребности и черты (относящиеся к мотивационному уровню), поскольку мы говорим, например, что жители севера менее многословны, более молчаливы, чем южане и т.п. Таким образом, то, что мы называем вневременной и инвариантной частью в структуре языковой личности, носит отчетливую печать национального колорита. Все, что обычно связывают с национальным характером и национальной спецификой, имеет только один временной промер – исторический, национальное всегда диахронно. Поэтому естественно, что все претендующие на научность рассуждения о национальном характере могут опираться только на историю. Историческое же в структуре языковой личности совпадает с инвариантной ее частью, и тем самым мы ставим знак равенства между понятиями «историческое», «инвариантное» и «национальное» по отношению к языковой личности. Известно, что попытки рассмотрения и трактовки национальных черт в синхроническом аспекте неизбежно приобретают тенденциозный характер, а сама личность предстает в таких случаях в искаженном – либо сусальноприукрашенном, либо гиперболическигротескном освещении. Обсуждая содержание понятия этноса и этнического самосознания (которые с позиций самой личности, изнутри, т.е. в отраженном виде, и составляют основу национального чувства), этнологи опираются на несколько основных признаков, ведя спор лишь по поводу большей или меньшей релевантности того или другого из них. Признаки эти таковы: общность происхождения; общность исторических судеб; общность культурных ценностей и традиций; общность языка, эмоциональных и символических связей; общность территории. Как видим, вся эта совокупность взаимодополнительных характеристик насквозь диахронна. С другой стороны, для раскрытия понятия этноса оперируют иногда представлением об общности психического склада у индивидов, составляющих данную этническую группу, причем психический склад или национальный характер может рассматриваться как в одном ряду с перечисленными выше признаками, так и над ними – в качестве интегрирующего суперпонятия, напрямую соотносительного с этносом. Однако при любом его рассмотрении трактовка самого существа национального характера остается противоречивой. Он выступает прежде всего как социально-психологическая категория, т.е. синхроническая по самой своей сути. Ср. многочисленные иллюстрации, главным образом из художественной литературы, специфики национального проявления

таких черт поведения, как храбрость (Л. Толстой), характер танца (Н. Гоголь), практичность – непрактичность, консервативность, аккуратность и пунктуальность, юмор и т.д. В то же время такие излюбленные публицистами черты национального характера, как талант и трудолюбие, гордость и независимость, безошибочно оказываются приложимы к любому народу. Этнологи осознают решающее значение исторических корней, диахронических основ складывания и бытования национального характера. Что касается «механизма» воспроизводства типичных для каждого этноса черт характера, то оно обеспечивается в первую очередь особой, присущей только людям системой межпоколенной передачи опыта. Как известно, индивид не рождается с теми или иными сложившимися чертами этнического характера. Он приобретает их в результате прижизненного усвоения, так называемой социализации личности. Притом в отличие от животных у людей в качестве основного средства межпоколенной передачи опыта выступает такой социальный инструмент, как язык.

Таким образом, синхроническая трактовка приходит в противоречие с историческими принципами складывания и проявления национального характера. Одновременно, в синхронии существует лишь некий синкретический «образ» этнического психического склада, который при попытках его аналитического, структурного представления рассыпается в целое море разнородных, часто несоизмеримых одна с другой, не согласующихся в завершённую единую целостность, в логически упорядоченную картину психических черт, таких как, скажем, патриотизм и пунктуальность, настойчивость и скардность. Причем сами эти оценочно-характеризующие черты относительны. Инонациональный наблюдатель, носитель других культурных традиций всегда склонен смотреть на чужую культуру, язык, национальные особенности с позиций превосходства, и поэтому одну и ту же черту психического склада, свойственную и своему и чужому этносу, он может расценивать по-разному. Так, маркиз де Кюстин, автор нашумевшей в свое время книги о царской России, признавая жизнерадостный и веселый нрав характерной чертой французского национального характера, одновременно расценивает склонность русских к разгульно-веселым празднествам и пирушкам как форму протеста против деспотизма царской власти, распространяющего свое влияние на все стороны жизни русского общества. Образ национального характера, воспринимаемый синхронно, да еще предвзято, естественно, оказывается искаженным. Подлинные силовые линии, формирующие этот образ, уходят в историю и только в диахроническом измерении могут быть рассмотрены с научной точностью и строгостью. В этом смысле очевидно, что национальный психический склад не может быть предметом лабораторного изучения и моделирования.

В свете сказанного становятся понятными две вещи. Во-первых, позиция тех ученых, которые начисто отрицают национальный характер, отказывая ему в существовании и расценивая его как миф. В такой оценке они ориентируются на синхроническое его представление, на синкретический его образ, который как всякое подобное символическое образование, как феномен обыденного сознания может быть предметом писательского осмысления, художественного отражения, быть предметом искусства, но не предметом научного структурно-аналитического изучения. Во-вторых, становятся понятными те критические замечания, а подчас и обвинения, которые раздаются иногда в адрес чисто синхронических исследований и описаний (во всяком случае в лингвистике) со стороны историков языка, обвинения в утрате национального чувства, в гиперинтернационализации, в забвении истории и т.п. В самом деле, хотя всякий «синхронист» помнит о диахроническом аспекте языка и прибегает в своих построениях к вполне нормальному приему научной абстракции, искусственного исключения из рассмотрения эволюционной составляющей языковых явлений и отношений, тем не менее он вынужден при таком подходе оперировать именно понятием диахронии, диахронического, противопоставленного синхроническому. А диахроническое и историческое не являются равнозначными понятиями, не являются полными синонимами; диахрония как понятие сугубо логическое начисто лишена национального переживания и тем противостоит собственно истории.

Для языковой личности нельзя провести прямой параллели с национальным характером, но глубинная аналогия между ними существует. Она состоит в том, что носителем национального начала и в том и в другом случае выступает относительно устойчивая во времени, т.е. инвариантная в масштабе самой личности, часть в ее структуре, которая является на деле продуктом длительного исторического развития и

объектом межпоколенной передачи опыта. Таким образом, наличие общерусского языкового типа (нулевой уровень структуры), базовой части общей для русских картины мира, или мировидения (1-й уровень), и устойчивого комплекса коммуникативных черт, определяющих национально-культурную мотивированность речевого поведения (2-й уровень), и позволяют говорить о русской языковой личности. Национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения, и застывший, статический и инвариантный, характер национального в структуре языковой личности отливается в самом языке в динамическую, историческую его составляющую.

Для «добраивания» языковой личности от базовых, фундаментальных ее составляющих до конкретно-индивидуальной реализации необходимо учесть переменные, статистически вариативные части ее структуры и включить:

- на нулевом уровне – системно-структурные данные о состоянии языка в соответствующий период;
- на первом уровне – социальные и социолингвистические характеристики языковой общности, к которой относится рассматриваемая личность и которая определяет субординативно-иерархические, т.е. идеологические, отношения основных понятий в картине мира;
- наконец, на втором уровне – сведения психологического плана, обусловленные принадлежностью изучаемой личности к более узкой референтной группе или частному речевому коллективу и определяющие те ценностно-установочные критерии, которые и создают уникальный, неповторимый эстетический и эмоционально-риторический колорит ее дискурса (или ее речи, всех текстов, ее «языка»). Таким образом, все четыре парадигмальные составляющие языка взаимодействуют при последовательном и полном воссоздании структуры языковой личности: историческая (равная национальной специфике) выступает как основа, стержень, который оснащается системно-структурной, социальной и психической языковыми доминантами.

Полное описание языковой личности в целях ее анализа или синтеза предполагает: а) характеристику семантико-строеного уровня ее организации (т.е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемое на фоне усредненного представления данного языкового строя); б) реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования); в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящих отражение в процессах порождения текстов и их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов. Уровни зависят один от другого, но эта зависимость далеко не прямая и не однозначная: знание об устройстве и особенностях функционирования вербально-семантического уровня данной личности, например полный ее ассоциативный словарь, является необходимой предпосылкой, но еще не дает оснований делать заключение о языковой модели мира, т.е. от лексикона личности нельзя перейти непосредственно к ее тезаурусу; точно так же, коль скоро нам известен тезаурус личности, мы еще не можем делать выводов о мотивах и целях, управляющих ее текстами и пониманием текстов ее партнеров. Для перехода от одного уровня к другому каждый раз нужна некоторая дополнительная информация. Попытки прямых, не опосредованных дополнительной информацией умозаключений от одного уровня к другому при оценке языковой личности приводят к псевдознанию, псевдопониманию данной личности. С примерами подобного псевдопонимания мы сталкиваемся сплошь и рядом. В повести Георгия Балла «Тетя Шура, старый актер и остальные» есть такой эпизод. Во время врачебного обхода в больничную палату, где в числе других лежит актер Николай Николаевич, вместе с лечащим врачом Борисом Сергеевичем приходит профессор. Происходит такой разговор:

«– Пока все в порядке. Он, знаете, – улыбнулся Борис Сергеевич, – устраивает актерские выступления с рассказами и шутками.

– Да? А капельница ему не мешает? – Профессор повернулся к Николаю Николаевичу: – Вы что, лежачий актер?

Николаю Николаевичу захотелось вскочить: он всегда панически боялся начальства, особенно когда к нему неожиданно обращались, Даже желудок расстраивался, руки у него сделались потными, сильно заболела нога, и он отрапортовал:

– Лежа, товарищ профессор.

– Психотерапия и самовнушение, одобряем, – кивнул профессор и уже к остальным, с назиданием: – Организм сильно изношен, а внутри, оказывается, есть резервы.

И двинулся дальше».

В «выступлениях» же старого актера, которые при таком о них упоминании можно принять за случайные, разрозненные интермедии, на самом деле последовательно разворачивается бесхитростная на первый взгляд история жизни некоей придуманной им тети Паши, история, имеющая глубокий философский смысл, служащая известным символом, прообразом человеческой жизни вообще и проводящая невысказанную, невыражаемую, не поддающуюся эксплицитной формулировке и почти неуловимую, но неуклонную аналогию с историей жизни самого Николая Николаевича – старого и не слишком удачливого актера. И поэтому мотив, установка личности, определенные профессором как «психотерапия и самовнушение» на основе как бы «понятого» им элемента тезауруса – «актерские выступления» оказываются совершенно ложными. Утрачивается компенсаторный и философский мотив – смысло-жизненный поиск, причем эта утрата, это невосприятие хорошо подчеркивается в текстовой организации приведенного отрывка, где все речевые произведения «непонимающих», т.е. выключенных из тезауруса данной личности и психосоциальных условий его проявления, – профессора и Бориса Сергеевича – вводятся не содержательными глаголами речи, а внешними по отношению к ней, сопровождающими речь жестовыми глаголами – *повернулся, улыбнулся, кивнул*. А текст самого Николая Николаевича замыкается подчеркивающим дистанцию взаимонепонимания коммуникантов, казенным – *отрапортовал*. Хотя перед этим эпизодом для всех реплик употреблены нормальные: *начал докладывать, спросил, бросил, ответил, сказал*.

Несколько иная ситуация непонимания возникает в случаях когда, пытаясь установить мотивы, перескакивают через уровень и на основании знания только «лексикона», т.е. вербально-семантического уровня организации оцениваемой языковой личности, делают заключение об иерархии ценностей продуцента текста (тезаурусно-идеологический уровень) или о его целях и движущих им мотивах (мотивационный уровень). В повести Юрия Нагибина «Перекур» глубоко и серьезно влюбленный в Марусю лейтенант Климов во время прощального застолья перед отъездом на фронт вдруг решает «проучить» любимую девушку за, как показалось ему, внимание, проявляемое ею к Феде. И Климов начинает играть «роль»: «Сын машиниста сцены и домашней хозяйки с четырьмя классами гимназии, он воображал себя молодым аристократом, одарившим вниманием простую крестьянскую девушку. Но вот появилось очаровательное существо, принадлежащее его кругу (имеется в виду случайно оказавшаяся соседкой по столу москвичка, как и он, Вика. – Ю.К.), и сельское наваждение развеялось как дым, его чувства вновь обрели должную ориентировку». Маруся, воспринимающая лишь внешнюю сторону ведения взятой роли и соответствующий ей лексикон, на основании этих данных делает первоначально ложное заключение, интерпретировав их как прямые знаки ценностной ориентации (тезауруса личности) Климова, его жизненной и ситуативной установок (мотивационный уровень). Объяснение влюбленных снимает возникшее непонимание:

«– Ты не сердись?»

– Я сначала злилась. А потом поняла, что ты для меня же старался.

– Правда? – удивился Климов. – Как ты догадалась?

– Я ведь тоже поплакала. А после слез всегда все яснее становятся. Я и подумала: неужели он такой плохой, несамостоятельный? Быть не может. Ну, а тогда зачем он так? Выходит, ради меня. То ли проучить хотел, то ли выставиться... Если проучить, то не за что... Вот.

Маруся не до конца разгадала жалкий спектакль, разыгранный Климовым, но ему не хотелось признаваться, что спьяну приревновал ее к старшему лейтенанту...»

Из этих примеров становится ясной неправомерность прямых умозаключений от нижележащего уровня к вышележащему. Отсюда понятна необоснованность выводов, например, об идеологических предпосылках автора текста (лингво-когнитивный уровень) на основе употребления им, скажем, иностранных слов (относящихся к семантико-вербальному уровню в структуре языковой личности) или выводов о его мотивах и целях (мотивационный уровень) на основе повышенной частотности в его текстах тех или иных лексических единиц. Тогда как обратное заключение вполне справедливо: коль скоро известна ценностно-смысловая иерархия понятий в авторской картине мира, известны его цели, то объяснению поддаются и вербально-семантические и структурно-языковые средства, использованные в его текстах.

Если в самом общем виде говорить о том ключе, который необходим для установления связи между уровнями в структуре языковой личности, для перехода с одного уровня на другой, когда исходной является только информация об устройстве нижележащего уровня, то этим ключом должна быть, собственно говоря, экстралингвистическая информация, поставляемая социальной составляющей языка и связанная с «историей» языковой социализации данной личности, «историей» ее приобщения к принятым в данном обществе стереотипам в соотношении жизненно важных понятий, идей, представлений, историей их усвоения и присвоения в процессе социализации. На основе этой информации от вербально-семантического уровня мы можем перейти к лингво-когнитивному и реконструировать тезаурус личности. Для перехода к мотивационно-прагматическому уровню опять нужна дополнительная информация, но уже не о социальной истории, а о социальном функционировании языковой личности, о ее социальных ролях и референтных группах, т.е. об «актуальной социализации», создающей ситуативные доминанты и вносящей «искажения» в относительно устойчивую картину мира. Но поскольку личность не только социальна, а и индивидуальна, второй информационной составляющей при переходе к ее «прагматикону», наряду с социальной, должна быть психологическая, а именно, эмоционально-аффективная, характеризующая ее интенциональности в коммуникативно-деятельностной сфере.

Даже это схематичное представление о связи и взаимодействии уровней показывает, насколько тесно само содержание понятия «языковая личность» переплетается с этнокультурными и национальными чертами индивидуальности. Мы потому вправе говорить о русской (как и о всякой иной национальной) языковой личности, что последняя содержит инвариантные исторические составляющие, которые с необходимостью входят в национальный характер. Как язык, вернее общность языка, составляет неотъемлемый признак этноса, так и инвариантная составляющая языковой личности есть часть национального характера. Иногда говорят, что само понятие национального характера окрашено в романтические тона и, будучи лишено строгих научных критериев, отдано на откуп художественному осмыслению. На это можно вполне резонно возразить, что многие понятия, приобретшие теперь статус научных, в момент своего зарождения носили на себе печать романтичности. Чтобы не ходить далеко, сошлемся на пример «празыка» – понятия, которое при своем появлении было сугубо романтическим, но в результате развития компаративистики за полтора века, претерпев известные трансформации, пришло к такому состоянию, когда никто уже не решится оспаривать его научность. Языковая личность вовсе не идентична национальному характеру, но, отыскивая в ней черты (составляющие, компоненты), соотносимые с этим понятием, мы подводим тем самым и под него определенную научную основу. Д.С. Лихачев отмечает: «Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности значит делать мир народов очень скучным и серым» [Лихачев Д.С. Заметка о русском. М., 1981. С. 64].

Другое сомнение, высказываемое по поводу сближения двух рассматриваемых нами понятий, заключается в следующем. Когда мы утверждаем национальное своеобразие языковой личности и говорим именно о русской (или о любой другой национальной) языковой личности, то не происходит ли путаницы: смешения идентичности национальной с идентичностью культурной и идентичностью языковой? Как быть, скажем, с канадцами, говорящими по-французски и какую языковую личность представляет собой бельгиец, а какую австриец или же швейцарец, говорящий на ретороманском языке? И каков при этом национальный характер каждого из них? Вопросы конечно, не простые, и сомнение имеет основания быть высказанным. Однако никакой путаницы не происходит, своеобразие языковой личности определяется языком, которым

она пользуется, поэтому и квебекские канадцы, и бельгийцы являются «франкофонными» языковыми личностями (можно было бы сказать и «французскими», если помнить, что речь идет не о принадлежности к нации). Национальный же характер, как подчеркивалось неоднократно, определяется не только и не в первую очередь языком, поскольку наряду с языком одним из важнейших признаков этноса является общность культурных ценностей и традиций. Таким образом, в приведенных примерах мы имеем дело с канадским, бельгийским и т.д. национальным характером. Понятно, что известный – и в каждом случае своеобразный, т.е. не один и тот же – вклад в формирование каждого из них внес французский язык, отложившийся в каждом определенными чертами. Говорить об этом подробнее, в деталях было бы опрометчиво, поскольку для конкретных подтверждений развиваемой здесь точки зрения необходимы специальные исследования по национальному характеру, которые пока не проведены. Что касается соотношения принадлежности национальной с включенностью личности в ту или иную культуру, то сошлюсь опять на Д.С. Лихачева, который пишет: «Мне кажется, следует различать национальный идеал и национальный характер. Идеал не всегда совпадает с действительностью, даже всегда не совпадает. Но национальный идеал тем не менее очень важен. Народ, создающий высокий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу. А мерить культуру, ее высоту мы должны по ее высочайшим достижениям, ибо только вершины гор возвышаются над веками, создают горный хребет культуры» [Там же: 56]. Национальный идеал, таким образом, это идеал культуры. Культура всегда национальна, как бы ее ни понимать – в философском ли, обыденном или антропологическом смысле. Это не значит, что нет понятия общечеловеческой культуры, но в нем не содержится ничего, чего не было бы в культурах национальных. Языковую личность вообще можно соотносить с культурой вообще, культурой общечеловеческой, тогда как национальную языковую личность следует соотносить с культурой национальной.

Остается еще один вопрос, ставящий под сомнение корреляцию языковой личности с национальным характером. Как быть в случае двуязычия и многоязычия, с каким «национальным» прилагательным должна сопрягаться многоязычная личность и каков ее национальный характер? Что касается последнего, то ответ на этот вопрос ясен из предыдущего: национальный характер определяется принадлежностью к этносу, включенностью в национальную культуру, проживанием на определенной территории и т.д. Но какое «языковонациональное» прилагательное мы должны использовать для характеристики личности, например, таджика из Душанбе, равно хорошо владеющего таджикским, русским, фарси и узбекским языками? Это зависит от типа двуязычия или многоязычия. В лингводидактике различают два типа многоязычия: доминантный, при котором один из языков является основным, исходным, определяющим, и если в нашем примере доминантным является таджикский (или любой другой), то проблем не возникает, и второй равноправный тип многоязычия, при котором ни один из языков не является предпочтительным. В последнем случае вопрос о квалификации соответствующей языковой личности остается, по всей видимости, открытым.

Тем не менее, изложенные здесь соображения в целом подкрепляют, на наш взгляд, правомерность трактовки языковой личности как глубоко национального феномена и рассмотрения, в связи с русским языком – русской языковой личности.

Задание для самостоятельной работы по теме 7. Языковая личность и национальный характер: соотношение понятий. Общерусский языковой тип

Подготовьте сообщение на тему: «Национальный характер: миф или реальность?», используя рекомендованную литературу и интернет-ресурсы.

Литература по теме 7.

Языковая личность и национальный характер: соотношение понятий. Общерусский языковой тип

Основная литература

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 2007. – С. 35-48.
2. *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. – М., 2002. – С.313-340.
3. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007. – С. 158-168.

Дополнительная литература

Владимирова Т.Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. М.,2007. – С.76-177.

Тема 8

Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения. Стереотипы и предрассудки

Ключевые слова: стереотип; функции стереотипов; Предрассудок; типы предрассудков.

Основная литература

1. *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. М., 2002. – С. 217-230.
2. *Гришаева Л.И.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие для студентов линг. фак. вузов / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – 3-е изд., испр. – М., 2006. – С. 153-181.

[8.1. Понятие стереотипа](#)

[8.2. Функции стереотипов. Значение стереотипов для МКК](#)

[8.3. Понятие и сущность предрассудка. Типы предрассудков. Проблемы корректировки и изменения предрассудков](#)

[Литература](#)

[Вопросы для самоконтроля](#)

[Задания для самостоятельной работы](#)

8.1. Понятие стереотипа

Стереотипы - это упрощенные представления о людях (об их поведении, чертах характера, внешности), событиях, фактах и отношениях между ними и так далее, служащие когнитивными образцами для категоризации мира и помогающие человеку адаптироваться в мире и обществе.

Стереотипы возникают в результате многократного повторения однообразных жизненных ситуаций. Это однообразие закрепляется в сознании человека в виде стандартных когнитивных моделей.

8.2. Функции стереотипов. Значение стереотипов для МКК

В стереотипах обобщается опыт носителей определенной языковой культуры в отношении не только других культур, но и своей собственной культуры.

Для процесса межкультурной коммуникации важное значение имеют такие функции стереотипов, как:

- передача информации;
- ориентирующая функция;
- защита традиций, взглядов и ценностей своей этнической группы;
- сохранение позитивной идентичности собственной культурной группы.

В ситуации межкультурных контактов стереотипы играют важную роль. В зависимости от способов и форм их использования стереотипы могут играть как позитивную, так и негативную роль в МКК.

При этом *положительное влияние стереотипов* возможно:

- если участники коммуникации понимают, что стереотипы отражают групповые нормы и ценности, а не специфические индивидуальные черты отдельной личности;
- если стереотип не является оценочным, а отражает реальные характеристики представителей данной этнической группы;
- если стереотип адекватно отражает черты той или иной этнической группы.

Стереотипы становятся *неэффективными и препятствуют успешной МКК*, если:

- они представляют ошибочные убеждения и основываются на искаженном восприятии той или иной этнической группы;
- стереотипы носят слишком обобщенный характер и не позволяют увидеть индивидуальные особенности конкретных партнеров по коммуникации.

8.3. Понятие и сущность предрассудка. Типы предрассудков. Проблемы корректировки и изменения предрассудков

Предрассудок - это установка предвзятого и враждебного отношения к чему-либо без достаточных для такого отношения оснований и знаний.

Главная причина возникновения предрассудков в отношении других лингвокультурных сообществ – неравенство в социальных, экономических и культурных условиях их жизни.

В психологии выделяют шесть типов предрассудков:

1. Необоснованные предрассудки, базирующиеся на представлении о том, что члены чужой группы по тем или иным признакам хуже, чем представители собственной группы.
2. Символические предрассудки (члены чужой группы воспринимаются как угроза культурным базовым ценностям собственной группы).
3. Токенистский тип предрассудков выражается в предоставлении различных форм преимущества представителям этнических или социокультурных групп в обществе. Чтобы создать видимость справедливости. Наличие негативных чувств по отношению к чужой группе при этом скрывается.
4. Предрассудки типа «длинной руки» подразумевают позитивное поведение по отношению к представителям чужой группы только при определенных обстоятельствах (случайное знакомство, формальные встречи). В ситуации близкого контакта (например, соседство) демонстрируется недружелюбное поведение.
5. Открытое негативное отношение к членам чужой группы в случае, если их поведение действительно не устраивает членов собственной группы.
6. «Знакомое и незнакомое». Этот тип предрассудков подразумевает отказ от контактов с членами чужой группы.

Изменение стереотипов и предрассудков – сложное дело, так как они меняются очень медленно и с большим трудом.

Вопросы для самоконтроля по теме 8. Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения. Стереотипы и предрассудки

Подготовьте ответы на вопросы:

1. Что такое стереотип?
2. Каковы функции стереотипов?
3. Что такое предрассудок?
4. Какие типы предрассудков вы знаете?

Задание для самостоятельной работы по теме 8. Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения. Стереотипы и предрассудки

1. Докажите, что стереотипы помогают общаться представителям разных культур.
2. Докажите, что стереотипы мешают общаться представителям разных культур.

Литература по теме 8.

Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения.

Стереотипы и предрассудки

Основная литература

1. *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. М., 2002. – С. 217-230.
2. *Гришаева Л.И.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие для студентов линг. фак. вузов / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – 3-е изд., испр. – М., 2006. – С. 153-181.

ТЕМА 9

Лингво-когнитивный (тезаурусный) уровень языковой личности: языковая картина мира.

Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и аккультурации

Ключевые слова: языковая картина мира; инкультурация; аккультурация.

[Литература](#)

[Вопросы для самоконтроля](#)

[Задание для самостоятельной работы](#)

9.1. Ментальная картина мира как составляющая лингво-когнитивного уровня языковой личности

Тезаурусный уровень организации языковой личности, который также может быть назван лингво-когнитивным, имеет дело уже не с семантикой слов и выражений, а со знаниями. В силу неравноценности (ср. знание «где останавливается 22-й автобус» и знание «инерционного способа удержания плазмы») сам способ упорядочения единиц тезауруса должен быть иным: не сетевой, при котором все связывается со всем, а иерархически-координативный, имеющий тенденцию к логико-понятийной упорядоченности, к выстраиванию всей совокупности единиц тезауруса в пирамидоидальную фигуру, развертывающуюся из одной точки, из вершины (или нескольких вершин). Естественно встает вопрос о характере единиц, их статусе. Учитывая, что источниками знаний о мире являются чувственный опыт, деятельность (индивидуальный источник) и язык, тексты (межпоколенный, коллективный опыт), было бы неправомерным предположить, что единицы тезауруса однозначно соотносятся с понятиями. Скорее всего, они разнородны, как анизотропным является само когнитивное пространство: среди них могут быть и научные понятия, и просто слова, приобретшие статус обобщения, символа, за которым скрывается целая область знаний, и образы, картины и «осколки» фраз («обрывки мыслей»), стереотипные суждения,

вербальные и другие формулы. Употребляемое иногда для обозначения способа упорядочения знаний сочетание «картина мира» при всей своей кажущейся метафоричности очень точно передает сущность и содержание рассматриваемого уровня: он характеризуется представимостью, перцептуальностью составляющих его единиц, причем средством придания «изобразительности» соответствующему концепту (идее, дескриптору) служат самые разнообразные приемы. Это может быть создание индивидуального образа на базе соответствующего слова-дескриптора или включение его в некоторый постоянный, но индивидуализированный контекст, или обрастание его определенным набором опять-таки индивидуальных, специфических ассоциаций, или выделение в нем какого-то особого нестандартного, нетривиального отличительного признака и т.п. Иными словами, тезаурус личности, как способ организации знаний о мире, имеет явно выраженную тенденцию к стандартизации его структуры, к выравниванию ее у разных членов говорящего на одном языке коллектива, при одновременном произволе в способах ее субъективации, ее индивидуальной фиксации, индивидуального присвоения.

Существуя объективно, окружающий мир преломляется в человеческом сознании через призму культуры, модифицированную на основе индивидуальных восприятий личности. Таким образом, языковая картина мира включает: 1) универсальные черты, общие для всего человечества, 2) черты культурно-специфические – «некоторую культурную «сердцевину», единую для всех членов социальной группы или общности» [Леонтьев 1997: 273] и 3) индивидуальные черты, присущие определенной личности.

В процессе познания человек создает так называемые «ментальные карты» мира – концептуальные модели, в упрощенном виде представляющие перцептивные образы окружающей действительности. Упрощение помогает личности ориентироваться в сложном мире: наши поступки в известной мере определяются тем, каким мир кажется нам, а не тем, каков он на самом деле. В этом смысле человек является пленником собственных восприятий. Как утверждают представители символического интеракционизма, «люди сами создают миры действия, в которых они существуют» [Макаров 1998: 37]. Характер картины мира коммуниканта зависит от того, каким образом в ней уравниваются универсальный, культурно-специфический и личностный компоненты. С точки зрения МКК, картина мира человека, родившегося и прожившего всю свою жизнь в небольшом городке или деревне, будет существенно отличаться от картины мира индивида, привыкшего путешествовать по свету и регулярно совершать трансконтинентальные перелеты. При этом нельзя утверждать, что последний будет иметь преимущества с точки зрения глубины знаний о мире: ученый, всю жизнь проживший на одном месте, может иметь глубочайшие знания о конкретном фрагменте действительности и энциклопедические знания о мире в целом. Самое важное условие успешной МКК – перцептивная готовность к восприятию различий и расширению картины мира при столкновении коммуниканта с явлениями, ему не знакомыми или отличными от его предшествующего опыта.

9.2. Языковая картина мира и ее национальная специфика

Язык служит той линзой, через которую преломляется и находит внешнее выражение культурная картина мира. На стадии, предшествующей языковому выражению, образ мира характеризуется расплывчатостью и неопределенностью. Вербализация способствует тому, что культурная картина мира приобретает в языковом сознании представителя культурно-языковой общности стройность и упорядоченность.

Единство видения мира предопределяет существование универсального семантического компонента языка, в то время как своеобразие культуры конкретного народа привносит в него этнонациональную специфику [Мечковская 1996: 51], тем самым обуславливая этнопсихолингвистическую детерминацию языкового сознания [Лихачев 1980].

Языковую картину мира можно трактовать, следовательно, как *совокупность сведений о мире, активизируемых с помощью механизмов вербализации соответствующих культурно значимых сведений, а также знаний, хранимых и передаваемых от поколения к поколению с помощью вербального кода.*

Языковую картину мира можно интерпретировать также как совокупность механизмов вербализации сведений о мире. Механизмы вербализации представлены всеми элементами, всеми уровнями, которыми располагает соответствующая языковая система: от грамматической семантики до структуры синонимического или тематического ряда; от характера грамматической категории до характера ядра функционально-семантического поля; от семантической структуры лексемы до синтаксической структуры предложения; от лексико-семантических групп как некоторого набора номинативных средств до текста определенного типа; от реализации/нереализации валентных свойств той или иной языковой единицы до словообразовательной модели с ее потенциями; от словообразовательной семантики до способа выражения пропозиции; от типа речевого акта до типа дискурсивного события; от типа текста до формата дискурса и т.д. При этом, однако, совокупность лексических и грамматических значений не тождественна сумме сведений о мире.

Как правило, при исследовании языковой картины мира лингвисты прежде всего обращают внимание на лексический фонд языка, выступающий как «верхний слой» лингвокультуры.

Действительно, лексические единицы – это тот поверхностный пласт языка, культурная специфика которого наиболее очевидна. Однако они не исчерпывают всего набора средств, по которым проводится национально-культурная дифференциация языковых картин мира. Это объясняет, почему усвоение лексического фонда иностранного языка в отрыве от культуры обычно не приводит к кардинальной трансформации картины мира: коммуникант лишь применяет иностранные слова к собственному, уже существующему видению действительности. «Выучив иностранное слово, человек как бы извлекает кусочек мозаики из чужой, неизвестной еще ему до конца картины и пытается совместить его с имеющейся в его сознании картиной мира, заданной ему родным языком» [Тер-Минасова 2000: 48]. Неспособность совместить «кусочки мозаики» при межъязыковых контактах, визуализировать объект, обозначаемый словом, приводит к неверным референциям и ошибочным переводам культурных реалий. Американский студент, приехавший в Россию, впервые в жизни увидел пододеяльник. Он долго вертел его в руках, не зная, что с ним делать, в конце концов, залез в него и так проспал всю ночь. Другая американка не могла понять, каково назначение отверстия в середине пододеяльника, и решила, что это результат изобретательности русской хозяйки, умело починившей дырку в постельном белье.

Но даже если объект правильно идентифицирован и поименован с помощью языка, этого недостаточно для того, чтобы он органично вписался в картину мира индивида. Одни и те же объекты в разных культурах могут принимать разный вид и выполнять разные функции. Вспомним фильм «Доктор Живаго». Американцы считали этот фильм «очень русским», в точности воспроизводящим быт и атмосферу жизни в России. Однако в нем обнаруживается целый ряд лингвистических и культурологических ошибок. Один из казусов, содержащихся в фильме, – то, что мать Лары во время болезни держит термометр во рту.

9.3. Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и аккультурации

Понятие **инкультурация** подразумевает *обучение человека традициям и нормам поведения в конкретной культуре*. Это происходит в процессе отношений взаимообмена между человеком и его культурой, при которых, с одной стороны, культура определяет основные черты личности человека, а с другой – человек сам влияет на свою культуру. Инкультурация включает в себя формирование основополагающих человеческих навыков, как, например, типы общения с другими людьми, формы контроля за собственным поведением и эмоциями, способы удовлетворения основных потребностей, оценочное отношение к различным явлениям окружающего мира и т.д. Результатом инкультурации является эмоциональное и поведенческое сходство человека с другими членами данной культуры и его отличие от представителей других культур.

На индивидуальном уровне процесс инкультурации выражается в повседневном общении с себе подобными: родственниками, друзьями, знакомыми или незнакомыми представителями данной

культуры, у которых сознательно или бессознательно человек учится тому, как следует вести себя в разнообразных жизненных ситуациях, как оценивать события, встречать гостей, реагировать на те или иные знаки внимания и сигналы.

Термин **аккультурация** используется для обозначения *процесса и результата взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (реципиенты) перенимают нормы, ценности и традиции другой (у культуры-донора).*

В процессе аккультурации каждый человек одновременно решает две важнейшие проблемы: стремится сохранить свою культурную идентичность и включается в чужую культуру. Комбинация возможных вариантов решения этих проблем дает четыре основные стратегии аккультурации: ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию и интеграцию.

Ассимиляция – это вариант аккультурации, при котором человек полностью принимает ценности и нормы иной культуры, отказываясь при этом от своих норм и ценностей.

Сепарация есть отрицание чужой культуры при сохранении идентификации со своей культурой. В этом случае представители недоминантной группы предпочитают большую или меньшую степень изоляции от доминантной культуры. Если на такой изоляции настаивают представители господствующей культуры, это называется сегрегацией.

Маргинализация означает, с одной стороны, потерю идентичности с родной культурой, с другой, – отсутствие идентификации с культурой большинства. Эта ситуация возникает из-за невозможности поддерживать собственную идентичность (обычно в силу каких-то внешних причин) и отсутствия интереса к получению новой идентичности (возможно, из-за дискриминации или сегрегации со стороны этой культуры).

Интеграция представляет собой идентификацию как со старой, так и с новой культурой.

Еще недавно исследователи считали, что наилучшей стратегией аккультурации является полная ассимиляция с доминирующей культурой. Сегодня же целью аккультурации считается достижение интеграции культур, дающее в результате бикультуральную или мультикультуральную личность.

Вопросы для самоконтроля по теме 9.

Лингво-когнитивный (тезуарусный) уровень языковой личности: языковая картина мира.

Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и аккультурации

Подготовьте ответы на вопросы:

1. Что такое «этноцентризм»?
2. Какова разница между понятиями «культурная картина мира» и «языковая картина мира»?
3. Что такое «инкультурация» и «аккультурация»?
4. Что такое «культурный шок»? Приведите примеры из литературы или из собственного опыта межкультурной коммуникации.
5. Что такое культурная идентичность?

Задание для самостоятельной работы по теме 9.

Лингво-когнитивный (тезуарусный) уровень языковой личности: языковая картина мира.

Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и аккультурации

Подготовьте небольшие доклады по темам:

1. «Время в русской языковой картине мира в сопоставлении с картиной мира изучаемого языка»
2. «Пространство в русской языковой картине мира в сопоставлении с картиной мира изучаемого языка»

Используйте при подготовке к докладам рекомендованную литературу и интернет-ресурсы.

Литература по теме 9.
Лингво-когнитивный (тезуарусный) уровень языковой личности: языковая картина мира.
Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и аккультурации

Основная литература

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 2007. – С. 165-184.
2. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007. – С. 119-139.

Дополнительная литература

Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. – М., 2002. – С. 71-103

Тема 10
Сопоставительное изучение языковых картин мира разных лингвокультур

Ключевые слова: национальная языковая картина мира.

[10.1. Диссонанс национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации](#)

[10.2. Соответствие картин мира коммуникантов как условие успешности межкультурного общения](#)

[Литература](#)

[Вопросы для самоконтроля](#)

[Задание для самостоятельной работы](#)

10.1. Диссонанс национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации

Согласно известному и часто цитируемому высказыванию Б. Уорфа [1960: 174-175], категоризация действительности осуществляется «в направлении, подсказанном нашим родным языком. < ... > Мы расчленим мир, организуем его понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка».

Проявлением описанных выше процессов может служить расхождение межъязыковых эквивалентов по объему понятия: палец, мизинец vs. thumb, finger, toe; рука vs. hand, arm; нога vs. leg, foot; колени vs. knees, lap; платок, косынка, шарф, пионерский галстук, кашне vs. scarf; индеец, индеец vs. Indian; синий, голубой vs. blue; рыжий, красный vs. red; седой vs. gray, white и т.д.

Интересным аспектом сопоставления русской и американской картин мира является их рассмотрение с точки зрения категории рода. Как известно, в парадигме английских существительных род не выражен грамматически, поэтому неодушевленные существительные, а также зоонимы соотносятся с местоимением и. Если же им придается род, возможны несовпадения с русским языком: «There she lies, the great melting pot ...» (Israel Zangwill) –

ср. рус. плавильный котел. «Man acts as if he were the shaper and master of language, while it is language which remains mistress of man» (Martin Heidegger) – ср. рус. язык. «On the Volga there is a beautiful flower, and her name is Volgograd» (из письма американского преподавателя) – ср. рус. Волгоград.

А вот как Й. Ричмонд объясняет русское видение понятия «Родина»: «Rodina, the word/or homeland, is/eminine, and Mother Russia is the symbol of the nation. In this motherland, women are strong, hard-working, nurturing, longgsuffering, and the true heroes of Russia» [Richmond 1996: 52].

В связи с несовпадением категории рода часто возникают сложности с переводом. Так, например, цапля Шух-шух-га (Shuh-shuh-gah) у Лонгфелло мужского рода. И.А. Бунину приходится изменить этот образ на женский: «цапля сизая, Шух-шух-га».

На вопрос: «Какого рода следующие животные в американских сказках (ваша первая ассоциация)?» – большинство американских информантов дали следующие ответы, расходящиеся с русской картиной мира: fox – мужского рода (ср. лисичка-сестричка); squirrel – мужского рода (ср. белка); snake – мужского рода (ср. змея).

Существование разных мер длины, веса, объема и т.д. ярко отражает возможность членения окружающего мира на разные фрагменты, используемые для количественной репрезентации объектов. В процессе межкультурной коммуникации единицы длины, веса, температуры и т.д. требуют перевода так же, как и слова иностранного языка. Такие фразы, как «six feet tall», «she weight 130 pounds», «the temperature outside is 76 degrees», остаются для русского коммуниканта пустым звуком до тех пор, пока не будут произведены соответствующие вычисления, которые позволят привести их в соответствие с десятичной системой мер. Привычка использовать определенную систему мер вовсе не обязательно свидетельствует о ее преимуществах перед другими системами. Однако она занимает прочное место в сознании коммуникантов, и им трудно смириться с мыслью о том, что мир можно измерять и оценивать с позиций других количественных подходов. Замечено, что при пересказе американских текстов русские студенты либо подменяют американские единицы измерения русскими, либо пересказывают автоматически, плохо представляя себе, о чем идет речь.

Возможность разного членения и категоризации действительности проявляется при сопоставлении объектов и их характеристик. Объекты существуют не сами по себе, а в соотношении друг с другом, поэтому такие понятия, как большой – маленький; близко – далеко; новый – старый и т.д., относительны. Кроме того, необходимо помнить, что антонимы хороший – плохой, короткий – длинный, бедный – богатый и т.д. в своей семантике уже содержат национально обусловленные критерии, которые могут не совпадать от культуры к культуре. Так, понятия близко – далеко различаются для жителей разных стран. То, что считается расположенным далеко в маленьких странах, воспринимается как близкое в больших государствах.

Вот почему американцев предупреждают о необходимости соотносить понятия «далеко – близко» с тем, в какой части страны они находятся, иначе им может не хватить бензина, чтобы доехать до «ближайшей» бензозаправки.

Дом, считающийся большим по российским масштабам, может не быть таковым по американским. Но и внутри США восприятие «большого» и «маленького» неоднозначно. После посещения больших домов в пригороде русским туристам кажутся маленькими квартиры в Нью-Йорке. На основании этого они имеют тенденцию недооценивать материальное благосостояние их обладателей, не учитывая того, что жилье в Нью-Йорке, особенно в Манхэттене, стоит очень дорого.

Относительность понятий большой – маленький также иллюстрируется примером Ч. Филлмора [1988: 58]: «Покупатели магазинов самообслуживания в Соединенных Штатах иногда становятся в тупик, обнаружив, что размер упаковки мыльной стружки, помеченный ярлыком large 'большой', оказывается самым маленьким из имеющихся; большие же размеры маркируются такими надписями, как jumbo 'большой, громоздкий', есопому 'экономичный', giant 'гигантский' и family size 'семейный' < ... > выбравшие неправильную интерпретацию не просто потерпели неудачу в «понимании» слов; они не смогли определить, какая «фреймовая» структура имела в виду в данном контексте».

Когда речь идет об одежде, размер small в США, с точки зрения европейцев (включая русских), на поверку оказывается не таким уж маленьким. Американскому размеру medium обычно соответствует европейский / large. Американские журналы уговаривают женщин время от времени мерить одежду «petit» (фр. маленький): «Может быть, вы не чувствуете себя миниатюрной женщиной, но на самом деле являетесь ею?».

Русским, приезжающим в США, трудно определить, что значит «casual» по отношению к манере одеваться, равно как и американцам нелегко вписаться в «деловой» русский стиль, так как в разных культурах различается степень формальности/неформальности в одежде.

Подобно тому, как предмет или явление обретает свои истинные очертания лишь в общем контексте картины мира, значения языковых единиц ясно проступают только тогда, когда они занимают свое место в системе языка. В ряду терминов или иных наименований «оценка или интерпретация отдельного термина зависит от полного списка используемых терминов и от фиксированного положения данного термина в ряду других терминов» [там же: 57]. Например, для русских высшая оценка в системе образования – пятерка; для американцев, использующих цифровую систему (наряду с буквенной), – четверка. Кроме того, американцы используют десятые и сотые доли балла. Поэтому, когда русский ребенок, возвратившийся домой после года обучения в США, показывает русским учителям среднюю оценку 3,89 – им трудно понять, что речь идет об очень высоком балле.

Неоднократно описанным различием между лингвокультурами также является языковое членение цветового спектра. Многочисленные эксперименты, проведенные учеными, доказывают, что дифференциация цветов определяется универсальными свойствами человеческого восприятия, а не их языковыми наименованиями, хотя последние облегчают распознавание и запоминание цветов, важных для данной социально-культурной группы.

Хорошо известно, что русским словам *синий* и *голубой* в английском языке соответствует слово blue. В настоящее время трудно объяснить причины этого различия между языками. Как бы то ни было, это обстоятельство приводит к коммуникативным трудностям. Например, при работе над словарем «Жизнь и культура США» [Леонтович, Шейгал 1998; 2000] было достаточно трудно определить, как правильно перевести слово blue в таких случаях, как: Blue Birds, blue book, bluecoat, blue-collar, Blue Cross, bluegrass и т.д. Интересное наблюдение: наши информанты-американцы очень часто затруднялись ответить на вопрос: «Light blue or dark blue?» Заметим, что в России любой ребенок без колебания делает различие между синим и голубым цветами.

В русском языке выражение синяя птица символизирует погоню за счастьем. Слово голубой с недавних пор приобрело стойкие ассоциации с гомосексуалистами, не представленные в американской лингвокультуре.

Слово *красный* семантически связано со словом *красивый*: красная девица, красное словцо, красный угол. В английском языке такая связь отсутствует. Как в русской, так и в американской культурах красный цвет ассоциируется с Советским Союзом и коммунизмом, однако в США со времен холодной войны существует значение «сочувствующий коммунистам», выражаемое словом *pink* и не имеющее соответствия в русском языке.

Русские говорят: тоска/скука зеленая; американцы же связывают этот цвет с завистью или ревностью (*green-eyed monster*), а также с властью деенег (*green power*). Кроме того, зеленый цвет ассоциируется с Ирландией и Днем Св. Патрика, широко отмечаемым в США.

Переносные значения слова *черный* в русском языке, как правило, имеют отрицательную оценочность: черная неблагодарность, черная кошка пробежала, держать в черном теле, откладывать на черный день. Одно из значений этого слова иногда применяется по отношению к лицам кавказской национальности. В США, с другой стороны, слово *black* считается политически корректным термином для обозначения принадлежности к афроамериканцам. Более того, в 60-х гг. XX в. сторонники борьбы за гражданские права развернули кампанию за придание слову *black* положительной окраски под лозунгом: «*Black is beautiful*».

10.2. Соответствие картин мира коммуникантов как условие успешности межкультурного общения

Для адекватной межкультурной коммуникации необходимо соответствие картин мира коммуникантов. Перемещение в новое культурное пространство требует от иноязычного коммуниканта корректировки собственной картины мира и приведения ее в соответствие с изменившимися условиями.

В начале знакомства с новой лингвокультурой картина мира неопределенна, расплывчата и размыта. Ее можно образно сравнить с видением близорукого человека, когда существует приблизительная связь между предметом и его наименованием. Например, русский, недавно приехавший в США, плохо себе представляет, что такое *broscoli*, в каких видах существует *cereal* и как выглядит *groundhog*. Соответственно и действует человек «на ощупь», неуверенно, методом проб и ошибок.

Период привыкания к чужой лингвокультуре, когда коммуникант обнаруживает, что старый языковой опыт не вполне применим к новым условиям, а новая языковая картина мира еще не вполне сложилась, психологически труден для индивида и вызывает состояние стресса. «Когда два языка вступают в контакт и как бы соперничают в одном индивиде, то это означает, в сущности, что в контакт и конфликт приходят два видения мира < ... > Здесь есть все основания полагать, что переход от одного языка к другому может вызвать в мышлении глубокие потрясения» [Дадые 1968: 246].

В качестве ориентиров, позволяющих индивиду «не заблудиться» в новом культурно-языковом пространстве, выступают универсальные явления – то общее, что объединяет взаимодействующие культуры. «Мы можем воспринимать как целое предметный мир только при условии, что в нем есть что-то постоянное, опорные элементы, отображенные в нашем сознании в виде образов «низшего порядка» – образов предметов и ситуаций, константных по сравнению с образом мира. Чтобы образ мира изменялся < ... >, в нем должно быть что-то относительно неизменное» [Леонтьев 1997: 144]. Когда речь идет о переходе с одного языка на другой в процессе МКК, роль инвариантных элементов языковой картины мира выполняют межъязыковые эквиваленты, которые обозначают предметы и явления, общие для взаимодействующих культур.

В различных жизненных ситуациях коммуниканты выявляют несоответствие друг другу не целостных картин мира, а их фрагментов. Если различие в картинах мира осложняет коммуникацию и приводит к коммуникативным неудачам, то возникает необходимость привести их в соответствие друг с другом: у обоих коммуникантов «формируются собственные прагматические установки: у первого – на адекватную передачу информации, у второго – на адекватное ее понимание. «Столкновение» этих установок определяет содержательную структуру текста и иерархию тех компонентов, которые составляют

эту структуру, делая текст инструментом коммуникации» [Шахнарович 1998: 64]. В межкультурном общении основное бремя адаптации падает на неносителя лингвокультуры, который учится думать, говорить и действовать как носитель.

Для верного восприятия действительности инокультурному коммуниканту необходима коррекция языковой картины мира, верно отражающая определенную культуру. По мере освоения культурно-языкового пространства элементы картины мира приобретают более четкие очертания. При этом происходит не подмена одной картины мира другой, а совмещение родной и вновь осваиваемой картин мира и расширение горизонтов сознания. Возникновение качественно нового образа окружающей действительности знаменует собой трансформацию языковой картины мира коммуниканта – участника межкультурного общения.

Вопросы для самоконтроля по теме 10. Сопоставительное изучение языковых картин мира разных лингвокультур

Подготовьте ответ на вопрос:

1. В чем проявляется диссонанс национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации?

Задание для самостоятельной работы по теме 10. Сопоставительное изучение языковых картин мира разных лингвокультур

Подготовьте сообщение с презентацией на тему: «Языковые картины мира России и страны изучаемого языка: общие черты и различия».

Литература по теме 10. Сопоставительное изучение языковых картин мира разных лингвокультур

Основная литература

1. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007. – С. 9-20.
2. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – С. 5-15.

ТЕМА 11

Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: коммуникативно-деятельностные потребности и их национальная маркированность.

Учет коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по коммуникации в межнациональных контактах

Ключевые слова: коммуникативно-деятельностные потребности.

Основная литература

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2007. – С. 211-216.

[Литература](#)

[Вопросы для самоконтроля](#)

[Задание для самостоятельной работы](#)

Мотивационный уровень в организации языковой личности, который является предметом рассмотрения в этой главе, многогранен и многосложен по своему устройству и, без сомнения, играет главенствующую роль в иерархии уровней. Одновременно он оказывается наиболее труднодоступным для исследователя, поскольку мотивы, интересы, устремления, интенциональности, цели, как и творческие потенции человека, в значительной доле строятся на аффектах и эмоциях, а языковое выражение последних, не говоря уже о психической сущности, исследовано недостаточно. Вовсе не надеясь ответить на многочисленные вопросы, связанные с функционированием данного уровня, хотелось бы осветить лишь некоторые его аспекты, имеющие, как представляется, четко выраженное языковое соответствие.

Прежде всего, о единицах мотивационного уровня, в схеме 1 (см. с 12) они обозначены как коммуникативно-деятельностные потребности, объединяемые в регистрирующую структуру – коммуникативную сеть. Последнюю можно представить себе и зрительно, как сетку из линий, связывающих данную языковую личность актами коммуникации с некоторым набором партнеров по общению. Такую сеть можно было бы воспроизвести, зафиксировав, например, все разговоры какого-нибудь персонажа художественного произведения с другими действующими в нем лицами. Подобная сеть оказывается не слишком густой и не слишком сложной даже для главного действующего лица, если отсечь те ветви, которые отображают единичные акты коммуникации, т.е. содержат однократные реплики, обращенные к случайным партнерам. Для Андрея Старцова, например, героя романа К. Федина «Города и годы», число таких устойчивых коммуникативных линий немногим больше трех десятков. Конечно, для реальной личности картина должна выглядеть гораздо сложнее. Но вот вопрос, какие же коммуникативные потребности личности отражает построенная таким образом сетка?

Потребности человеческие вообще безграничны и неисчислимы, безграничны не в том даже смысле, что их много, а в том, что тонкая варьируемость их не дает возможности найти столь емкие именованья, которые не допускали бы в дальнейшем введения каждый раз еще одной новой потребности, не покрываемой уже существующей классификацией, а затем еще одной, и еще... Так, наряду с потребностью в полноте реализуемых личностью социальных и индивидуальных функций, возникает вдруг трудно объяснимая «потребность быть неоптимальным», а рядом с потребностью в адаптивности – потребность в риске. Иными словами, число потребностей оказывается потенциально бесконечным, а попытка исчислить человеческие потребности вообще обречена, как кажется, на неудачу. Тем не менее, в

каждой специфической сфере жизнедеятельности – биологической, психической, языковой, познавательной или социальной – исследователи стремятся установить достаточно определенный круг потребностей, выделенный с таким расчетом, чтобы неизбежное появление новых потребностей или модификация старых не вносили принципиальных изменений в установленный тип. Можно оспаривать успешность, например в зарубежной социальной психологии, выделения пяти типов потребностей, удовлетворяемых в речевом общении: в человеческих связях, в самоутверждении, в привязанности, в самоосознании, в системе ориентации.

Понятно, что перечисленные типы тесно связаны с коммуникативными, но было бы неправомерным отождествлять их с последними, поскольку перечисленные потребности отражают, прежде всего, отношения между людьми, которые реализуются, в частности, также и в общении, в коммуникативных ситуациях. С другой стороны, столь широкие обозначения потребностей позволяют как будто подвести под выделенные типы и любые другие, в том числе, очевидно, и собственно коммуникативные, коль скоро их удастся выделить в чистом виде.

Можно, далее, не соглашаться с попыткой объяснить разновидности речевого поведения личности распределением их среди трех фундаментальных ее ролей, выполняемых в разных ситуациях общения, – РЕБЕНОК, РОДИТЕЛЬ, ВЗРОСЛЫЙ. Так, каждому из нас знакомы отдельные признаки состояния и поведения «ребенка», в роли которого мы выступаем в разговоре, например, со старшим, уважаемым, признаваемым авторитетным по положению или возрасту собеседником. Иначе строим мы свое поведение в разговорах с детьми или зависимыми от нас собеседниками, естественно присваивая себе роль «родителя». Неадекватность между «ведением роли» и ситуацией тотчас ощущается наблюдателем (перехватчиком) или исследователем. Это происходит, например, в тех сценах кинофильма «Сатурн», где актер, исполняющий роль Крамера, разговаривает в своей первой встрече с офицерами абвера. Ситуация общения типологически требует включения в его поведение элементов, характеризующих позицию «ребенка» по отношению к «родителю»: они старше по званию и хозяева положения, а он всего лишь перебежчик, ищущий убежища. Но желание актера подчеркнуть внутреннее достоинство в глубокое человеческое превосходство советского разведчика над фашистами заставляет его исключить из своего поведения даже малейшие признаки «ребенка». В результате сцены выглядят ходульными, неправдоподобными. В повести Г. Семенова «Ум лисицы» муж героини – Наварзин, которому принадлежит добрая половина прямой речи во всем тексте, в своих высказываниях и монологах выступает всегда в роли «родителя», которому свойственна уверенность в собственной правоте, беспелляционность суждений, доступна истина в последней инстанции, и потому его отличает способность к авторитетным, поучающим суждениям и окончательным «приговорам». В оппозиции же к нему оказывается рассказчик («Васенька»), который в диалогах с Наварзиным играет не роль «ребенка», а роль «взрослого», характеризующуюся дуалистическим восприятием действительности, постановкой под сомнение устоявшихся истин и моральных требований, пониманием относительности многих, кажущихся другим незыблемыми установлений:

«Продолжая спор с Наварзиным, которого я не сумел убедить в открытом диалоге, я ему, в общем-то, сказал, вызывая посостязаться в софистике:

– Убеждения можно менять, а цель никогда, – зная, что с этим не согласится Наварзин, и не ошибся.

– Вы путаете два несовместимых понятия. Цель в жизни – одно, а убеждения – другое.

– Нет, это вы не хотите понять меня, – возразил я ему. – С помощью убеждений я выбираю себе цель и стремлюсь к ней. Я убеждаю себя... Если же обстоятельства заставляют поменять убеждения, если вдруг оказывается, что путь выбран неверно и ведет в болото, то почему бы не остановиться и не пойти другим путем? Убеждения, что путь и цель выбраны правильно, оказались ложными. Зачем же мне верить слепо и лезть в болото? Я постараюсь переубедить себя и пойти к цели другим путем.

– То есть вы пойдете против своих убеждений. А это последнее дело.

– Почему же против, почему последнее дело? Мне до цели дойти надо! А если даже против своих убеждений, так что же? Я ведь не изменяю цели. Я убежден, что цель прекрасна и достигнуть ее надо во что бы то ни стало. Но чтобы дойти до нее, нужно уметь менять убеждения...

– Нельзя идти против собственных убеждений, – сказал Наварзин и прищурился.

– А если они ложны? Убеждения всего лишь стимул к поиску кратчайшего пути к цели. Не более того!

– Это называется цель любыми средствами, – говорил Наварзин, не слушая меня. – В понятие «любые средства» входят и недозволённые, а значит, ваша цель, как бы прекрасна она ни была, не стоит того, чтобы к ней идти».

Конечно, квалификация языковой личности в соответствии с выполняемой ею в той или иной ситуации одной из трех названных ролей дает известные основания для характеристики ее речевого поведения, но такая квалификация мало помогает в выявлении собственно коммуникативных потребностей. Когда за перечисление их берутся лингвисты, то речь в основном идет о трех типах – контактоустанавливающей, информационной (необходимость получить или сообщить сведения) и воздействующей. А при дальнейших уточнениях и детализациях возможны два экстремальных случая. Либо число коммуникативных потребностей начинает умножаться и в итоге они регрессируют в бесконечность, совпадая с речевыми готовностями (например, потребность в аргументации, потребность в оперировании текстами духовной культуры, потребность в использовании разных подязыков и т.п.). Либо наоборот, идя по линии типизации и укрупнения их, исследователи сближают коммуникативные потребности с функциями языка, и тогда говорят о фатической, номинативной, познавательной, эмотивной, апеллятивной, волюнтаривной потребностях. Но и этот ряд, как легко заметить, не является ни законченным (почему бы не добавить к перечисленным потребность в оценке, например, или потребность в выражении модальности и т.п.), ни логически последовательным, поскольку номинативная, например, – функция ли, потребность ли – не существует сама по себе, а входит составной частью во все другие (без номинации нельзя осуществить ни познавательных, ни апеллятивных, ни каких-то иных актов); эмотивная и волюнтаривная потребности, без сомнения, составляют часть или являются разновидностью апеллятивной, воздействующей и т.п.

В основе человеческого общения лежит «взаимная нуждаемость»: «Недостаточность личности в каком-либо отношении является как бы импульсом, побуждающим искать восполнения ее в другой личности». В этой «взаимной нуждаемости» людей, понимаемой в широком социальном смысле, и надо искать истоки коммуникативных потребностей. Впрочем, если быть точным, то следует, очевидно, говорить не о чисто коммуникативных потребностях, а о потребностях коммуникативно-деятельностных, поскольку общение существует не само по себе, а связано с производственной деятельностью людей, определяющей социальные отношения. В советской психологической науке принято различать три стороны процесса общения – коммуникативную, интерактивную и перцептивную. Первая отвечает задачам установления и развития контактов между людьми, вторая предполагает обмен информацией и выработку единой стратегии взаимодействия в совместной деятельности и третья направлена на восприятие и понимание другой личности. Как видим, это трехаспектное деление фактически неплохо коррелирует с лингвистическими представлениями о трех типах коммуникативных потребностей – контактоустанавливающей, информационной и воздействующей. Другое дело, что используемую при этом терминологию едва ли можно признать удачной: термин «коммуникативная» – в психологической классификации разновидностей общения – по сути дела является родовым, соотносимым с процессом общения в целом, и должен покрывать своим содержанием и все прочие его аспекты. Аналогичная ситуация возникает и при выделении разных функций языка, среди которых первой обычно называют «коммуникативную» (т.е. по сути дела родовую его характеристику), а затем перечисляют как бы ее разновидности: номинативную, познавательную, апеллятивную функцию и т.д.

Но, оставив в стороне терминологию, можно констатировать, что помимо корреляции трех типов коммуникативных потребностей с тремя сторонами процесса общения, в них можно усмотреть известный параллелизм и с развиваемой здесь концепцией трехуровневого устройства языковой личности, в самом деле, контакто-устанавливающая потребность удовлетворяется как будто вербально-семантическим

уровнем, реализуется в обыденном употреблении языка (см. схему 1, с. 56), информационная – покрывается тезаурусом личности, а воздейственной потребности отвечает прагматикой.

К сожалению, такая классификационная ясность не выдерживается при столкновении с реальным функционированием языковой личности. Обратившись к коммуникативной сети упомянутого вначале Андрея Старцова из романа К. Федина «Города и годы», мы обнаруживаем ней такие линии, такие коммуникативные акты, которые не могут быть продиктованы ни одной из трех названных выше коммуникативных потребностей. Например, в эпизоде ночного разговора с Сергеем Львовичем, в результате которого неотдохнувший и невыспавшийся Андрей отправился вместо него на рытье окопов.

Вопросы для самоконтроля по теме 11.

Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: коммуникативно-деятельностные потребности и их национальная маркированность.

Учет коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по коммуникации в межнациональных контактах

Подготовьте ответ на вопрос:

1. Что такое «коммуникативно-деятельностные потребности языковой личности»? К какому уровню структуры языковой личности они относятся?

Задание для самостоятельной работы по теме 11.

Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: коммуникативно-деятельностные потребности и их национальная маркированность.

Учет коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по коммуникации в межнациональных контактах

Подготовьте сообщение с презентацией на тему: «Коммуникативно-деятельностные потребности языковой личности в МКК».

Литература по теме 11.

Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: коммуникативно-деятельностные потребности и их национальная маркированность.

Учет коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по коммуникации в межнациональных контактах

Основная литература

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2007. – С. 211-216.

Тема 12

Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: система ценностей русской языковой личности и коммуникативное поведение. Современное состояние ценностных представлений в языковом сознании россиян

Ключевые слова: ценности; концепт.

Основная литература

Владиминова Т.Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. – М., 2007. – С. 92-101.

[Литература](#)

[Вопросы для самоконтроля](#)

[Задания для самостоятельной работы](#)

Положение А.М. Панченко о воспроизводимости стержневых ценностей народного опыта получило убедительное подтверждение в многолетнем масштабном исследовании современного состояния российского менталитета [Абульханова, 1997: 7-37]. Ведущей характеристикой современных россиян, согласно К.А. Абульхановой, является преобладание морального сознания над политическими и правовыми представлениями. Это, прежде всего, совесть и правдивость, удельный вес которых столь высок, что они проникают в правовые и профессиональные отношения. В результате даже в совместной производственной деятельности россияне опираются на межличностные отношения как на залог ее успешности.

Сравнивая западноевропейский и российский опыт совместной профессиональной деятельности, исследователь отмечает, что для ее успеха в России люди должны вступить в личные, доверительные отношения. «В России оказался не выработан опыт социального взаимодействия, основанный на отвлеченной, в определенном смысле безличной обязанности каждого, отсюда, – пишет К.А. Абульханова, – зависимость успеха от «хорошего» человека и добрых отношений» [Абульханова, 1997]. «Конвенциональный» характер морали объясняет широкую представленность данной тематики в народных афоризмах.

Цементирующая роль национального концепта «совесть», понимаемого как исходное условие цельности и соборности русского общества, – важнейшая из доминант аксиологического плана русского ценностного дискурса.

Неудивительно, что дефиниция совести в «Толковом словаре великорусского языка» В.И. Даля является одной из наиболее обстоятельных: «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке, внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития. *Робка совесть, поколь не заглушишь ее. От человека утаишь, от совести (от Бога) не утаишь*» [Даль 1980: 256-257]. (ср. дефиницию *совести*, данную Е. Евтушенко в телеграмме «Линия жизни» (10.06.2006 года): *Совесть – это другое имя Бога*).

Первостепенная важность совести, в которой концентрируются переживания собственного несовершенства и стремление соответствовать нравственным нормам, нашла отражение в многочисленных пословицах.

- **Совесьть как фундаментальная ценность:** Глаза – мера, душа – вера, совесьть – порука; Добрая совесьть – глаз Божий; Где совестно, там и любовно; Менять веру – менять и совесьть; Робка совесьть, поколь не заглушишь ее; Чья душа в грехах, та и в ответе; В ком стыд, в том и совесьть; Рожка кривая, да совесьть прямая.
- **Предостережение от забвения голоса совести:** Береги платье снову, а честь смолоду; Жить живи, да честь знай; Надобно ж и совесьть знать; В ком совесьть не чиста, тому и тень кочерги виселица; у кого совесьть чиста, у того подушка под головой не вертится; Совесьть спать не дает; Совесьть с молоточком: и постукивает, и послушивает; Богатый совести не купит, а свою погубит.
- **Преобладание нравственного сознания над правовыми представлениями и недоверие к правовой системе** в целом нашли выражение в таких пословицах, как: Чего в другом не любишь, того и сам не делай; жизнь дана на добрые дела; За это головой ручаюсь; Закон, что дышло, куда хочешь, туда и вышло; Закон – паутина: шмель проскочит, муха увязнет; Законы-то святы, да судьи крючковаты; То-то и закон, как судья знаком!; Судья в суде, что рыба в пруде; Где закон, там и обида; Закон не кол: не обтешешь; Не всякий прут по закону гнут; В суд поди – и кошелек неси; Из суда, что из пруда, сухой не выйдешь; Была бы спина, найдется и вина; Как кому верят, так тому и мерят; Доносчику первый кнут.

Ключевым понятием русского самосознания является **правда как нравственный идеал**, как истина на деле, истина во образе; правосудие, справедливость [Даль. Т. 3, 1980: 379]. Постепенно утратив единство с такими понятиями, как истина и правосудие и сохранив связь с представлениями о справедливости и о совести, правда в народном самосознании оказывается неразрывно связанной с любовью-жалостью к ближнему. Если понятие истины принадлежит Божественному миру, то правда – к миру человеческого бытия, поэтому и «жить по правде» в народном понимании означает прежде всего быть в добрых отношениях с другими.

- **Правда как фундаментальная ценность:** Мирская правда крепко стоит; Где честь, там и правда; Правда есть, так правда и будет; Все минется, одна правда останется; Правда в огне не горит и в воде не тонет; Правда суда не боится; Правда сама себя очистит; Правдивый путь до небес.
- **Приоритет правды и правдивости во взаимоотношениях с другими:** Стой за правду горой; Доброе дело правду говорить смело; Хлеб-соль ешь, а правду режь; Правда глаза колет; Дело знай, а правду помни; Дело помни, а правды не забывай; Варвара мне тетка, правда – сестра; За правду не судись: Скинь шапку да поклонись; Не ищи правды в других, коли ее в тебе нет.
- **Понимание правды как связанной с верой в Бога:** Не в силе Бог, а в правде; У Бога правда одна; На суде Божьем право пойдет направо, а криво налево; Бог тому дает, кто правдой живет; Без правды жить легче, да помирать тяжело.
- **Предостережение от несоблюдения правды:** Правда, что шило в мешке: не утаишь; Правда всегда наружу выйдет; Что в сердце варится, на лице не утаится; От правды отстать – куда пристать?
- **Об учете реальности в суждениях о правде:** Правда – хорошо, а счастье – лучше; Правдой жить, палат каменных не нажить; Не все то правда, что люди говорят; У всякого Павла своя правда; Про правду слышали, а кривду видели; По правде тужим, а с кривдой живем.

Основополагающую ценностную характеристику российского менталитета по-прежнему составляет **вера**, в разные периоды проявлявшаяся как вера в Христа, в царя, в социальную

справедливость или в коммунизм. Опираясь на полученные данные, К.А. Абульханова интерпретирует доминантную особенность современных россиян как необыкновенный синтез веры в другого человека, в общество и в идеал. «Русский идеализм сочетал в себе определенную умозрительность, возвышенный характер размышлений, выразившихся в поисках правды, истины и смысла жизни, оторвавшихся от практической обыденной жизни», – пишет исследователь, подчеркивая склонность русского умственного склада «не к рефлексии, а к верованию» [Абульханова 1997: 8]. Основанная на развитом воображении, мифологичности, сказочности российского сознания вера обусловила такую черту исторического русского характера, как терпение.

- **Терпение как житейская мудрость:** *На всякое хотенье есть терпенье; Терпенье – лучшее спасенье; Терпенье дает уменье; Не везде сила, где – уменье, а где – и терпенье; Без терпения, без любви хоть на свете не живи; Терпение и труд все перетрут; Все перемелется, мука будет; Терпеть не беда, было бы чего ждать; Терпи, казак, атаманом будешь; Оттерпишься, до чего-нибудь дотерпишься; Стерпится, слюбится; Что ни делается, все к лучшему; До свадьбы заживет; Будет и на нашей улице праздник.*
- **Терпение как христианская ценность:** *Бог терпел, да и нам велел; За терпенье дает Бог спасенье; для спасенья надобно терпенье; Без терпенья нет спасенья; Видно так Богу угодно; Кто малым доволен, тот у Бога не забыт.*

Следующую целостную характеристику российской ментальности составляют **идеалы общинности, соборности, коллективизма, сочувственного взаимопонимания и взаимоотношения**, традиционно обуславливавшие жизнеспособность русского человека. Укорененность в русском самосознании представлений о своем «Я» в неразрывной связи с обществом, народом, государством нашла отражение во многих русских пословицах.

- **Представление о крестьянской общине как о традиционной ценности:** *Что мир порядил, то Бог рассудил; Мир судит один Бог; Мира никто не осудит; Мирская правда крепко стоит; Мир за себя постоит; На мир и суда нет; В миру виноватого нет; Что миром положено, тому и быть так; Как мир, так и мы; Где у мира рука, там моя голова; Мир не без добрых людей; С миру по нитке – голому рубаха; Отстал, сиротой стал; На весь мир не угодишь; На миру и смерть красна.*
- **Коллектив как важная ценность:** *Сто голов – сто умов; Один за всех, все за одного; Все за одного, один за всех; Один и камень не поднимешь, а миром и город передвинешь; Семеро одного не ждут; Нашего полку прибыло; Один в поле не воин; Одна пчела немного меду натаскает; Один палец не кулак; Один ворочаешь -- ошибок наворочаешь; Всякая сосна своему бору шумит; В согласном стаде волк не страшен; Не с деньгами жить, а с добрыми людьми; Свои люди – сочтемся; В тесноте, да не в обиде; Где тесно, там честно; где розно, там слезно; Вместе тесно, а врозь скучно; Вместе и горе легче переносится; Друг за дружку держаться – ничего не бояться; Берись дружно, не будет грузно; Не имей сто рублей, а имей сто друзей.*

Проведенное исследование выявило также **стремление к самостоятельности**, которую К.А. Абульханова называет «неистребленной чертой русского национального характера», и неразрывно связанную с ним **смелость**.

- **Смелость, решительность:** *Смелость города берет; Волка бояться, так и в лес не ходить; Таково уж дело, что надо идти смело; Кто смел, наперед поспел; Кто смел, тот и съел; Про доброе дело говори смело; Куй железо, пока горячо; То ли сё ли, задумано – делай!; Глаза страшат, а руки делают; Попытка не пытка, а спрос не беда; Назвался груздем, полезай в кузов; Взятся за гуж, не говори, что не дюж; Либо пан, либо пропал; Семь бед – один ответ; Лиха беда начало.*

- **Самостоятельность:** *Бог-то Бог, да и сам не будь плох; На Бога надейся, а сам не плошай; На Бога уповай, а без дела не бывай; Всяк своего счастья кузнец; Сам и швец, и жнец, и на дуде игрец; Сам заварил кашу, сам и расхлебывает; Подрастешь, даст Бог, сам наживешь.*

Российское индивидуальное сознание, как показало исследование, является «слишком историчным, слишком общественным» [Абульхаанова 1997: 8-9], что, безусловно, способствовало сохранности в языковом сознании коренных, архетипических черт русской ментальности. Это еще раз подтверждает правомерность рассмотрения дошедшего до наших дней корпуса пословиц как отражающих аксиологический план русского этнического «поля поведения и активности»; Здесь мы имеем в виду прежде всего укорененную **потребность в вере, преданность духовным и моральным ценностям, связь с народом и страной, терпеливость, стремление к самостоятельности.**

Отмеченные особенности национального самосознания и социальной практики обусловили самобытность русского межличностного дискурса, ориентированного на эмоциональную открытость, истинность и содержательную значимость. Таким образом, становление аксиологического поля русского межличностного дискурса в значительной степени было и остается предопределенным унаследованными нравственными ценностями, которые сформировали его ядро и продолжают оказывать воздействие на личность и общество в целом.

Вопросы для самоконтроля по теме 12.

Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: система ценностей русской языковой личности и коммуникативное поведение

Подготовьте ответы на вопросы:

1. Понятие ценности.
2. Традиционные и современные ценности.
3. Что такое культурные ценности?
4. Что такое традиционные и современные культурные ценности?

Задание для самостоятельной работы по теме 12.

Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: система ценностей русской языковой личности и коммуникативное поведение

1. Подготовьте сообщение с презентацией на тему: «Традиционные ценности русской культуры и культуры страны изучаемого языка»
2. Подготовьте сообщение с презентацией на тему: «Современное состояние ценностных представлений в языковом сознании россиян и представителей культуры изучаемого языка».

Литература по теме 12.

Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: система ценностей русской языковой личности и коммуникативное поведение

Основная литература

Владимирова Т.Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. – М., 2007. – С. 92-101.

ТЕМА 13.

Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: понятие концепта.

Концепты как единицы лингвокультурного сознания.

Ключевые концепты русской культуры

[13.1. Понятие концепта как опорного элемента лингвокультуры](#)

[13.2. Концепты как единицы лингвокультурного сознания и концептосферы языковой личности](#)

[13.3. Ключевые концепты русской и американской культур](#)

[13.4. Частичное пересечение концептов-аналогов](#)

[13.5. Лакунарные концепты](#)

[Литература](#)

[Вопросы для самоконтроля](#)

[Задание для самостоятельной работы](#)

13.1. Понятие концепта как опорного элемента лингвокультуры

Понятие «концепт» было введено в лингвистику А. Аскольдовым и Д.С. Лихачевым, но в широкий научный обиход в культурологии и лингвокультурологии оно вошло благодаря работам Ю.С. Степанова – автора «Словаря русской культуры». Определение термина концепт, данное Ю.С. Степановым, стало классическим и приводится практически во всех работах, посвященных этому феномену. Обратимся к нему и мы. Итак:

*«**Концепт** – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» ? сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё.*

«...» Концепт - основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 2001: 43].

13.2. Концепты как единицы лингвокультурного сознания и концептосферы языковой личности

При анализе проблем межкультурной коммуникации концепт как ментальное образование, относящееся к мотивационно-прагматическому уровню структуры языковой личности, становится одним из ключевых понятий и может использоваться как опорный элемент для сопоставления менталитетов, а также культурных и ценностных доминант, которые в силу своей неуловимости, подвижности и расплывчатости с трудом поддаются анализу.

Выступая в качестве базовых, опорных элементов языка, концепты объединяют представителей определенной лингвокультуры, обеспечивая основу взаимопонимания между ними через «сгустки смысла», в которых воплощается дух народа. Концептуальное пространство отдельной языковой личности и лингвокультуры в целом организуется в концептосферу, основной характеристикой которой являются те возможности совместного «творения смыслов», которые она открывает перед носителями языка.

С позиций МКК концептосферу можно рассматривать в двух направлениях: как взгляд «извне», т.е. анализ концептосферы в целом как выражения национально-культурной специфики определенного народа, и как взгляд «изнутри», попытку проникнуть во внутренний мир представителей разных социальных групп посредством концептов как многомерных образований. Перекрещение идеосфер, основанное на «разделенном знании» представителей конкретной культуры, а также особенностях национального характера и специфике коллективной языковой личности, своеобразно преломляющей жизненный опыт, создает то смысловое ядро, которое становится базовым для достижения взаимопонимания внутри данной лингвокультуры.

Зависимость концептов от национального, сословного, классового, профессионального, семейного и личного опыта человека, пользующегося концептом [Лихачев 1997: 282], приводит к тому, что уровень взаимопонимания будет лучше у людей с аналогичным опытом. В МКК аналогичный опыт можно рассматривать двояко. На бытовом и эмоциональном уровне люди из одной культуры с большей степенью вероятности поймут друг друга благодаря наличию «разделенного» национально-культурного опыта. С другой стороны, даже относясь к разным культурам, люди с одинаковым уровнем образования и сходными интересами могут иметь много общего с точки зрения выбора ключевых концептов.

Кроме того, в разных лингвокультурах фокусировка и членение концептуального пространства осуществляются по-разному. При совпадении этого членения у людей из разных культур будет больше предпосылок для адекватной коммуникации, нежели при несовпадении.

Способность концептов разрастаться и обогащаться за счет индивидуального эмоционального и культурного опыта носителей языка обуславливает их эластичность, неустойчивость и подвижность. С одной стороны, динамический характер концептов затрудняет их «состыковку» между разными культурами. С другой стороны, то обстоятельство, что они «перетекают» друг в друга, образуя единое пространство культуры, создает возможность для творческого полета и поиска «компромисса» между несовпадающими концептами разных лингвокультур.

13.3. Ключевые концепты русской и американской культур

При сопоставлении американской и русской концептосфер обращает на себя внимание то, что русские концепты, относящиеся к духовной и эмоциональной стороне жизни, часто не имеют американских аналогов. Американские же концепты, не переводимые на русский язык, в большинстве своем отражают прагматический и активистский характер американской культуры.

Хорошо известна точка зрения А. Вежбицкой [1996], которая считает концепты «душа», «судьба», «тоска» ключевыми для русской лингвокультуры. Хотя подходы А. Вежбицкой нередко подвергаются критике за субъективность и бездоказательность, мы склонны в данном случае согласиться с ее выбором. Кроме того, настойчивость, с которой как российские, так и зарубежные авторы обращаются к концепту «душа» при анализе русской культуры и языкового сознания, несомненно заслуживает внимания.

Ю.С. Степанов считает, что лучшее определение слова «душа» принадлежит Вл. Далю: «Бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем значении: человек с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от духа, и в этом смысле говорится, что и у животных есть душа» [Степанов 1997: 569]. Немало написано и о загадочности русской души, которую Н.А. Бердяев [1990а: 235-236] объясняет ее иррациональностью и близостью к природе. Подробный анализ концепта

«душа» также содержится в книге С.Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация» [2000: 161-169]. А. Вежбицкая характеризует русскую душу как духовную сердцевину, внутренний театр, на сцене которого проходит моральная и эмоциональная жизнь личности [Wierzbicka 1997: 10].

Многие американцы, пишущие о русской «душе», употребляют в тексте английскую транскрипцию русского слова – их явно не устраивает английский эквивалент *soul*.

Д. Карбо, не пользуясь самим термином «концепт», фактически противопоставляет концепты «*soul*» и «*self*» как ключевые понятия, характеризующие русскую и американскую личность. Он утверждает, что в США презентация «себя» (*self*) есть предпочтительная форма коммуникативной деятельности, с указанием на личный опыт, мысли и чувства, что считается адекватным способом самовыражения.

Self – это нечто внутреннее и уникальное, ценимое в обществе и имплицитно предполагающее достоинство как говорящего, так и его собеседника. В российском же дискурсе, по его мнению, одним из основополагающих измерений межличностной коммуникации становится задушевность (*soul-to-soul*) беседы. Таким образом, с одной стороны имеется «душевный» коллектив, общение которого основано на понятиях морали и нравственности общественной жизни, с другой – группа индивидуумов, в основе коммуникации которых лежит фактическая информация, раскрывающая их личный опыт взаимоотношений с обществом. В результате русские нередко воспринимают американцев как «бездушных», а американцы считают русских недостаточно владеющими навыками аналитического мышления и способными использовать фактическую информацию.

В качестве параллели русскому концепту «душа» можно выделить афро-американский концепт «*soul*», существенно отличающийся от англосаксонского и обозначающий глубокую искренность, задушевность и эмоциональность, присущие негритянской культуре. Этот концепт, который не совпадает с русским, может, однако, быть сопоставлен с ним по эмоциональной насыщенности и глубине. В его «сферу влияния» попадают такие понятия, как *soul brother* (букв. «брат по духу») – черный, чернокожий (также *soul sister* – о девушке или женщине) – и *soul music* – музыка «соул», разновидность направления «ритм и блюз», включающая элементы негритянских религиозных песнопений, которая характеризуется четким ритмом и эмоционально насыщенным вокалом [Леонтович, Шейгал 2000]. Однако «аура» русского и афро-американского концептов и вызываемые ими культурные ассоциации глубоко различны и могут быть сопоставлены лишь для объяснения связанной с ними «задушевности».

Для передачи концепта «тоска» на английском языке можно попытаться заполнить лакуну с помощью пограничных концептов (*melancholy, depression, yearning, anguish, ennui, longing, grief* / и т.д.) – с тем только, чтобы доказать его непередаваемость. «Нужно делать различие между тоской и страхом и скукой, – писал Н.А. Бердяев. – Тоска направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира. < ... > Страх и скука направлены не на высший, а на низший мир. Страх говорит об опасности, грозящей мне от низшего мира. Скука говорит о пустоте и пошлости этого низшего мира. < ... > в тоске есть надежда, в скуке – безнадежность» (цит. по: [Степанов 1997: 677-678]) .

Разумеется, это лишь немногие из ключевых русских и американских лингвокультурных концептов, и список этот может быть продолжен. Тем не менее приведенный выше анализ дает представление о существенных различиях между русской и американской концептосферами.

13.4. Частичное пересечение концептов-аналогов

Типичными примерами языкового воплощения сопоставимых, но не совпадающих концептов двух лингвокультур являются слова, которые традиционно используются как эквиваленты, но при этом лишь частично пересекаются с точки зрения заключенного в них содержания. Так, например, американский концепт «*nation*» и русский концепт «государство», которые формально являются эквивалентными, расходятся вследствие разного понимания русскими и американцами государственности, а также участия граждан в государственном управлении.

Почему журналист Д. Шиплер в своей книге о России [Shipler 1989] употребляет без перевода слово *parod*, несмотря на существование его английского эквивалента *people*? Если вдуматься, то мы действительно имеем дело с пересекающимися, но не идентичными концептами, в силу таких наплавающихся на универсальное понятие культурно-исторических ассоциаций, как, с одной стороны, народность, народовольцы, народничество, советский народ как новая историческая общность и т.д., а с другой, – «*We, the people...*» – начальной фразы Конституции США, в которой воплотилось национальное самосознание американцев.

В научной и публицистической литературе многократно отмечалось расхождение между русским и американским концептами «друг» и «*friend*» (см., напр.: [Richmond 1996; Wierzbicka 1997]). Для американца слово *friend* применимо к любому человеку, который не является врагом. Это отражает нежелание американцев завязывать слишком глубокие и длительные отношения, что часто объясняют их индивидуализмом и географической мобильностью. Русские, со своей стороны, значительно «разборчивее» в отношении того, кого можно назвать другом.

Английское слово *fun*, которое с известной натяжкой может быть переведено как веселье, тем не менее, обладает более широкой семантикой, может обозначать любые позитивные эмоции и относиться практически к любому типу деятельности. «*Are you having fun yet?*» – это емкая фраза, исполненная иронии, а порою даже сарказма и практически не переводимая на русский язык («Ну как, вам уже весело?» – жалкая тень того, что вмещает оригинал).

Значимость концептов для лингвокультуры определяется тем, насколько тонко в языке отражаются оттенки соотносящихся с ними значений и в каком направлении идет их нюансировка. В работах разных исследователей уже не раз затрагивались расхождения между словами, соположенными с русскими и английскими/американскими концептами «*правда*» и «*ложь*». А. Вежбицкая и Ю.С. Степанов отмечают расхождения между концептами «*правда*» и «*истина*». «*Истина* выражает порядок вещей в мире, закономерность, закон, а *правда* – конкретный случай; *истина* поэтому выражает общие суждения, правила, а *правда* частные суждения, главным образом о событиях и фактах», – пишет Ю.С. Степанов [1997: 325]. Заметим, что в английском языке такая дифференциация концептов отсутствует. Русское слово *справедливость* восходит к концепту «*правда*» (от общеслав. *правыи* «*истинный*»), что отличается от истоков английского *justice* (от лат. *justus* «*законный, заслуженный*»). «Для англо-американской ментальности, отраженной в слове *justice*, малопонятным кажется различие, если не противопоставление, правосудия и справедливости, особенно на фоне неприемлемого для США российского нетождества между законом, судом и истиной, правдой, моральной справедливостью», – замечает В.А. Костомаров [1995: 53].

13.5. Лакунарные концепты

Большой интерес для исследователя представляют концепты, не имеющие эквивалентов в другой лингвокультуре. Будучи национально-специфичными, они в наибольшей степени отражают особенности менталитета, когнитивный и ценностный подходы к материальному миру, способы освоения действительности и ее моральной оценки. Через их посредство реализуются категории, которыми мыслят носители лингвокультуры, и те рамки, в которые они поставлены для осознания и интерпретации окружающего мира.

То обстоятельство, что слово, существующее в одном языке, не имеет прямого соответствия в другом языке, свидетельствует об отсутствии в лингвокультуре соответствующего нерасчлененного понятия. Русскими концептами, не знакомыми американцам, являются «*цельность*», «*умиление*», «*лукавство*», «*разгул*», «*склока*» и т.д. Хотя В. Набоков не пользовался термином «*концепт*» в недавно закрепленном за ним лингвистической терминологией значении, он подробно описал русский концепт «*пошлость*». В биографии Н.В. Гоголя, предназначенной для американских читателей, Набоков отмечает, что соответствующие английские слова *cheap, sham, cotton, smutty, pink-and-blue, in bad taste; inferior,*

trashy, scurvy, tawdry, gimcrack отражают классификацию ценностей определенного периода времени, в то время как русское понятие «пошлость» неподвластно времени (is beautifully timeless. – [Nabokov 1998: 9]).

В условиях МКК расхождение концептов, отражающее дух народа, специфику мышления и характер восприятия действительности представителями разных лингвокультур, может приводить к попытке осмыслить чужую культуру через собственную концептосферу, тем самым провоцируя ситуации непонимания. Конфликт концептов, сформировавшихся в разных «гипертекстах», на пересечении разных смыслов и ассоциаций, приводит к заблуждениям в отношении друг друга в результате эффекта обманутого ожидания.

Почему американские описания России так часто кажутся чужими, как бы и не о нас написанными? Очевидно, это отражение иного способа мышления, когда русская культура пропускается через систему американских концептов. Приезжая в Россию, американцы нередко пытаются использовать свою «сетку координат» для анализа явлений русской жизни. Например, при проведении конкурсов на гранты американские организации раздают русским участникам анкеты и оценивают уровень их профессиональной компетенции через призму концептов, широко распространенных в американском обществе, но плохо знакомых россиянам. Поэтому ключевые американские понятия, такие как pluralist и diversity, зачастую становятся камнем преткновения для русских участников, которые не могут соотнести собственный опыт с инокультурными концептами.

Описывая деловые переговоры между русскими и американцами, Й. Ричмонд отмечает: «Понятие или слово, произнесенное на одном конце стола, может быть не понято на другом конце просто-напросто потому, что оно не существует в политике, юриспруденции, культуре и даже языке этой стороны. Добавьте к этому недостаток знаний русских и американцев друг о друге – и задача переговоров с русскими станет еще более трудной» [Richmond 1996: 151].

Более того, существуют расхождения в том, как язык членит, а затем синтезирует информацию об окружающем мире. «У каждого из культурных концептов свой синтаксис: каждый из них как бы окружает себя своими особыми синтаксическими правилами» [Степанов 1997: 325]. При общении смыслы, существующие в редуцированном виде в сознании говорящего/слушающего, разворачиваются, причем степень развернутости зависит от контекста, требований коммуникативной ситуации и уровня «культурно-языковой компетенции коммуникантов». Для носителя лингвокультуры требуется большая степень смысловой развернутости и эксплицитности при использовании концептов, нежели для носителя.

Из-за разной концептуализации действительности и степени активности в освоении мира различается и форма вербализации народного опыта, которая выражается в агентивности/неагентивности, развернутости/ свернутости высказывания, расчлененности/нерасчлененности на компоненты и в разных субъектно-объектных отношениях. При переводе происходит перераспределение смыслов между словами (концентрация, трансформация, синтез и т.д.), например: I am thirsty – я хочу пить; I am sorry – мне жаль; I am hungry – я проголодался.

Английскому языку свойственны точность и краткость выражения мысли: «What's the message? What message do you want to get through?» Русский язык, в свою очередь, отличается богатой эмоциональной нюансировкой смыслов. Например, невозможно передать по-английски фразу: «А солдатика замучила тоска».

Расхождения в концептуализации действительности приводят к высказываниям с обеих сторон типа: «Не хочу работать с американцами/русскими – я их не понимаю!»

Человек, не знакомый с концептами иной культуры, не испытывает от этого неудобства. Изучение иноязычной лексики и грамматики необязательно сопровождается освоением новых концептов. Владение концептосферой иностранного языка знаменует собой качественно новый уровень культурно-языковой компетенции личности, начало существования в «параллельных мирах» двух лингвокультур. Требуется большой опыт для того, чтобы индивид, попавший в новое культурное окружение, мог «синхронизировать» свои концепты как ментальные образования с ментальными образованиями собеседника – носителя этой лингвокультуры.

Представляется, что в процессе МКК практически любой концепт, имеющийся в одной лингвокультуре и отсутствующий в другой, может с определенной степенью приближенности быть передан языковыми средствами. Для этой цели используются слова двух языков, передающие сходные концепты, а недостающие семантические признаки восполняются с помощью контекста.

Набор признаков зависит от сложности концепта и от степени его детализации со стороны интерпретатора. Так, например, при написании биографии Н.В. Гоголя В. Набоков посвятил описанию концепта «пошлость» 12 страниц из 155.

Концептосфера бикультурной или межкультурной личности существенно расширяется благодаря овладению двумя или более системами концептуализации действительности. Результатом является то, что рамки одного языка становятся тесными для такой личности. При отсутствии номинации концепта в одном языке индивид стремится заполнить эту лакуну средствами другого языка. Например, некоторые русские, владеющие английским языком, высказывают мнение о том, что слово challenge «очень удобное» и его не хватает в русском языке. Недаром в выступлениях российских политиков (в том числе президента) все чаще звучат высказывания типа «ответить на вызовы современности», а психологи и лингвисты делают попытки ввести в широкий обиход слово «приватность» как эквивалент «privacy».

Каждый новый язык – это знакомство с новой концептосферой, а отсюда – «когнитивная гибкость» и повышенная способность личности к аналитическому мышлению. Личность, владеющая двумя и более языками, обогащается духовно.

Вопросы для самоконтроля по теме 13.

Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: понятие концепта.

Концепты как единицы лингвокультурного сознания.

Ключевые концепты русской культуры

Подготовьте ответы на вопросы:

1. Что такое «концепт культуры» (по Ю.С.Степанову)?
2. Что такое «концептосфера» той или иной лингвокультуры?
3. Что такое «лакунарные концепты культуры»?

Задание для самостоятельной работы по теме 13.

Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: понятие концепта.

Концепты как единицы лингвокультурного сознания.

Ключевые концепты русской культуры

Подготовьте сообщение с презентацией на тему: «Один из ключевых концептов культуры (по выбору) в сопоставительном аспекте».

Литература по теме 13.

Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: понятие концепта.

Концепты как единицы лингвокультурного сознания.

Ключевые концепты русской культуры

Основная литература

Тема 14.

Прецедентные тексты в лингвокультурном сознании носителя языка.

Необходимость овладения прецедентными текстами культуры в процессе формирования вторичной языковой личности и в межкультурной коммуникации

Ключевые слова: прецедентный текст; референтная группа; антиреферентная группа.

Основная литература

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2007. – С. 217-237.

14.1. Определение понятия «прецедентный текст»

14.2. Способы существования и обращения прецедентных текстов в обществе

14.3. Прецедентные тексты в межкультурной коммуникации

Литература

Вопросы для самоконтроля

Задание для самостоятельной работы

14.1. Определение понятия «прецедентный текст»

Термин *прецедентный текст* был введен [Ю.Н. Карауловым](#) еще в 1987 г. и уточнен им же в 1999 г. Приведем здесь последнее определение:

Прецедентный текст в национальной культуре – при понимании термина «текст» в семиотическом смысле – это всякое крупное явление данной национальной культуры, которое известно абсолютному большинству ее носителей и отсылки, апеллирование к которому относительно часто осуществляются в речи носителей, которые являются понятными, легко дешифруются адресатом речи. В число прецедентных текстов входят литературные произведения, произведения других искусств (музыки, скульптуры, архитектуры), а также заметные события текущей общественно политической и культурной жизни [Караулов 1999: 155].

Человек живет в мире текстов. Тексты эти разнообразны по содержанию, по жанрам, тематическим сферам, объему, необходимости многократного обращения к ним или разового их использования, а также по большому числу иных своих характеристик. И даже употребив ограничительное прилагательное «прецедентные», мы, очевидно, еще не смогли очертить для читателя достаточно определенно тот круг текстов, о котором пойдет здесь речь. Ясно, что под это определение не подходит,

скажем, «заявление об отпуске», поскольку этот жанр, будучи повторяющимся по характеру, не обладает эмоциональной и познавательной значимостью. Трудно было бы отнести к прецедентному и текст газетного фельетона – не только в силу кратковременности его жизни, но и из-за недостаточной одновременной информированности членов общества (не говоря уже о предшественниках) о его содержании: несмотря на «массовость» средств массовой информации (ведь не все читают, пересказывают и комментируют фельетоны) и в окружении любой языковой личности всегда найдется значительное число лиц, не сталкивавшихся именно с этим текстом, что мешает ему стать прецедентным. Для ученого не должны считаться прецедентными тексты специальных работ – по тем же самым причинам. В то же время было бы неправомерным связывать прецедентные тексты только с художественной литературой. Во-первых, потому что они существуют до нее – в виде мифов, преданий, устно-поэтических произведений, а во-вторых, и в наше время в числе прецедентных, наряду с художественными, фигурируют и библейские тексты, и виды устной народной словесности (притча, анекдот, сказка и т.п.), и публицистические произведения историко-философского и политического звучания. Прецедентные тексты можно было бы назвать хрестоматийными в том смысле, что если даже они не входят в программу общеобразовательной школы, если даже их там не изучали, то все равно все говорящие, так или иначе, знают о них – прочитав ли их сами или хотя бы понаслышке. Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культура, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры. Так, для средневекового русского читателя в число прецедентных текстов входила «Александрия», а для образованной части общества начала XIX в. их неотъемлемую часть составляли, например, оды Ломоносова. Естественно, этого не скажешь о современном русском читателе, среднестатистической языковой личности наших дней: названные тексты утратили для нее свое значение, и в необходимых случаях она апеллирует совсем к другим прецедентам. Хрестоматийность и общеизвестность прецедентных текстов обуславливает и такое их свойство, как реинтерпретируемость: как правило, они перешагивают рамки словесного искусства, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств (драматическом спектакле, поэзии, опере, балете, живописи, скульптуре), становясь тем самым фактом культуры в широком смысле слова и получая интерпретацию у новых и новых поколений. Причем жанровые переходы здесь возможны самые неожиданные, ср., например, положенные на музыку записные книжки Ильфа. В самом общем случае можно было бы сказать, что состав прецедентных текстов формируется из произведений русской, советской и мировой классики, имея в виду, что сюда входят и фольклорные шедевры.

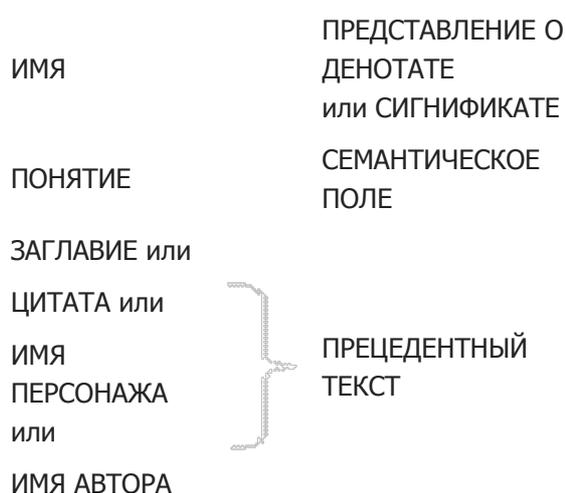
14.2. Способы существования и обращения прецедентных текстов в обществе

Способы существования и обращения прецедентных текстов в обществе довольно однообразны, и их всего, как кажется, три: это натуральный способ, при котором текст, так сказать, в первоизданном виде доходит до читателя или слушателя как прямой объект восприятия, понимания, переживания, рефлексии; другой способ можно, очевидно, назвать вторичным, и он предполагает либо трансформацию исходного текста в иной вид искусства, опять-таки предназначенный для непосредственного восприятия, либо вторичные размышления по поводу исходного текста, представленные в критических и литературоведческих (искусствоведческих) статьях, рецензиях, исследованиях; наконец, последний способ следует охарактеризовать как семиотический, когда обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные его фрагменты. В этом случае весь текст или значительный его фрагмент выступают как целостная единица обозначения. Если два первых способа существования доступны любому тексту, то семиотический присущ только прецедентному. Ср., с одной стороны, употребленную говорящим цитату:

*«В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь»»,*

а с другой стороны, предупреждение Щедрина о том, что в пореформенной России «ожили господа Молчалины», или, высказанную, например, в лекции или статье мысль о том, что Грибоедов беспощадно высмеял низкопоклонство, делячество, «умеренность и аккуратность» тех, «кто на всех глупцов похож». В каждом из приведенных случаев в речь (дискурс, текст) говорящего, в его аргументацию вводится текст «Горя от ума», и ввод этот осуществляется подобно замыканию наведенной в сознании слушающего рефлекторной дуги, дуги условного рефлекса: намек (цитата или имя) – и вот уже определенное явление социально-психологического характера или какое-то событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании слушателя, прецедент вступает в игру.

Из этих трех способов существования прецедентных текстов нас будет интересовать последний, ибо именно он имеет языковую природу – не социальную только, не психологическую главным образом, но лингвосомиотическую по преимуществу. Прием, с помощью которого прецедентный текст вводится в дискурс языковой личности тем самым актуализируется в интеллектуально-эмоциональном поле коммуникации, оказывается в чем-то сродни языковой номинации. И хотя эта аналогия внешняя и довольно поверхностная, она позволяет, тем не менее, прояснить некоторые особенности оперирования прецедентными текстами в процессе употребления языка. В самом деле, в дискурс языковой личности прецедентный текст редко вводится целиком, а всегда только в свернутом, сжатом виде – пересказом, фрагментом или же, как было показано выше, намеком – семиотически. Исключения составляют малые виды словесности – притчи, анекдоты, побасенки, сказки (естественно, в случае их «прецедентности»), которые в качестве вставных новелл могут фигурировать в дискурсе без сокращений. Для пояснения аналогии между номинацией и способом ввода прецедентного текста проведем следующие параллели:

Слева в этой колонке указано языковое средство, справа – потенциально актуализируемое в коммуникативном пространстве (т.е. и для говорящего и для слушающего) этим средством интеллектуально-лингвистическое целое. Таким образом, при восприятии имени (слова) актуализируется представление о соответствующем явлении, при восприятии понятия актуализируется его семантическое поле, а при восприятии названия произведения, цитаты из него, имени персонажа или имени автора актуализируется так или иначе весь прецедентный текст, т.е. приводится в состояние готовности (в меру знания его соответствующей личностью) для использования в дискурсе по разным своим параметрам – либо со стороны поставленных в нем проблем, либо со стороны своих эстетических (содержательных или формальных) характеристик, либо как источник определенных эмоциональных переживаний, либо как источник сходных ситуаций, либо как образец для подражания или антиобразец и т.п.

Перечисленные здесь (а также в схеме) четыре способа ввода прецедентных текстов представляют собой стереотипы (и исчерпывают их), находящиеся на верхней ступеньке иерархии среди тех стереотипов, которыми оперирует всякая языковая личность в процессе употребления языка. В их числе а) типовые структурные схемы предложений, то, что называют «паттерны»; б) генерализованные высказывания, отражающие основные узлы и особенности устройства индивидуальной и соответствующей социальной «картины мира», и, наконец, в) указанные способы ввода прецедентных текстов, играющие

роль своеобразных «ярлыков», символов, намеков, если угодно – знаков, тогда как сами тексты при этом в зависимости от особенностей их использования могут выполнять целый набор разнообразных функций – от сугубо номинативных, фактически приравнивающих текст к слову, от оснащения с их помощью аргументации персонажей и использования их как полигона для развития мысли героя, вплоть до повторения и метафоризации в их столкновении и противопоставлении основного конфликта произведения, в тексте которого они используются (т.е. как прецедент в буквальном смысле слова).

Прецедентные тексты, представляя собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки – стереотипы, образцы, мерки для сопоставления, используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из «фактологического» контекста мысли в «ментальный», а возможно, и обратно.

Ясно, что при такой распределенности само отсутствие в дискурсе той или иной личности обращения к прецедентным текстам оказывается значимым.

От обычной номинации средствами апеллятивной лексики приведенные здесь случаи, как и последующие примеры, отличает обязательная эмоциональная нагруженность такого рода отсылок, а значит, наличие в этой номинации дополнительного экспрессивного оттенка. Что касается качественной характеристики этого оттенка, то она может быть весьма разнообразной, однако в нем всегда можно констатировать присутствие элемента преувеличения, гиперболизма, сдобренного часто большей или меньшей долей иронии. Этот экспрессивный остаток при апелляции к прецедентному тексту рассмотренными здесь способами станет вполне очевидным, если мы мысленно произведем замены и попытаемся подставить в соответствующих фразах на место названия произведения, на место имени персонажа или автора передающие тот же смысл словосочетания и конструкции, составленные из нейтральной лексики.

Завершая рассмотрение первого типа использования прецедентных текстов, отметим еще три частных случая, которые характеризуются всеми указанными выше особенностями (а именно, частичная номинативная функция, акцентирование только одного свойства, экспрессивная насыщенность), но при этом позволяют решать и некоторые дополнительные эстетические задачи, выступая в роли своеобразных «усилительных» средств в раскрытии художественного образа. В первом из этих случаев названия произведений, заключающих в себе величайшие духовные ценности мировой культуры, как бы присваиваются языковой личностью, становятся принадлежностью духовного мира соответствующего персонажа, обозначают составляющие его духовного богатства, представляя собой реинтерпретированный и тем самым – вдвойне прецедентный текст и делая соответствующее лицо причастным к соавторству.

Другой случай можно назвать «испытанием на прецедентное», когда свойственная данному типу гипербола доводится до абсурда, и сам в высшей степени прецедентный текст становится той лакмусовой бумажкой, которая позволяет выявить состояние и уровень духовной организации той или иной языковой личности.

Собственно два эти способа – имя собственное (персонажа, автора) и заголовок и составляют ядро формальных средств для первого – номинативно-семиотического типа обращения к прецедентным текстам. Оба средства, наряду с отмеченными выше у каждого случая их употребления специфическими свойствами, обладают одним общим качеством – заметной тенденцией к метафоричности, т.е. в большей или меньшей степени сближаются с обычными образными средствами – тропами и позволяют достичь того же художественного эффекта. Степень метафоричности падает, когда имя употребляется вместе с заглавием, и возрастает при самостоятельном употреблении того или другого. Парадоксальность ситуации заключается в том, что и имя, апеллирующее к прецедентному тексту, и его название являются «общим местом», именно в силу прецедентности данного текста, но, являясь общим местом, выполняют тем не менее функцию оригинального тропа в дискурсе языковой личности, а значит, примыкают к системе образных средств, становятся приемом создания художественного образа. Истоки метафоричности у того и другого способа одни и те же: и имя, и заглавие как бы заряжены (я бы сказал прегнанты) содержанием текста, к которому они отсылают, вмещают в себя в свернутом виде богатые возможности для раскрытия, развертывания широкого круга познавательно – и эмоционально-оценочных аспектов, содержащихся в

прецедентном тексте, служат показателем готовности языковой личности – говорящего (автора) и слушающего (читателя) – в любой момент осуществить такое развертывание, материализовать, объективировать метафору. Однако пути к полному превращению в метафору у них различны.

Охарактеризованная таким образом роль имен собственных и названий произведений как способов введения в дискурс прецедентных текстов могла бы создать впечатление о функциональном равноправии указанных средств. Однако такой вывод был бы поспешным. Прежде всего обращает на себя внимание количественное несоответствие одного другому: имен оказывается в три-четыре раза больше, чем заглавий, причем это нельзя объяснить перечислением нескольких действующих лиц из одного произведения – такого нет. Дело в том, что имена собственные, помимо рассмотренных выше функций, решают важнейшую и принципиальную задачу, которая стоит перед всяким произведением искусства – помогают читателю включить мысли о рассказываемых фактах в контекст мыслей о мыслях.

Итак, переходим к рассмотрению второго, более сложного типа использования прецедентных текстов в дискурсе языковой личности, способа, который в противоположность предыдущему – номинативному и образно-семиотическому – может быть назван референтным.

Такое название происходит от чисто внешнего как будто эффекта, связанного с количественным увеличением числа лиц, к которым апеллирует языковая личность, расширяя тем самым рамки своей референтной группы. В социологии **референтной** называется **группа, с которой индивид чувствует себя связанным наиболее тесно и в которой он черпает нормы, ценности и установки своего поведения.**

Включение в референтную (антиреферентную) группу исторического лица, великого деятеля культуры прошлого, широко известного автора прецедентных текстов в общем понятно и оправдано. Такое расширение круга лиц, вовлекаемых автором дискурса (повествователем) в обсуждение возникающих как повседневных жизненных ситуаций, так и общезначимых вопросов существенно обогащает идейно-проблемное содержание произведения, наращивает его духовный заряд, увеличивает воздействующую эстетическую и этическую мощь. Тот же эффект дает и введение персонажа художественного произведения в состав референтной группы той или иной языковой личности. Разница только в том, что имя персонажа прецедентного текста обладает потенциальной метафоричностью в большей степени, чем имя конкретного исторического лица. Так, имя Дон Жуана легче могло бы использоваться в переносном смысле, чем имя Ларошфуко. Однако условием вхождения в референтную группу должно быть полное отсутствие метафоричности у имени собственного, что способствует усилению иллюзии подлинности, реальности соответствующего лица.

Есть еще один способ введения прецедентных текстов в дискурс языковой личности, способ, которого пока мы не касались, – это цитирование. Функции этого способа оказываются двойными. В самом деле, один результат возникает в случае, если в речь включается некое высказывание (приписываемое или не приписываемое определенному автору), носящее характер формулы, правила (например, «Понять, сказал Рафаэль, значит стать равным»), и другой эффект наблюдается, когда цитата как бы естественным образом продолжает и развивает течение оригинального дискурса, но главная ее роль состоит в облегчении способа аргументации говорящего и в подкреплении выраженной в ней мысли ссылкой на авторитет, т.е. опять-таки в апелляции к члену референтной (антиреферентной) группы. Их роль совсем другая: они служат своего рода «указателями», обозначают специальное «русло», особого рода «канал», по которому развиваемая в *дискурсе* языковой личности мысль как бы вливается в широкий «ментальный контекст» духовного арсенала произведения, читателя, эпохи. По своему статусу в структуре языковой личности и по особенностям их использования такого рода цитаты сближаются со стереотипами иного уровня – *генерализованными высказываниями*, аккумулирующими в виде формул, правил, афоризмов, предложений сумму знаний о мире и упорядоченными в индивидуальном тезаурусе.

Особую разновидность этого типа составляет скрытое цитирование, в том числе трансформированные цитаты, т.е. измененные говорящим, данной языковой личностью применительно к случаю, но, в твердой убежденности, что они остались узнаваемы, восстанавливаемы. В подобном употреблении ощущается отчетливая аналогия с пословично-поговорочными выражениями, обладающими

одновременно и генерализующими и ситуативно-оценочным возможностями, а также заметной экспрессивной окраской.

Что касается цитирования второго типа, то оно, как правило, лишено экспрессивного ореола, его роль более определена и состоит в усилении аргументации в дискурсе языковой личности и расширении референтной (антиреферентной) группы. Таких цитат тоже достаточно много, и здесь мы встретим имена Толстого, Монтескье, Стендаля, Монтеня, Руссо.

Таким образом, при восприятии имени (слова) актуализируется представление о соответствующем явлении, при восприятии понятия актуализируется его семантическое поле, а при восприятии названия произведения, цитаты из него, имени персонажа или имени автора актуализируется так или иначе весь прецедентный текст, т.е. приводится в состояние готовности (в меру знания его соответствующей личностью) для использования в дискурсе по разным своим параметрам – либо со стороны поставленных в нем проблем, либо со стороны своих эстетических (содержательных или формальных) характеристик, либо как источник определенных эмоциональных переживаний, либо как источник сходных ситуаций, либо как образец для подражания или антиобразец т.п.

Если априорно, до проведения конкретного анализа можно было утверждать, что да, литература, особенно в лице прецедентных текстов, способствует формированию определенного образа мыслей, помогает установить нравственные позиции личности, укрепляет ее ценностные ориентации, но при этом роль ее в структуре личности, в характеристике ее речепотребления в известной мере декоративна, орнаментальна, существо же и основу духовно-ценностных параметров личности образует совокупность ее отношений и взаимодействий в реальном мире, проекция этих параметров на жизненную позицию и поведение личности, т.е. ее социально-поведенческий контекст. Однако результаты анализа начисто отвергают представление о прецедентных текстах как некоем декоруме в организации и функционировании языковой личности. Как показывает проделанный опыт, прецедентные для данной языковой личности тексты сплетаются в довольно плотную сеть, «пропустив» через которую ее дискурс (т.е. некоторый, достаточно представительный массив порожденных самою ею текстов) мы получаем «в остатке» те проблемы, которые данная личность считает жизненно важными, самыми главными для себя как представителя человечества и над разрешением которых она бьется; мы получаем набор черт ее индивидуального характера, отраженный с помощью тех же прецедентных текстов; мы получаем, наконец, систему и чисто прагматических критериев и оценок, с которыми языковая личность подходит к жизненным ситуациям и коллизиям, а соответственно, и совокупность мотивов, определяющих ее позицию и образ действий. Если же мы распространим приемы анализа прецедентных текстов на художественное произведение в целом, то помимо перечисленного мы извлечем представление о конфликте в данной вещи, о приемах построения художественных образов и особенностях ее композиции, о путях ее воздействия на читателя. Иными словами, анализ прецедентных текстов может играть не только вспомогательную, побочную роль, но использоваться в качестве самостоятельного средства в изучении и характеристике персонажа как отдельной языковой личности и художественных особенностей всего произведения в целом.

Изучение языковой личности – в соответствии с ее трехступенчатой структурой, состоящей из структурно-семантического (на нем-то и застывают исследования типа «язык писателя»), когнитивного и прагматического уровней, – требует обязательного рассмотрения ее языковых характеристик на фоне социально-поведенческого контекста, обязательного включения языкового поведения личности в ее социально-поведенческий контекст. Так, в данном случае мы не имеем возможности включить в такой контекст автора – Руслана Киреева, но вполне можем так поступить по отношению к его протагонисту Виктору Карманову. Однако было бы неправомерно поставить полноценный знак равенства между языковой личностью и персонажем художественного произведения: последний дефектен не только в языковом, но и в поведенческом отношении, и читатель – как при построении графика по данным эксперимента – всегда «достаивает» траекторию поведения, образа действий героя по заданным автором «точкам» – критическим ситуациям, характерным поступкам, отдельным сценам. Таким образом, персонаж, в силу условности словесного искусства, обладает неполной определенностью (или принципиальной схематичностью) двух родов – языковой и поведенческой. Но того и другого рода даже неполные сведения

о нем как о личности взаимосогласованы в художественном произведении, и это дает исследователю основания соотносить эти два ряда (т.е. дискурс и образ действий) друг с другом, подходя к персонажу как к модели языковой личности.

Практически языковая личность – это такой объект, который может быть исследован только на моделях. При попытке прямого изучения реальных лиц, конкретных индивидуальностей как языковых личностей мы сталкиваемся с двумя экстремальными случаями: либо мы обладаем исчерпывающей протокольной фиксацией произведенных этой личностью текстов, имея дело с творчеством писателя, например, либо, наблюдая за поведением конкретного человека, мы можем располагать достаточно полной картиной его действий, его поведения, его поступков на протяжении определенного отрезка времени, но лишены при этом необходимых данных о его речепотреблении. (Сравните с этим отсутствие в нашем языкознании удовлетворительного описания хотя бы одного идиолекта реального носителя языка). Соединить же эти два контекста при наблюдении за реальными объектами не удастся, а каждый из них в отдельности оказывается необходимым, но недостаточным для обобщения и типизации, для воссоздания структуры и закономерностей функционирования языковой личности. Методологически здесь прослеживается известная аналогия с традиционной задачей описания различных уровней и аспектов грамматического строя: для выявления устройства фонетического уровня достаточной оказывается 50-часовая запись звучащей речи, для описания морфологических правил и закономерностей объем исследуемых текстов должен быть существенно увеличен, а изучение синтаксической организации языка требует нового значительного расширения материала; при обращении его к семантике исследователю приходится оперировать материалом, покрывающим практически уже весь словарь и грамматику. Когда же объектом изучения становится языковая личность, то в действие вовлекается, помимо структурных характеристик языка, и его прагматический аспект, а это требует параллельного и взаимосвязанного списания речепотребления и условий его реализации, что поддается наблюдению на достаточно большом отрезке пространства и времени, охватывающем целый период жизни индивидуальности. Ясно, что такие массивы информации для их эффективной обработки могут быть только смоделированы.

14.3. Прецедентные тексты в межкультурной коммуникации

Прецедентные тексты составляют особый пласт национального языкового сознания. Отсутствие его у инолингвов или носителей инокультуры является серьезным препятствием для понимания речи.

Следовательно, формирование мультикультурной языковой личности предполагает включения в процесс овладения иностранным языком и процесс аккультурации прецедентных текстов культуры.

Такое «внедрение» данных культурных знаков в языковое сознание может проходить разными путями. Существенную помощь в этом процессе могли бы оказать специальные словари прецедентных текстов. Словарными статьями словарей такого рода могли бы стать способы введения прецедентных текстов в дискурс языковой личности, отмеченные выше:

- имя персонажа, имя автора;
- название произведения;
- цитата и;
- реалии, вещи, элементы антуража описываемых событий (*разбитое корыто; волшебная палочка; ветряные мельницы и т.п.*).

Задание для самостоятельной работы

Подготовьте сообщение с презентацией на тему: «Прецедентные тексты русской культуры и культуры страны изучаемого языка».

Вопросы для самоконтроля по теме 14.

Прецедентные тексты в лингвокультурном сознании носителя языка. Необходимость овладения прецедентными текстами культуры в процессе формирования вторичной языковой личности и в межкультурной коммуникации

Подготовьте ответы на вопросы:

1. Что такое «прецедентный текст»?
2. Каковы основные способы существования и обращения прецедентных текстов в обществе?

Задание для самостоятельной работы по теме 14.

Прецедентные тексты в лингвокультурном сознании носителя языка. Необходимость овладения прецедентными текстами культуры в процессе формирования вторичной языковой личности и в межкультурной коммуникации

Подготовьте сообщение с презентацией на тему: «Прецедентные тексты русской культуры и культуры страны изучаемого языка».

Литература по теме 14.

Прецедентные тексты в лингвокультурном сознании носителя языка. Необходимость овладения прецедентными текстами культуры в процессе формирования вторичной языковой личности и в межкультурной коммуникации

Основная литература

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2007. – С. 217-237.

Перечень примерных заданий для самостоятельной работы

1-я рубежная аттестация (образцы компьютерных тестов)

Задание: выберите правильный ответ.

1. Центральным системообразующим звеном коммуникации является:

- язык

- языковая личность
- информация, закодированная в невербальной форме

2. Языковая личность формируется:

- на основе индивидуальных особенностей конкретного коммуниканта
- на основе коллективного опыта и коллективной памяти
- как единство коллективного и индивидуального

3. В структуре языковой личности (Ю.Н.Караулов) выделяются:

- два уровня
- семь уровней
- три уровня

4. Вербально-семантический уровень языковой личности включает в себя:

- языковую картину мира
- мотивы, цели общения
- модели словосочетаний и предложений

5. Общерусский языковой тип – это:

- все русскоговорящие люди
- картина мира носителя русского языка
- инвариантная часть в структуре языковой личности на вербально- семантическом уровне

2-ая рубежная аттестация (компьютерное тестирование по тому же образцу)

ПЕРЕЧЕНЬ ТЕМ РЕФЕРАТОВ И КУРСОВЫХ РАБОТ

1. Языковая личность среднего американца как объект изучения в МКК.
2. Литературный персонаж как языковая личность (на примере одного литературного произведения).
3. Реконструкция национальной языковой личности на материале ассоциативного словаря (любого языка).
4. Лингводидактическая готовностная модель языковой личности: готовность учитывать в общении "фактор адресата", его пресуппозицию, т.е. степень осведомленности (в аспекте МКК)
5. Лингводидактическая готовностная модель языковой личности: готовность управлять общением. национальных ЯКМ).
6. Традиционные русские и английские ценности.
7. Современные ценности русских и китайцев (испанцев, французов и т.п.)
8. Ключевые концепты русской культуры в сопоставительном аспекте с культурой изучаемого языка.
9. Концепт «совесть» в традиционной и современной русской культуре.
10. Концепт «дом» в разных лингвокультурах (в сопоставительном аспекте).
11. Концепт «семья» в разных лингвокультурах (в сопоставительном аспекте).
12. Концепт «работа» в разных лингвокультурах (в сопоставительном аспекте).
13. Прецедентные тексты в русской публицистике.

14. Прецедентные тексты русской и английской(немецкой, французской, испанской и .т.п.) лингвокультур.

ТЕМА КОЛЛОКВИУМА

Что можно сказать о взаимодействии понятий «языковая личность» и «межкультурная коммуникация»?

Темы курсовых работ

1. Языковая личность как системообразующее звено коммуникативного процесса.
2. Типичные национальные черты, определяющие характер коммуникативной деятельности языковой личности.
3. Культурно-языковая личность как единство коллективного и индивидуального.
4. Способы реконструкции языковой личности.
5. Литературный персонаж как языковая личность.
6. «Русский ассоциативный словарь» - путь к ментальности россиян.
7. Общерусский языковой тип: пути реконструкции.
8. Пространство и время в национальных языковых картинах мира русских и англичан(китайцев, американцев) и пути преодоления конфликтных ситуаций, обусловленных различием ЯКМ в межкультурной коммуникации.
9. Источники формирования стереотипов.
10. Автостереотипы русских и американцев (сопоставительный анализ).
11. Автостереотипы русских и испанцев(сопоставительный анализ).
12. Гетеростереотипы русских и источники их формирования.
13. Специфика коммуникативно-деятельностных потребностей национально-языковой личности (на примере русской языковой личности).
14. Ключевые концепты русской и американской культуры (сопоставительный анализ 2-3 ключевых концептов).
15. Прецедентные тексты русской культуры при формировании вторичной языковой личности.
16. Лакунарные концепты при сопоставительном анализе русской и китайской лингвокультур.
17. Условия успешной межкультурной коммуникации при различии концептосфер представителей двух лингвокультур (на конкретном примере).
18. Параметры формирования межкультурной языковой личности.
19. Национальный характер: миф или реальность?
20. Сказочные персонажи как прецедентные тексты.
21. Концепт «семья» в западных и восточных культурах.
22. Ценностные доминанты и отношение к дому в разных лингвокультурах (сопоставительный анализ на примере 2-3 лингвокультур).

ГЛОССАРИЙ

Аккультурация - процесс освоения «чужой» культуры, вхождение в «чужую» культуру; процесс присвоения инокультурным субъектом новой для себя системы релевантных сведений; вторичная социализация.

Вербально-грамматический уровень в структуре языковой личности - уровень, ответственный за семантику слов и правила их комбинирования в речевой цепи, т.е. уровень лексической и грамматической правильности. Его единицами являются слова, словосочетания и предложения.

Гипертекст - или нелинейный текст, - такая организация записи отдельных отрывков, фрагментов множества текстов (контекстов), которая позволяет комбинировать их в том или ином порядке, основываясь на задаваемых для нее переменных связях между ними, с целью получения каждый раз разных линейных последовательностей (текстов).

Дискурс - в современной лингвистике с позиций коммуникативно-деятельностного подхода рассматривается как процесс социально обусловленного речевого взаимодействия, «продуктом» которого оказывается не который текст. Анализ дискурса проводится с учетом экстралингвистических (прагматических, социокультурных, психологических и др.) факторов, оказывающих влияние на его порождение / восприятие. Дискурс описывается в терминах социально значимых действий и стратегий, выполняемых участниками общения в рамках определенных, релевантных для данного языкового сообщества и культуры коммуникативных ситуаций.

Инкультурация - процесс «освоения»/присвоения «своей» культуры, вхождения в «свою» культуру; процесс адаптации к принятым в определенной культуре социально значимым нормам, традициям, обычаям, конвенциям; процесс первичной социализации.

Когнитивный уровень в структуре языковой личности – уровень знаний о мире носителя языка, уровень наивной языковой картины мира в его сознании и в его бессознательном, закрепленный в языковых структурах (идиомах, генерализованных высказываниях, пословицах и поговорках, крылатых словах, фреймах типовых национально-культурных ситуаций и т.п.), которые помимо языковой семантики несут более широкую информацию об устройстве мира.

Коммуникация - (от лат. «communico» - «делаю общим», «связываю», «общаюсь») обмен мыслями, сообщениями, информацией с помощью различного рода вербальных или невербальных сигналов.

Концепт - единица концептуальной картины мира - «разносубстратные единицы оперативного сознания» (представления, образы, понятия и т.д.) (см.: Кубрякова, 1988, 143); единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (Кубрякова, 1996, 90).

Кросскультурная (межкультурная) коммуникация (cross-cultural communication) - общение между индивидами, представляющими разные культуры (Кросскультурные исследования - изучение межкультурного общения, предполагающее сопоставительный анализ соответствующих культур в целях выявления в них различий и сходств в избранной области описания).

Культура - число определений понятия «культура» превышает более двухсот пятидесяти. О сущности культуры и перспективах ее развития высказываются противоречивые точки зрения. В определении культуры подчеркивается то, что это специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленной в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе. Понятие культуры связывается с гуманистическими идеалами народа, с развитием цивилизации, с физическим, нравственным, эстетическим и духовным развитием человека, В России с конца XVII вв. и до середины XIX вв. понятие «культура» почти не встречается. Оно передавалось словами «гуманность», «образованность» «просвещение» », «воспитанность», «разумность». В «Карманном словаре иностранных слов» Н. Кириллова (1864) слово впервые расшифровывается как целенаправленная деятельность для пробуждения дремлющих в предмете сил и как известная степень развития этой деятельности. Затем в культуре стали подчеркивать специфическую систему ценностей и идей, обусловленную реальной историей народа и его духовно-психологическим складом. Насущная необходимость диалектического рассмотрения понятия ведет к различным тенденциям, с одной стороны, - попыткам определить набор «культурных инвариантов» народов (Сэпир-Уорф) , а с другой стороны, - желанию представить содержание культуры как универсальную сущность. Фундаментальное основание (Э. Гуссерль, К.Г. Юнг) . Основные элементы культуры - язык; знания, убеждения; ценности; идеология.

Культурные нормы – правила, регулирующие человеческое поведение (*традиции, обычаи, обряды, законы, нравы*).

Культурные ценности – выполняют самые различные функции в механизмах жизни человека: координирующую (между человеком и миром природы), стимулирующую, регулирующую и др. Ценности – абсолютные (вечные), общественные, личностные, биологического выживании, Языковая информация о системе ценностей свидетельствует об особенностях мировосприятия народа.

Культурный шок - особое психологическое состояние, неизбежно развивающееся в процессе адаптации индивида к новому культурному окружению (см. Аккультурация). В развитии этого состояния выделяется несколько последовательных фаз, связанных не только с отрицательными, но и с положительными эмоциональными и физическими ощущениями, которые испытывает человек в другой культуре. Причины, вызывающие культурный шок, накапливаются постепенно и незаметно, их дифференцировать и проанализировать индивид, как правило, не может. После долгого пребывания вне родной культуры человек, адаптировавшийся к другой культуре, может испытывать состояние обратного культурного шока при возвращении на родину. Обратный культурный шок также имеет свои характерные особенности и стадии развития.

Культуроцентризм (этноцентризм) - чувство превосходства собственной культуры (этнической группы) над другими.

Межкультурная коммуникация - непосредственный или опосредованный обмен информацией между представителями разных культур.

Прагматический(мотивационный) уровень в структуре языковой личности - уровень, ответственный за понимание позиции, места человека (говорящего) в мире; определяемый мотивами, интересами, оценками и поведенческими установками личности.

Прецедентный текст в национальной культуре - при понимании термина текст в семиотическом смысле - под прецедентным текстом подразумевается всякое крупное явление данной национальной культуры, которое известно абсолютному большинству ее носителей и отсылки, апеллирование к которому относительно часто осуществляются в речи носителей, которые являются понятными, легко дешифруются адресатом речи. В число прецедентных текстов входят литературные произведения, произведения других искусств (музыки, скульптуры, архитектуры), а также заметные события текущей общественно-политической и культурной жизни р(е. Места памяти).

Стереотипы - упрощенные представления о людях (например, об их поведении, чертах характера, внешности), событиях, фактах и отношениях между ними и Т.д., служащие когнитивными образцами для категоризации мира и помогающие человеку адаптироваться в мире и обществе. В стереотипах обобщается социальный опыт носителей определенной языковой культуры в отношении не только других культур, но и своей собственной культуры. Стереотипы о своей культуре называют автостереотипами; стереотипы о других культурах - гетеростереотипами. Стереотипы, сложившиеся в результате личного контакта индивида с иной культурой, определяют как прямые, а те, что восприняты от других людей и из других источников, - как переносные. Стереотипы также могут быть оценочными (положительными и отрицательными) или нейтральными.

Структура языковой личности складывается из трёх уровней:

1. вербально-семантического,
2. когнитивного, тезаурусного (картина мира) и
3. мотивационно-прагматического.

Ценностные ориентации - «1) идеологические, политические, моральные. Эстетические и другие основания оценок субъектом окружающей действительности и ориентации в ней; 2) способ дифференциации объектов индивидом по их значимости» (Краткий психологический словарь, 1985, 389).

Языковая картина мира - совокупность сведений о мире, активизируемых с помощью различных механизмов вербализации, а также хранимых и передаваемых от поколения к поколению с поомощью вербального кода; часть «картины мира вообще, которая опосредована языковыми знаками или даже - шире - знанием языка, его единиц и правил и, главное, содержанием его Форм» (Кубрякова, 1998, 144).

Языковая личность - этим термином обозначаются два а феномена: 1) любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (см. **Языковая картина мира**) и для достижения определенных целей в этом мире; 2) комплексный способ описания языковой способности индивида, соединяющий системное представление языка с функциональным анализом текстов. (Ср. также **три уровня в структуре языковой личности – Вербально-грамматический, Когнитивный и Прагматический**).

Список обязательной и дополнительной литературы по темам

Тема 1

Понятие «языковая личность» - центральное понятие антропоцентрической научной парадигмы в современной лингвистике.

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.3-34.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.,2004.- С. 7-84.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании// Филол.науки. 2001. № 1. – С.64-72.

Дополнительная литература

1. Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты// Язык-система.Язык-текст.Язык-способность.: Сб.ст./ Ин-т рус.яз. РАН. М.,1995. – С.260-276.
2. Сиротинина О.Б. Социолингвистический фактор в становлении языковой личности // и // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов: Перемена, 1998. С. 3-9.

Тема 2

Определение языковой личности. Структура языковой личности.

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.3-34.

Тема 3

Национальная языковая личность как когнитивно- коммуникативный инвариант, комплексный прототип, реализуемый в реальном общении некоторым множеством вариантов.

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.3-34.
2. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 99-119.
3. Гак В. Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 54-68.

Дополнительная литература

1. ГришаеваЛ. И., ЦуриковаЛ. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. Пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2003. – С.198-222.

Тема 4

Индивидуальная и коллективная языковая личность: формирование и функционирование.

Обязательная литература

1. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 99-119.
2. ГришаеваЛ. И., ЦуриковаЛ. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. Пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2003. – С.198-222.

Тема 5

Способы реконструкции языковой личности; понятие языковой способности и языкового сознания. Ассоциативный эксперимент как один из способов реконструкции языкового сознания и языковой способности усредненной языковой личности.

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.3-34.
2. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. — М.: Институт русского языка РАН, 1999. – С. 5-20
3. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. В / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: 000 «Издательство Астрель»: 000«Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

Дополнительная литература

1. Уфимцева Н.В. Ассоциативный тезаурус русского языка и русское сознание // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. — Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 2000. – Т. 1. – С. 70-77. 2. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошке – М.; Харьков : РА-Каравелла, 2001.

Тема 6

Понятие ассоциативно-вербальной сети. Отражение структуры языковой личности в ассоциативно-вербальной сети.

Обязательная литература

1. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. — М.: Институт русского языка РАН, 1999. – С. 5-20
2. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. В / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: 000 «Издательство Астрель»: 000«Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

Тема 7

Языковая личность в межкультурной коммуникации: определение языковой личности как участника МКК. Характер участия языковой личности в МКК. Основные аспекты изучения языковой личности в рамках межкультурной коммуникации.

Обязательная литература

1. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 99-119.
2. ГришаеваЛ. И., ЦуриковаЛ. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. Пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2003. – С.198-222.

Дополнительная литература

1. Воробьев В.В., Салхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур: Учебное пособие / Элективный курс для 10—11 классов школ гуманитарного профиля. М.: Ладомир, 2006. – С.38-49.

Тема 8

Вербально-семантический уровень структуры языковой личности: языковая компетенция. Уровни владения языком (Г.И.Богин).

Обязательная литература

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. АДД. Л., 1984. – 36 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.48-68.

Тема 9

Вербально-семантический уровень структуры языковой личности: понятие «психоглоссы» и «общерусского языкового типа».

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.3-34.

Тема 10.

Лингво-когнитивный уровень структуры языковой личности: языковая картина мира. Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и акультурации.

Обязательная литература

1. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.:МГУ, 1999. – 75-133.
3. ГришаеваЛ. И., ЦуриковаЛ. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. Пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2003. – С.71-103.
4. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских. – М.: УРСС, 2007. – С.3-12.
5. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 119-139.
6. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура: Мат-лы 2-й меадунар. Конф. Ч. 3. Тамбов: Изд-во Тамб. Ун-та, 1999. С. 6—13.

Дополнительная литература

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. – М.: Раритет, 1997. – 680 с.

Тема 11.

Сопоставительное изучение языковых картин мира разных лингвокультур. Диссонанс национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации. Приведение в соответствие языковых картин мира коммуникантов как условие успешного межкультурного общения.

Обязательная литература

1. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.:МГУ, 1999. – 75-133.
2. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 99-119.
3. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. Пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2003. – С.198-222.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. – 3-е изд. – Воронеж, 2003.

Дополнительная литература

1. Рот Ю., Коптельцева Г. Встречи на грани культур. – Калуга: Полиграф-Информ, 2001.-С. 11-24.

Тема 12

Когнитивные модели и структуры языкового сознания: фреймы, гештальты, сценарии и др. Культурно обусловленные когнитивные структуры.

Обязательная литература

1. Минский М. 4. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
2. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Когнитивные аспекты языка. – М. 1988. – С.52-92.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.3-34.
4. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 99-119.

Тема 13

Языковая личность и национальный характер: соотношение понятий. Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения; источники формирования стереотипов. Положительная и отрицательная оценка стереотипов в межкультурной коммуникации.

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.35-48.
2. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 99-119.
3. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. Пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2003. – С.198-222.

Дополнительная литература

1. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. –М.: Педагогика-Пресс, 1996.-Глава 2.

Тема 14.

Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: Русская языковая личность как прототип национальной идентичности на основе социально закрепленных норм и оценок.

Обязательная литература

1. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 145-212.
2. ГришаеваЛ. И., ЦуриковаЛ. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. Пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2003. – С.117-140.

3. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских. – М.: УРСС, 2007. – С.108-115.

Дополнительная литература

1. Любименко А.М. Этикет в Центральной Азии. Волгоград, 2000.- 82 с.

Тема 15

Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: коммуникативные потребности личности (контактоустанавливающая; информационная; воздействующая) и их национальная маркированность. Учет коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по коммуникации в межнациональных контактах.

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.211-216.
2. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007.- С. 326-340.
3. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. –М.: Педагогика-Пресс, 1996.-Глава 2.

Тема 16

Прецедентные тексты в лингвокультурном сознании носителя языка. Необходимость овладения прецедентными текстами культуры в процессе формирования вторичной языковой личности.

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.3-34.
2. Гудков Д.Б. Прецедентные имена и парадигма социального поведения // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. – М., 1996. – С. 58-69.
3. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. — М.: Гнозис, 2002.
4. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

Дополнительная литература

1. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003.

Тема 17

Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: понятие концепта. Концепты как единицы лингвокультурного сознания. Ключевые концепты русской культуры (константы).

Обязательная литература

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2001.- С.43-85.
2. Вежбицкая Анна Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. - 272 с.

3. Вежбницкая Аяна Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. Адпиелева. – М., 2001. – 288 С.
4. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. – М., 2004. – 204 с.
5. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны//Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 1998. – С. 55-67.

Дополнительная литература

1. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2001. – с. 36-44.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.- С.87-184.
3. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.

Тема 18.

Концептосфера русской языковой личности. Ассоциативный словарь как источник реконструкции концептосферы русской языковой личности. Лакунарные концепты. Несовпадение концептов разных лингвокультур как препятствие для успешных контактов в межкультурной коммуникации.

Обязательная литература

1. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Серия литературы и языка. — Т. 52. — № 1. — 1993. — С. 3-9 .
2. Слышкин Г. Г. Текстовая концептосфера и ее единицы // Языковая личность: аспекты лингвистики лингводидактики. – Волгоград. 1999. – С. 18-26.
3. Савельева Л.В. К проблеме адекватности перевода русских этнокультурных концептов // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика – Вып. VI. – СПб.: Сударыня, 2003. – С. 44-51.
4. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007.- С. 99-119.
5. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007.- С. 106-119.

Дополнительная литература

1. Вежбницкая Анна Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. - 272 с.
2. Вежбницкая Анна Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. Адпиелева. – М., 2001. – 288 С.
3. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000.

КОЛЛЕКЦИЯ ССЫЛОК НА ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

<http://tsu.tmb.ru/new/>

<http://www.nspu.net/>

<http://vss.nlr.ru/>

<http://www.tspu.ru/>

<http://lincon.narod.ru/>

<http://destructionen.narod.ru/>

ОПИСАНИЕ **учебно-методического комплекса (УМК)** **«РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ИНТЕГРАТИВНЫЙ АСПЕКТ В** **КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ»**

- Общее описание курса УМК
- Структура курса
- Описание системы контроля знаний
- Программа курса УМК
- Перечень примерных контрольных вопросов и заданий для самостоятельной работы
- Примерный перечень вопросов для оценки качества освоения дисциплины
- Список обязательной и дополнительной литературы по темам
- Темы курсовых работ
- Учебный тематический план курса

Кафедра: общего и русского языкознания

Направление: Филология, магистерская специализация «Языки и культура».

Число зачетных единиц (кредитов): 2

Статус дисциплины: ДНМ

(Лекций 36 часов, семинаров 36 часов, самостоятельная работа студентов 70 часов; промежуточная и итоговая аттестация).

Преподаватели: чл.-корр. РАН, доктор филологических наук, профессор Караулов Юрий Николаевич и доктор филологических наук, и.о.профессора Чулкина Нина Леонидовна)

Часы консультаций: по назначению

Телефон кафедры: 433-70-22

E-mail: kaf_yazik_rudn@mail.ru

Помещение кафедры: главный корпус РУДН, ауд. 438.

Общее описание курса УМК

Название курса: «РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ИНТЕГРАТИВНЫЙ АСПЕКТ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ»

Формирование антропоцентрической парадигмы научного знания в лингвистике и – шире – в филологии в последние десятилетия сопровождается введением новых понятий и обозначающих их терминов. Термин *языковая личность* занимает в названной парадигме центральное место, т.к. является

сквозной идеей, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка, нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности. Однако трактовка языковой личности вообще, независимо от национальной специфики ее языка, с неизбежностью осталась бы схематичной и редуccionистской.

Современные условия бурного развития процессов коммуникации, межкультурных контактов ставят задачу углубленного изучения *национальной языковой личности*, особенностей *национального менталитета* как в рамках одного лингвокультурного сообщества, так и в сопоставительном плане.

Цели курса:

- систематическое изложение теории языковой личности, истории ее изучения и методов реконструкции;
- формировании у студентов соответствующей понятийной и терминологической компетенции;
- представление национальных особенностей русской языковой личности и русского национального менталитета;
- определение места теории русской языковой личности в общем комплексе филологических наук и в теории межкультурной коммуникации.
- формирование у учащихся умений анализа конкретных ситуаций МКК с точки зрения языковых личностей - партнеров по коммуникации, принадлежащих к разным лингвокультурам.

Задачи курса:

В результате изучения материала курса (прослушивания лекций и работы на семинарских занятиях) студенты должны:

- иметь представление о теории языковой личности;
- владеть соответствующим понятийным и терминологическим аппаратом;
- владеть знаниями о структуре языковой личности и реализации каждого из трех уровней этой структуры в интра- и межкультурной коммуникации;
- уметь применить полученные теоретические знания о русской языковой личности в конкретных коммуникативных ситуациях, в том числе в ситуациях МКК.

Область знаний: филология, лингвистика, журналистика.

Уровень обучения: магистратура.

Курс является обязательным для филологов, лингвистов, и магистрантов, специализирующихся в области методики преподавания русского языка, в том числе русского как иностранного; может быть курсом по выбору для журналистов.

Курс является теоретическим.

Инновационность курса:

По содержанию инновационность курса заключается в том, что в его программу включены современные лингвистические концепции, касающиеся актуальной проблематики филологии, в том числе

авторские концепции, апробированные в научных монографиях Ю.Н.Караулова и Н.Л.Чулкиной; в рамках курса подробно рассматривается теория языковой личности в аспекте межкультурной коммуникации; дается описание методов реконструкции русской языковой личности; определяется структура языковой личности и рассматриваются важнейшие смежные понятия – языковая способность, языковое сознание, ассоциативно-вербальная сеть; демонстрируется, каким образом представленные теоретические положения могут быть использованы в практике межкультурной коммуникации.

Инновационность методики состоит в расширенном использовании мультимедийных средств обучения, комбинированием объяснительного метода с коммуникативно-дискуссионным методом работы над изучаемым материалом.

Инновационность литературы: в списки обязательной и дополнительной литературы включены монографии, статьи и учебные пособия и авторефераты диссертаций, изданные в последние пять лет.

Инновационность организации учебного процесса состоит в том, что задания для самостоятельной работы студентов, во-первых, дополняют задания для работы на семинарах, а во-вторых, оставляют студентам свободу выбора и обеспечивают творческий подход к усвоению программы.

Сведения об авторах:

1. **Караулов Юрий Николаевич** – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН;
2. **Чулкина Нина Леонидовна** - доктор филологических наук, доцент, и.о. профессора кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН.

Структура курса

Темы		Часы аудитор./самост. раб.
Лекции и семинары:		
1.	Понятие «языковая личность» - центральное понятие антропоцентрической научной парадигмы в современной лингвистике.	4 / 4
2.	О предпосылках включения языковой личности в объект науки о языке. Определение языковой личности. Структура языковой личности.	4 / 4
3.	Национальная языковая личность как когнитивно-коммуникативный инвариант, реализуемый в реальном общении некоторым множеством вариантов.	4 / 4
4.	Индивидуальная и коллективная языковая личность: формирование и функционирование.	4 / 4
5.	Способы реконструкции языковой личности; понятие языковой способности и языкового сознания. Ассоциативный эксперимент как один из способов реконструкции языкового сознания и языковой способности усредненной языковой личности.	4 / 4
6.	Понятие ассоциативно-вербальной сети. Отражение структуры языковой личности в	4 / 4

	ассоциативно-вербальной сети.	
7.	Языковая личность в межкультурной коммуникации. Определение языковой личности как участника межкультурной коммуникации. Характер участия языковой личности в межкультурной коммуникации. Основные аспекты изучения языковой личности в рамках МКК.	4 / 4
8.	Вербально-семантический уровень структуры языковой личности: языковая компетенция; уровни владения языком по модели Г.И.Богина.	4 / 4
9.	Вербально-семантический уровень языковой личности: понятие психоглоссы и общерусского языкового типа.	4 / 4
10.	Лингво-когнитивный уровень языковой личности: языковая картина мира. Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и аккультурации.	4 / 4
11.	Сопоставительное изучение языковых картин мира разных лингвокультур. Диссонанс национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации. Приведение в соответствие языковых картин мира коммуникантов как условие успешного межкультурного общения.	4 / 4
12.	Когнитивные модели и структуры языкового сознания: фреймы, гештальты, сценарии и др. Культурно обусловленные когнитивные структуры.	4 / 2
13.	Языковая личность и национальный характер: соотношение понятий. Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения; источники формирования стереотипов. Положительная и отрицательная оценка стереотипов в межкультурной коммуникации.	4 / 4
14.	Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности. Русская языковая личность как прототип национальной идентичности на основе социально закреплённых норм и оценок.	4 / 4
15.	Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: коммуникативные потребности личности и их национальная маркированность. Учет коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по коммуникации в межнациональных контактах.	4 / 4
16.	Прецедентные тексты в лингвокультурном сознании носителя языка. Необходимость овладения прецедентными текстами культуры в процессе формирования вторичной языковой личности.	4 / 4;
17.	Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: понятие концепта. Концепты как единицы лингвокультурного сознания. Ключевые концепты русской культуры (константы).	4 / 4
18.	Концептосфера русской языковой личности. Ассоциативный словарь как источник реконструкции концептосферы русской языковой личности. Лакунарные концепты. Несовпадение концептов разных лингвокультур как препятствие для успешных контактов в межкультурной коммуникации.	4 / 4
	ВСЕГО:	72/70

Тема коллоквиума:	Часы аудитор./ самост. раб.
Что можно сказать о взаимодействии понятий <i>языковая личность</i> и <i>межкультурная коммуникация</i> ?	2 / 4

Описание системы контроля знаний

Общие правила выполнения контрольных заданий.

Контрольное тестирование (рубежная аттестация) проводится один раз в течение семестра в сроки, определяемые деканатом.

Список вопросов, охватывающих контролируемый материал программы, дается студентам не позднее, чем за неделю до тестирования. В каждом тесте содержится один теоретический вопрос и даны 4 варианта ответа, один из которых является правильным. Работа должна выполняться на компьютере. Время, отводимое на выполнение теста, – два академических часа.

Для учебного прохождения рубежной аттестации студент должен:

- изучить рекомендованную литературу; составить рефераты по прочитанной литературе;
- усвоить основные теоретические сведения, содержащиеся в лекциях и прочитанной литературе.

Реферирование изученной научной литературы содействует развитию навыков поиска и обработки научной информации, в связи с чем оценка реферата должна отражать умение студента находить точные ответы на вопросы, предлагаемые для обсуждения на семинарских занятиях; умение сопоставлять концепции и взгляды различных ученых, давать им аргументированную оценку, умение подтверждать свои ответы конкретными примерами и их анализом на основе всей суммы приобретенных знаний.

Обсуждение докладов и сообщений по прочитанной литературе (форма устного контроля); Защита рефератов на коллоквиуме (форма устного контроля).

Условия и критерии выставления оценок

Обязательное посещение студентами лекций, семинарских занятий, коллоквиумов и прохождение тестового контроля (рубежной аттестации).

Учитывается активность работы на семинарских занятиях, качество рефератов, докладов, результаты тестирования.

Активная работа на семинарах предполагает, что студент должен изучить рекомендованную преподавателем литературу, активно участвовать в дискуссии, выступать с докладами, грамотно излагать основные положения прочитанных научных источников, сопоставлять их, обобщать и давать им аргументированную оценку.

Активная работа студентов на семинарах и высокий уровень выполнения тестовых заданий являются главными критериями высокой итоговой оценки.

Итоговая оценка определяется суммой баллов, полученных студентами за все виды работы в течение всего периода обучения, предусмотренного учебной программой (т.е. в течение семестра).

Балльная структура оценки:

Посещение лекционных и семинарских занятий – 8 баллов. Активная работа на семинарах – 20 баллов. Работа с первоисточниками (конспектирование, реферирование, устные сообщения по прочитанной литературе) – 16 баллов. Внутрисеместровый тест– 14 баллов. Итоговый тест – 18 баллов. Всего – 76 баллов.

Максимальная сумма баллов

(S_{max}) определяется по формуле: $S_{max} = 36 \cdot K$, где K – число кредитов, в которые оценивается курс.

Шкала оценок								
Кредиты	Сумма баллов	Неудовлетворительно		Удовлетворительно		Хорошо	Отлично	
		F	FX	E	D	C	B	A
		2	2+	3	3+	4	5	5+
2	76	Менее 25	25-36	37-42	43-48	49-60	61-70	70-76

Описание (характеристика) оценок:

A «Отлично»

Теоретическое содержание курса освоено полностью, без пробелов, необходимые практические навыки работы с освоенным материалом сформированы, все предусмотренные программой курса учебные задания выполнены, качество выполнения *всех заданий* оценено числом баллов, близким к максимальному.

B «Очень хорошо»

Теоретическое содержание курса освоено полностью, без пробелов, необходимые практические навыки работы с освоенным материалом в основном сформированы, все предусмотренные программой курса учебные задания выполнены, качество выполнения *большинства из них* оценено числом баллов, близким к максимальному.

C «Хорошо»

Теоретическое содержание курса освоено полностью, без пробелов, некоторые практические навыки работы с освоенным материалом сформированы недостаточно, все предусмотренные программой курса учебные задания выполнены, качество выполнения ни одного из них не оценено минимальным числом баллов, некоторые виды заданий выполнены с незначительными ошибками.

D «Удовлетворительно»

Теоретическое содержание курса освоено частично, но пробелы не носят существенного характера, необходимые практические навыки работы с освоенным материалом в основном сформированы, большинство предусмотренных программой курса учебных заданий выполнено, некоторые из выполненных заданий, возможно, содержат ошибки.

E «Посредственно»

Теоретическое содержание курса освоено частично, некоторые практические навыки работы не сформированы, многие предусмотренные программой курса учебные задания не выполнены, либо качество выполнения некоторых из них оценено числом баллов, близким к минимальному.

FX «Условно неудовлетворительно»

Теоретическое содержание курса освоено частично, необходимые практические навыки работы не сформированы, большинство предусмотренных программой курса учебных заданий не выполнено, либо качество их выполнения оценено числом баллов, близким к минимальному; при дополнительной самостоятельной работе над материалом курса возможно повышение качества выполнения учебных заданий.

F «Безусловно неудовлетворительно»

Теоретическое содержание курса не освоено, необходимые практические навыки работы не сформированы, все выполненные учебные задания содержат грубые ошибки, самостоятельная работа над материалом курса не приведет к какому-либо значимому повышению качества выполнения учебных заданий.

Академическая этика, соблюдение авторских прав

Все имеющиеся в творческой работе (эссе) сноски тщательно выверяются и снабжаются «адресами». Недопустимо включение в работу выдержек из работ других авторов без указания на авторство; недопустимо изложение содержания чужой работы близко к тексту без соответствующей ссылки и использование чужих идей без указания их авторов. В случае использования источников из Интернета необходимо указание фамилии автора и названия электронной публикации, а также полного адреса сайта. Исключаются все случаи плагиата. В конце работы дается исчерпывающий список всех использованных источников.

ПРОГРАММА КУРСА УМК

Аннотированное содержание курса

Организационно-методический раздел

Цель курса – систематическое изложение теории языковой личности, истории ее изучения и методов реконструкции; формирование у студентов соответствующей понятийной и терминологической компетенции; представление национальных особенностей русской языковой личности и русского национального менталитета; определение места теории русской языковой личности в общем комплексе филологических наук и в теории межкультурной коммуникации; формирование у учащихся умений анализа конкретных ситуаций МКК с точки зрения языковых личностей - партнеров по коммуникации, принадлежащих к разным лингвокультурам.

Задачи курса:

В результате изучения материала курса (прослушивания лекций и работы на семинарских занятиях) студенты должны:

- иметь представление о теории языковой личности;
- владеть соответствующим понятийным и терминологическим аппаратом;
- владеть знаниями о структуре языковой личности и реализации каждого из трех уровней этой структуры в интра- и межкультурной коммуникации;
- уметь применить полученные теоретические знания о русской языковой личности в конкретных коммуникативных ситуациях, в том числе в ситуациях МКК.

Методическая новизна курса

Преподавание курса предполагает использование двух основных методов: традиционного объяснительно-дедуктивного и нового, индуктивно-дискуссионного, при котором система теоретических знаний формируется у студентов в процессе дискуссий и критических обсуждений различных концепций современной лингвистики.

Новыми формами работы, предусмотренными программой, являются составление комментирующей и интерпретирующей части в конспектах научных трудов, обязательных к изучению, а также участие в дискуссиях и самостоятельные составления студентами словарей терминов, употребляемых в современных филологических работах различных направлений по изучаемой тематике.

Место курса в системе формируемых инновационных квалификаций

Настоящий курс является основным в магистерской программе «Языки и культуры». Курс опирается на языковедческие дисциплины, изученные в бакалавриате: Введение в языкознание и общее языкознание.

Курс является по существу междисциплинарным, поскольку затрагивает проблемы семиотики, психолингвистики, лингвокультурологии. Данный курс готовит магистров к прохождению научно-исследовательской практики и написанию магистерской диссертации. Теоретическое значение курса состоит в том, что он служит фундаментом для приобретения важнейших навыков и умений в сфере научно-исследовательской работы филологов; прикладное, практическое значение курса заключается в том, что он формирует необходимые умения и навыки в области педагогической деятельности, связанной с преподаванием русского как иностранного и иностранных языков, а также вооружает знаниями, необходимыми для межкультурных контактов.

Содержание курса

Новизна курса

Научная новизна курса «**РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ИНТЕГРАТИВНЫЙ АСПЕКТ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**» состоит в том, что в его программу включены современные лингвистические концепции, касающиеся актуальной проблематики филологии, в том числе авторские концепции, апробированные в научных монографиях Ю.Н.Караулова и Н.Л.Чулкиной; в рамках курса подробно рассматривается теория языковой личности в аспекте межкультурной коммуникации; дается описание методов реконструкции русской языковой личности; определяется структура языковой личности и рассматриваются важнейшие смежные понятия – языковая способность, языковое сознание, ассоциативно-вербальная сеть; демонстрируется, каким образом представленные теоретические положения могут быть использованы в практике межкультурной коммуникации.

Инновационность методики состоит в расширенном использовании мультимедийных средств обучения, комбинированием объяснительного метода с коммуникативно-дискуссионным методом работы над изучаемым материалом.

Инновационность литературы: в списки обязательной и дополнительной литературы включены монографии, статьи и учебные пособия и авторефераты диссертаций, изданные в последние пять лет.

Инновационность организации учебного процесса состоит в том, что задания для самостоятельной работы студентов, во-первых, дополняют задания для работы на семинарах, а во-вторых, оставляют студентам свободу выбора и обеспечивают творческий подход к усвоению программы.

Темы лекций и семинарских занятий

Неделя 1.

Лекция.

Понятие «языковая личность» - центральное понятие антропоцентрической научной парадигмы в современной лингвистике.

Понятие научной парадигмы. Смена научных парадигм в лингвистике XX века. Утверждение антропоцентризма в науке второй половины XX века. Сущность антропоцентризма в лингвистике и других областях гуманитарного знания – обращение к человеческой личности, включение в исследовательские задачи изучения прагматических факторов, определяемых мотивами, целями и установками индивида.

Семинар

1. Обсуждение научной литературы, посвященной антропоцентризму в языкознании второй половины XX-начала XXI века.
2. Прослушивание и обсуждение доклада об основных научных парадигмах в лингвистике XX века. Предпосылки включения языковой личности в объект науки о языке: четыре парадигмы в истории языкознания (историческая, психологическая, системно-структурная и социальная), подготовившие современные представления о языке-объекте.

Неделя 2

Лекция

Определение языковой личности. Структура языковой личности.

Определение понятия языковая личность. Трехуровневая структура языковой личности (вербально-семантический уровень; лингво-когнитивный, или тезаурусный; мотивационный уровень). Характеристика каждого из трех названных уровней по определенным параметрам.

Семинар

1. Анализ основных параметров каждого из трех уровней структуры языковой личности – вербально-семантического; лингво-когнитивного; мотивационного.

Неделя 3

Лекция

Национальная языковая личность как когнитивно- коммуникативный инвариант, комплексный прототип, реализуемый в реальном общении некоторым множеством вариантов.

Семинар

1. Обсуждение понятия *национальная языковая личность* (Ю.Н.Караулов, О.А.Леонтович и др.).
2. Понятие русской языковой личности (Ю.Н.Караулов)

Неделя 4

Лекция

Индивидуальная и коллективная языковая личность: формирование и функционирование.

Семинар

Анализ оппозиции *индивидуальная языковая личность – коллективная языковая личность.*

Неделя 5

Лекция

Способы реконструкции языковой личности; понятие языковой способности и языкового сознания. Ассоциативный эксперимент как один из способов реконструкции языкового сознания и языковой способности усредненной языковой личности.

Семинар

1. Обсуждение различных способов реконструкции языковой личности (например, на основе дискурса литературного персонажа; на базе результатов, полученных с помощью пролонгированного направленного ассоциативного эксперимента).
2. Обсуждение вопроса об «усредненной» языковой личности.

Неделя 6

Лекция

Понятие ассоциативно-вербальной сети. Отражение структуры языковой личности в ассоциативно-вербальной сети.

Семинар

1. Знакомство с «Русским ассоциативным словарем» и представленной в нем ассоциативно-вербальной сетью среднего носителя русского языка.
2. Изучение ассоциативных полей с точки зрения представленности в них уровней структуры языковой личности и лингво-культурной специфики русской языковой личности.

Неделя 7

Лекция

Языковая личность в межкультурной коммуникации: определение языковой личности как участника МКК. Характер участия языковой личности в МКК. Основные аспекты изучения языковой личности в рамках межкультурной коммуникации.

Семинар

1. Обсуждение вопроса о характере участия языковой личности в межкультурной коммуникации.
2. Многогранность языковой личности и основные аспекты ее изучения в рамках МКК.

Неделя 8.

Лекция

Вербально-семантический уровень структуры языковой личности: языковая компетенция. Уровни владения языком (Г.И.Богин).

Семинар

1. Анализ модели Г.И.Богина, представляющей уровни владения языком (родным и иностранным).
2. Выполнение практических заданий и их обсуждение (анализ конкретных примеров, демонстрирующих пять уровней владения языком).

Неделя 9

Лекция

Вербально-семантический уровень структуры языковой личности: понятие «психоглоссы» и «общерусского языкового типа».

Семинар

Анализ различных текстов (диалектных, детской речи, созданных иностранцами) с точки зрения выявления некоторых черт общерусского языкового типа.

Неделя 10

Лекция

Лингво-когнитивный уровень структуры языковой личности: языковая картина мира. Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и акультурации.

Семинар

Прослушивание и обсуждение докладов студентов о национальных картинах мира представителей разных лингвокультур (по выбору студентов).

Неделя 11

Лекция

Сопоставительное изучение языковых картин мира разных лингвокультур. Диссонанс национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации. Приведение в соответствие языковых картин мира коммуникантов как условие успешного межкультурного общения.

Семинар

1. Обсуждение примеров диссонанса национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации (по прочитанной литературе и на основе личного опыта).
2. Поиск путей приведения в соответствие языковых картин мира коммуникантов – представителей разных лингвокультур.

Неделя 12

Лекция

Когнитивные модели и структуры языкового сознания: фреймы, гештальты, сценарии и др. Культурно обусловленные когнитивные структуры.

Семинар

Анализ примеров культурно обусловленных когнитивных структур (А. Вежбицкая, О.А.Леонтович, С.Г.Тер-Минасова и др.)

Неделя 13

Лекция

Языковая личность и национальный характер: соотношение понятий. Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения; источники формирования стереотипов. Положительная и отрицательная оценка стереотипов в межкультурной коммуникации.

Семинар

1. Рассказы иностранцев о России как источник формирования стереотипов русского характера (доклады студентов).
2. Понятие автостереотипа и гетеростереотипа. Автостереотипы и гетеростереотипы представителей различных лингвокультур (дискуссия по прочитанной литературе).

Неделя 14

Лекция

Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: Русская языковая личность как прототип национальной идентичности на основе социально закрепленных норм и оценок.

Семинар

Прослушивание и обсуждение докладов студентов по изученной литературе.

Неделя 15

Лекция

Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: коммуникативные потребности личности (контактоустанавливающая; информационная; воздейственная) и их национальная маркированность. Учет коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по коммуникации в межнациональных контактах.

Семинар

1. Анализ коммуникативно-деятельностных потребностей и их корреляции с трехуровневым устройством языковой личности.
2. Обсуждение вербального и невербального выражения коммуникативно-деятельностных потребностей в различных лингвокультурах.

Неделя 16

Лекция

Прецедентные тексты в лингвокультурном сознании носителя языка. Необходимость овладения прецедентными текстами культуры в процессе формирования вторичной языковой личности.

Семинар

Обсуждение подобранных примеров прецедентных текстов русской культуры и культур изучаемых студентами языков.

Неделя 17

Лекция

Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: понятие концепта. Концепты как единицы лингвокультурного сознания. Ключевые концепты русской культуры (константы).

Семинар

1. Обсуждение рефератов студентов по прочитанной литературе (Ю.С.Степанов, А.Вежбицкая, Ю.Е.Прохоров, В.И.Карасин, Р.М.Фрумкина, В.Зусман, В.ВКрасных, Воркачев и др.).
2. Прослушивание и обсуждение докладов по описанию конкретных концептов русской культуры (по выбору студентов).

Неделя 18

Лекция

Концептосфера русской языковой личности. Ассоциативный словарь как источник реконструкции концептосферы русской языковой личности. Лакунарные концепты. Несовпадение концептов разных лингвокультур как препятствие для успешных контактов в межкультурной коммуникации.

Семинар

1. Прослушивание и обсуждение эссе по конкретным концептам разных культур в сравнении с русскими культурными концептами.
2. Выполнение практических заданий, предполагающих поиск путей «состыковки» концептов разных культур в МКК.

Перечень примерных контрольных вопросов и заданий для самостоятельной работы

1-я рубежная аттестация (образцы компьютерных тестов)

Задание: выберите правильный ответ.

1. Центральным системообразующим звеном коммуникации является:

- язык
- языковая личность
- информация, закодированная в невербальной форме

2. Языковая личность формируется:

- на основе индивидуальных особенностей конкретного коммуниканта
- на основе коллективного опыта и коллективной памяти
- как единство коллективного и индивидуального

3. В структуре языковой личности (Ю.Н.Караулов) выделяются:

- два уровня
- семь уровней
- три уровня

4. Вербально-семантический уровень языковой личности включает в себя:

- языковую картину мира
- мотивы, цели общения
- модели словосочетаний и предложений

5. Общерусский языковой тип – это:

- все русскоговорящие люди
- картина мира носителя русского языка
- инвариантная часть в структуре языковой личности на вербально- семантическом уровне

2-ая рубежная аттестация (компьютерное тестирование по тому же образцу)

Примерный перечень вопросов для оценки качества освоения дисциплины

1. Антропоцентрическая научная парадигма в современной лингвистике и место в ней понятия «языковая личность».
2. Определение понятия «языковая личность».
3. Структура языковой личности.
4. Национальная языковая личность как когнитивно-коммуникативный инвариант.
5. Способы реконструкции языковой личности.
6. Языковая личность в межкультурной коммуникации. Определение языковой личности как участника МКК.
7. Характер участия языковой личности в межкультурной коммуникации.
8. Основные аспекты изучения языковой личности в рамках межкультурной коммуникации.
9. Вербально-семантический уровень структуры языковой личности: языковая компетенция; уровни владения языком по модели Г.И.Богина.
10. Вербально-семантический уровень: понятие психоглоссы и общерусского языкового типа.
11. Лингво-когнитивный уровень структуры языковой личности: языковая картина мира.
12. Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и аккультурации.
13. Сопоставительное изучение языковых картин мира разных лингвокультур.
14. Диссонанс национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации.
15. Пути приведения в соответствие национальных языковых картин мира коммуникантов как условие успешного межкультурного общения.
16. Когнитивные модели и структуры языкового сознания: фреймы, гештальты, сценарии и др. Культурно обусловленные когнитивные структуры.
17. Языковая личность и национальный характер: соотношение понятий.
18. Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения. Источники формирования стереотипов.
19. Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения. Положительная и отрицательная оценка стереотипов в межкультурной коммуникации.
20. Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: коммуникативные потребности личности и их национальная маркированность. Учет коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по коммуникации в межнациональных контактах.
21. Прецедентные тексты в лингвокультурном сознании носителя языка. Необходимость овладения прецедентными текстами культуры в процессе формирования вторичной языковой личности.
22. Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: понятие концепта.
23. Концепты как единицы лингвокультурного сознания. Ключевые концепты русской культуры (константы).
24. Концептосфера русской языковой личности. Ассоциативный словарь как источник реконструкции концептосферы русской языковой личности.
25. Лакунарные концепты. Несовпадение концептов разных лингвокультур как препятствие для успешных контактов в межкультурной коммуникации.

Список обязательной и дополнительной литературы по темам

Тема 1

Понятие «языковая личность» - центральное понятие антропоцентрической научной парадигмы в современной лингвистике.

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.3-34.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.,2004.- С. 7-84.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании// Филол.науки. 2001. № 1. – С.64-72.

Дополнительная литература

1. Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты// Язык-система.Язык-текст.Язык-способность.: Сб.ст./ Ин-т рус.яз. РАН. М.,1995. – С.260-276.
2. Сиротинина О.Б. Социолингвистический фактор в становлении языковой личности // и // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов: Перемена, 1998. С. 3-9.

Тема 2

Определение языковой личности. Структура языковой личности.

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.3-34.

Тема 3

Национальная языковая личность как когнитивно- коммуникативный инвариант, комплексный прототип, реализуемый в реальном общении некоторым множеством вариантов.

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.3-34.
2. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 99-119.
3. Гак В. Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 54-68.

Дополнительная литература

1. ГришаеваЛ. И., ЦуриковаЛ. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. Пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2003. – С.198-222.

Тема 4

Индивидуальная и коллективная языковая личность: формирование и функционирование.

Обязательная литература

1. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 99-119.

2. ГришаеваЛ. И., ЦуриковаЛ. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. Пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2003. – С.198-222.

Тема 5

Способы реконструкции языковой личности; понятие языковой способности и языкового сознания. Ассоциативный эксперимент как один из способов реконструкции языкового сознания и языковой способности усредненной языковой личности.

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.3-34.
2. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. — М.: Институт русского языка РАН, 1999. – С. 5-20
3. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. В / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: 000 «Издательство Астрель»: 000«Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

Дополнительная литература

1. Уфимцева Н.В. Ассоциативный тезаурус русского языка и русское сознание // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. — Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 2000. – Т. 1. – С. 70-77. 2. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошке – М.; Харьков : РА-Каравелла, 2001.

Тема 6

Понятие ассоциативно-вербальной сети. Отражение структуры языковой личности в ассоциативно-вербальной сети.

Обязательная литература

1. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. — М.: Институт русского языка РАН, 1999. – С. 5-20
2. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. В / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: 000 «Издательство Астрель»: 000«Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

Тема 7

Языковая личность в межкультурной коммуникации: определение языковой личности как участника МКК. Характер участия языковой личности в МКК. Основные аспекты изучения языковой личности в рамках межкультурной коммуникации.

Обязательная литература

1. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 99-119.
2. ГришаеваЛ. И., ЦуриковаЛ. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. Пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2003. – С.198-222.

Дополнительная литература

1. Воробьев В.В., Салхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур: Учебное пособие / Элективный курс для 10—11 классов школ гуманитарного профиля. М.: Ладомир, 2006. – С.38-49.

Тема 8

Вербально-семантический уровень структуры языковой личности: языковая компетенция. Уровни владения языком (Г.И.Богин).

Обязательная литература

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. АДД. Л., 1984. – 36 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.48-68.

Тема 9

Вербально-семантический уровень структуры языковой личности: понятие «психоглоссы» и «общерусского языкового типа».

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.3-34.

Тема 10.

Лингво-когнитивный уровень структуры языковой личности: языковая картина мира. Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и акультурации.

Обязательная литература

1. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.:МГУ, 1999. – 75-133.
3. ГришаеваЛ. И., ЦуриковаЛ. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. Пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2003. – С.71-103.
4. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских. – М.: УРСС, 2007. – С.3-12.
5. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 119-139.
6. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура: Мат-лы 2-й меадунар. Конф. Ч. 3. Тамбов: Изд-во Тамб. Ун-та, 1999. С. 6—13.

Дополнительная литература

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. – М.: Раритет, 1997. – 680 с.

Тема 11.

Сопоставительное изучение языковых картин мира разных лингвокультур. Диссонанс национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации. Приведение в соответствие языковых картин мира коммуникантов как условие успешного межкультурного общения.

Обязательная литература

1. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.:МГУ, 1999. – 75-133.
2. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 99-119.
3. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. Пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2003. – С.198-222.

4. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. – 3-е изд. – Воронеж, 2003.

Дополнительная литература

1. Рот Ю., Коптельцева Г. Встречи на грани культур. – Калуга: Полиграф-Информ, 2001.-С. 11-24.

Тема 12

Когнитивные модели и структуры языкового сознания: фреймы, гештальты, сценарии и др. Культурно обусловленные когнитивные структуры.

Обязательная литература

1. Минский М. 4. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
2. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Когнитивные аспекты языка. – М. 1988. – С.52-92.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.3-34.
4. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 99-119.

Тема 13

Языковая личность и национальный характер: соотношение понятий. Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения; источники формирования стереотипов. Положительная и отрицательная оценка стереотипов в межкультурной коммуникации.

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.35-48.
2. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 99-119.
3. Гришаева Л. И., Цурикова Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. Пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2003. – С.198-222.

Дополнительная литература

1. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. –М.: Педагогика-Пресс, 1996.-Глава 2.

Тема 14.

Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: Русская языковая личность как прототип национальной идентичности на основе социально закрепленных норм и оценок.

Обязательная литература

1. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 145-212.
2. ГришаеваЛ. И., ЦуриковаЛ. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. Пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2003. – С.117-140.
3. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских. – М.: УРСС, 2007. – С.108-115.

Дополнительная литература

1. ЛюбименкоА.М. Этикет в Центральной Азии. Волгоград, 2000.- 82 с.

Тема 15

Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: коммуникативные потребности личности (контактоустанавливающая; информационная; воздейственная) и их национальная маркированность. Учет коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по коммуникации в межнациональных контактах.

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.211-216.
2. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007. – С. 326-340.
3. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – Глава 2.

Тема 16

Прецедентные тексты в лингвокультурном сознании носителя языка. Необходимость овладения прецедентными текстами культуры в процессе формирования вторичной языковой личности.

Обязательная литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.3-34.
2. Гудков Д.Б. Прецедентные имена и парадигма социального поведения // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. – М., 1996. – С. 58-69.
3. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. — М.: Гнозис, 2002.
4. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

Дополнительная литература

1. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003.

Тема 17

Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: понятие концепта. Концепты как единицы лингвокультурного сознания. Ключевые концепты русской культуры (константы).

Обязательная литература

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2001. – С.43-85.
2. Вежбицкая Анна Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. - 272 с.
3. Вежбицкая Аяна Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. Адпиелева. – М., 2001. – 288 С.
4. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. – М., 2004. – 204 с.
5. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны//Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 1998. – С. 55-67.

Дополнительная литература

1. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2001. – с. 36-44.

2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.- С.87-184.
3. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.

Тема 18.

Концептосфера русской языковой личности. Ассоциативный словарь как источник реконструкции концептосферы русской языковой личности. Лакунарные концепты. Несовпадение концептов разных лингвокультур как препятствие для успешных контактов в межкультурной коммуникации.

Обязательная литература

1. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Серия литературы и языка. — Т. 52. — № 1. — 1993. — С. 3-9 .
2. Слышкин Г. Г. Текстовая концептосфера и ее единицы // Языковая личность: аспекты лингвистики лингводидактики. – Волгоград. 1999. – С. 18-26.
3. Савельева Л.В. К проблеме адекватности перевода русских этнокультурных концептов // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика – Вып.VI. – СПб.: Сударыня, 2003. – С. 44-51.
4. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 99-119.
5. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 106-119.

Дополнительная литература

1. Вежбицкая Анна Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. - 272 с.
2. Вежбицкая Анна Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. Адпиелева. – М., 2001. – 288 С.
3. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000.

Темы курсовых работ

1. Языковая личность как системообразующее звено коммуникативного процесса.
2. Типичные национальные черты, определяющие характер коммуникативной деятельности языковой личности.
3. Культурно-языковая личность как единство коллективного и индивидуального.
4. Способы реконструкции языковой личности.
5. Литературный персонаж как языковая личность.
6. «Русский ассоциативный словарь» - путь к ментальности россиян.
7. Общерусский языковой тип: пути реконструкции.
8. Пространство и время в национальных языковых картинах мира русских и англичан(китайцев, американцев) и пути преодоления конфликтных ситуаций, обусловленных различием ЯКМ в межкультурной коммуникации.
9. Источники формирования стереотипов.
10. Автостереотипы русских и американцев (сопоставительный анализ).
11. Автостереотипы русских и испанцев(сопоставительный анализ).
12. Гетеростереотипы русских и источники их формирования.

13. Специфика коммуникативно-деятельностных потребностей национально-языковой личности (на примере русской языковой личности).
14. Ключевые концепты русской и американской культуры (сопоставительный анализ 2-3 ключевых концептов).
15. Прецедентные тексты русской культуры при формировании вторичной языковой личности.
16. Лакунарные концепты при сопоставительном анализе русской и китайской лингвокультур.
17. Условия успешной межкультурной коммуникации при различии концептосфер представителей двух лингвокультур (на конкретном примере).
18. Параметры формирования межкультурной языковой личности.
19. Национальный характер: миф или реальность?
20. Сказочные персонажи как прецедентные тексты.
21. Концепт «семья» в западных и восточных культурах.
22. Ценностные доминанты и отношение к дому в разных лингвокультурах (сопоставительный анализ на примере 2-3 лингвокультур).

Учебный тематический план курса

	Наименование разделов и тем	Всего (часов, зачетных единиц)	Аудиторные занятия		Самостоятельная работа
			Лекции	Семинары	
	Понятие «языковая личность» - центральное понятие антропоцентрической научной парадигмы в современной лингвистике.	8	2	2	4
	О предпосылках включения языковой личности в объект науки о языке. Определение языковой личности. Структура языковой личности.	8	2	2	4
	Национальная языковая личность как когнитивно-коммуникативный инвариант, реализуемый в реальном общении некоторым множеством вариантов	8	2	2	4
	Индивидуальная и коллективная языковая личность: формирование и функционирование.	6	2	2	2
	Способы реконструкции языковой личности; понятие языковой способности и языкового сознания. Ассоциативный эксперимент как один из способов реконструкции языкового сознания и языковой способности усредненной языковой личности.	8	2	2	4
	Понятие ассоциативно-вербальной сети. Отражение структуры языковой личности в ассоциативно-вербальной сети.	8	2	2	4
	Языковая личность в межкультурной коммуникации. Определение языковой личности как участника межкультурной коммуникации. Характер участия	8	2	2	4

языковой личности в межкультурной коммуникации. Основные аспекты изучения языковой личности в рамках МКК.				
Вербально-семантический уровень структуры языковой личности: языковая компетенция; уровни владения языком по модели Г.И.Богина.	8	2	2	4
Вербально-семантический уровень языковой личности: понятие психоглоссы и общерусского языкового типа.	8	2	2	4
Лингво-когнитивный уровень языковой личности: языковая картина мира. Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и аккультурации.	8	2	2	4
Сопоставительное изучение языковых картин мира разных лингвокультур. Диссонанс национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации. Приведение в соответствие языковых картин мира коммуникантов как условие успешного межкультурного общения.	8	2	2	4
Когнитивные модели и структуры языкового сознания: фреймы, гештальты, сценарии и др. Культурно обусловленные когнитивные структуры.	6	2	2	2
Языковая личность и национальный характер: соотношение понятий. Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения; источники формирования стереотипов. Положительная и отрицательная оценка стереотипов в межкультурной коммуникации.	8	2	2	4
Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности. Русская языковая личность как прототип национальной идентичности на основе социально закрепленных норм и оценок.	8	2	2	4
Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: коммуникативные потребности личности и их национальная маркированность. Учет коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по коммуникации в межнациональных контактах.	8	2	2	4
Прецедентные тексты в лингвокультурном сознании носителя языка. Необходимость овладения прецедентными текстами культуры в процессе формирования вторичной языковой личности.	8	2	2	4
Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: понятие концепта. Концепты как единицы лингвокультурного сознания. Ключевые	8	2	2	4

концепты русской культуры (константы).				
Концептосфера русской языковой личности. Ассоциативный словарь как источник реконструкции концептосферы русской языковой личности. Лакунарные концепты. Несовпадение концептов разных лингвокультур как препятствие для успешных контактов в межкультурной коммуникации	8	2	2	4
	148	38	38	72
	2 зачетных единицы			

ПРОГРАММА КУРСА РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ИНТЕГРАТИВНЫЙ АСПЕКТ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Аннотированное содержание курса

Организационно-методический раздел

Цель курса – систематическое изложение теории языковой личности, истории ее изучения и методов реконструкции; формирование у студентов соответствующей понятийной и терминологической компетенции; представление национальных особенностей русской языковой личности и русского национального менталитета; определение места теории русской языковой личности в общем комплексе филологических наук и в теории межкультурной коммуникации; формирование у учащихся умений анализа конкретных ситуаций МКК с точки зрения языковых личностей - партнеров по коммуникации, принадлежащих к разным лингвокультурам.

Задачи курса:

В результате изучения материала курса (прослушивания лекций и работы на семинарских занятиях) студенты должны:

- иметь представление о теории языковой личности;
- владеть соответствующим понятийным и терминологическим аппаратом;
- владеть знаниями о структуре языковой личности и реализации каждого из трех уровней этой структуры в интра- и межкультурной коммуникации;
- уметь применить полученные теоретические знания о русской языковой личности в конкретных коммуникативных ситуациях, в том числе в ситуациях МКК.

Методическая новизна курса

Преподавание курса предполагает использование двух основных методов: традиционного объяснительно-дедуктивного и нового, индуктивно-дискуссионного, при котором система теоретических знаний формируется у студентов в процессе дискуссий и критических обсуждений различных концепций современной лингвистики.

Новыми формами работы, предусмотренными программой, являются составление комментирующей и интерпретирующей части в конспектах научных трудов, обязательных к изучению, а

также участие в дискуссиях и самостоятельные составления студентами словарей терминов, употребляемых в современных филологических работах различных направлений по изучаемой тематике.

Место курса в системе формируемых инновационных квалификаций

Настоящий курс является основным в магистерской программе «Языки и культуры». Курс опирается на языковедческие дисциплины, изученные в бакалавриате: Введение в языкознание и общее языкознание.

Курс является по существу междисциплинарным, поскольку затрагивает проблемы семиотики, психолингвистики, лингвокультурологии. Данный курс готовит магистров к прохождению научно-исследовательской практики и написанию магистерской диссертации. Теоретическое значение курса состоит в том, что он служит фундаментом для приобретения важнейших навыков и умений в сфере научно-исследовательской работы филологов; прикладное, практическое значение курса заключается в том, что он формирует необходимые умения и навыки в области педагогической деятельности, связанной с преподаванием русского как иностранного и иностранных языков, а также вооружает знаниями, необходимыми для межкультурных контактов.

Содержание курса

Новизна курса

Научная новизна курса «**РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ИНТЕГРАТИВНЫЙ АСПЕКТ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**» состоит в том, что в его программу включены современные лингвистические концепции, касающиеся актуальной проблематики филологии, в том числе авторские концепции, апробированные в научных монографиях Ю.Н.Караулова и Н.Л.Чулкиной; в рамках курса подробно рассматривается теория языковой личности в аспекте межкультурной коммуникации; дается описание методов реконструкции русской языковой личности; определяется структура языковой личности и рассматриваются важнейшие смежные понятия – языковая способность, языковое сознание, ассоциативно-вербальная сеть; демонстрируется, каким образом представленные теоретические положения могут быть использованы в практике межкультурной коммуникации.

Инновационность методики состоит в расширенном использовании мультимедийных средств обучения, комбинированием объяснительного метода с коммуникативно-дискуссионным методом работы над изучаемым материалом.

Инновационность литературы: в списки обязательной и дополнительной литературы включены монографии, статьи и учебные пособия и авторефераты диссертаций, изданные в последние пять лет.

Инновационность организации учебного процесса состоит в том, что задания для самостоятельной работы студентов, во-первых, дополняют задания для работы на семинарах, а во-вторых, оставляют студентам свободу выбора и обеспечивают творческий подход к усвоению программы.

Темы лекций и семинарских занятий

Неделя 1.

Лекция.

Понятие «языковая личность» - центральное понятие антропоцентрической научной парадигмы в современной лингвистике.

Понятие научной парадигмы. Смена научных парадигм в лингвистике XX века. Утверждение антропоцентризма в науке второй половины XX века. Сущность антропоцентризма в лингвистике и других областях гуманитарного знания – обращение к человеческой личности, включение в исследовательские задачи изучения прагматических факторов, определяемых мотивами, целями и установками индивида.

Семинар

1. Обсуждение научной литературы, посвященной антропоцентризму в языкознании второй половины XX-начала XXI века.
2. Прослушивание и обсуждение доклада об основных научных парадигмах в лингвистике XX века. Предпосылки включения языковой личности в объект науки о языке: четыре парадигмы в истории языкознания (историческая, психологическая, системно-структурная и социальная), подготовившие современные представления о языке-объекте.

Неделя 2

Лекция

Определение языковой личности. Структура языковой личности.

Определение понятия языковая личность. Трехуровневая структура языковой личности (вербально-семантический уровень; лингво-когнитивный, или тезаурусный; мотивационный уровень). Характеристика каждого из трех названных уровней по определенным параметрам.

Семинар

1. Анализ основных параметров каждого из трех уровней структуры языковой личности – вербально-семантического; лингво-когнитивного; мотивационного.

Неделя 3

Лекция

Национальная языковая личность как когнитивно- коммуникативный инвариант, комплексный прототип, реализуемый в реальном общении некоторым множеством вариантов.

Семинар

1. Обсуждение понятия *национальная языковая личность* (Ю.Н.Караулов, О.А.Леонтович и др.).
2. Понятие русской языковой личности (Ю.Н.Караулов)

Неделя 4

Лекция

Индивидуальная и коллективная языковая личность: формирование и функционирование.

Семинар

Анализ оппозиции *индивидуальная языковая личность – коллективная языковая личность*.

Неделя 5

Лекция

Способы реконструкции языковой личности; понятие языковой способности и языкового сознания. Ассоциативный эксперимент как один из способов реконструкции языкового сознания и языковой способности усредненной языковой личности.

Семинар

1. Обсуждение различных способов реконструкции языковой личности (например, на основе дискурса литературного персонажа; на базе результатов, полученных с помощью пролонгированного направленного ассоциативного эксперимента).
2. Обсуждение вопроса об «усредненной» языковой личности.

Неделя 6

Лекция

Понятие ассоциативно-вербальной сети. Отражение структуры языковой личности в ассоциативно-вербальной сети.

Семинар

1. Знакомство с «Русским ассоциативным словарем» и представленной в нем ассоциативно-вербальной сетью среднего носителя русского языка.
2. Изучение ассоциативных полей с точки зрения представленности в них уровней структуры языковой личности и лингво-культурной специфики русской языковой личности.

Неделя 7

Лекция

Языковая личность в межкультурной коммуникации: определение языковой личности как участника МКК. Характер участия языковой личности в МКК. Основные аспекты изучения языковой личности в рамках межкультурной коммуникации.

Семинар

1. Обсуждение вопроса о характере участия языковой личности в межкультурной коммуникации.
2. Многогранность языковой личности и основные аспекты ее изучения в рамках МКК.

Неделя 8.

Лекция

Вербально-семантический уровень структуры языковой личности: языковая компетенция. Уровни владения языком (Г.И.Богин).

Семинар

1. Анализ модели Г.И.Богина, представляющей уровни владения языком (родным и иностранным).
2. Выполнение практических заданий и их обсуждение (анализ конкретных примеров, демонстрирующих пять уровней владения языком).

Неделя 9

Лекция

Вербально-семантический уровень структуры языковой личности: понятие «психоглоссы» и «общерусского языкового типа».

Семинар

Анализ различных текстов (диалектных, детской речи, созданных иностранцами) с точки зрения выявления некоторых черт общерусского языкового типа.

Неделя 10

Лекция

Лингво-когнитивный уровень структуры языковой личности: языковая картина мира. Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и акультурации.

Семинар

Прослушивание и обсуждение докладов студентов о национальных картинах мира представителей разных лингвокультур (по выбору студентов).

Неделя 11

Лекция

Сопоставительное изучение языковых картин мира разных лингвокультур. Диссонанс национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации. Приведение в соответствие языковых картин мира коммуникантов как условие успешного межкультурного общения.

Семинар

1. Обсуждение примеров диссонанса национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации (по прочитанной литературе и на основе личного опыта).
2. Поиск путей приведения в соответствие языковых картин мира коммуникантов – представителей разных лингвокультур.

Неделя 12

Лекция

Когнитивные модели и структуры языкового сознания: фреймы, гештальты, сценарии и др. Культурно обусловленные когнитивные структуры.

Семинар

Анализ примеров культурно обусловленных когнитивных структур (А. Вежбицкая, О.А.Леонтович, С.Г.Тер-Минасова и др.)

Неделя 13

Лекция

Языковая личность и национальный характер: соотношение понятий. Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения; источники формирования стереотипов. Положительная и отрицательная оценка стереотипов в межкультурной коммуникации.

Семинар

1. Рассказы иностранцев о России как источник формирования стереотипов русского характера (доклады студентов).
2. Понятие автостереотипа и гетеростереотипа. Автостереотипы и гетеростереотипы представителей различных лингвокультур (дискуссия по прочитанной литературе).

Неделя 14

Лекция

Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: Русская языковая личность как прототип национальной идентичности на основе социально закрепленных норм и оценок.

Семинар

Прослушивание и обсуждение докладов студентов по изученной литературе.

Неделя 15

Лекция

Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: коммуникативные потребности личности (контактоустанавливающая; информационная; воздейственная) и их национальная маркированность. Учет коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по коммуникации в межнациональных контактах.

Семинар

1. Анализ коммуникативно-деятельностных потребностей и их корреляции с трехуровневым устройством языковой личности.
2. Обсуждение вербального и невербального выражения коммуникативно-деятельностных потребностей в различных лингвокультурах.

Неделя 16

Лекция

Прецедентные тексты в лингвокультурном сознании носителя языка. Необходимость овладения прецедентными текстами культуры в процессе формирования вторичной языковой личности.

Семинар

Обсуждение подобранных примеров прецедентных текстов русской культуры и культур изучаемых студентами языков.

Неделя 17

Лекция

Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: понятие концепта. Концепты как единицы лингвокультурного сознания. Ключевые концепты русской культуры (константы).

Семинар

1. Обсуждение рефератов студентов по прочитанной литературе (Ю.С.Степанов, А.Вежбицкая, Ю.Е.Прохоров, В.И.Карасин, Р.М.Фрумкина, В.Зусман, В.ВКрасных, Воркачев и др.).
2. Прослушивание и обсуждение докладов по описанию конкретных концептов русской культуры (по выбору студентов).

Неделя 18

Лекция

Концептосфера русской языковой личности. Ассоциативный словарь как источник реконструкции концептосферы русской языковой личности. Лакунарные концепты. Несовпадение концептов разных лингвокультур как препятствие для успешных контактов в межкультурной коммуникации.

Семинар

1. Прослушивание и обсуждение эссе по конкретным концептам разных культур в сравнении с русскими культурными концептами.
2. Выполнение практических заданий, предполагающих поиск путей «состыковки» концептов разных культур в МКК.

**Структура курса
«РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ИНТЕГРАТИВНЫЙ АСПЕКТ В
КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ»**

Темы		Часы аудитор./самост. раб.
Лекции и семинары:		
1.	Понятие «языковая личность» - центральное понятие антропоцентрической научной парадигмы в современной лингвистике.	4 / 4
2.	О предпосылках включения языковой личности в объект науки о языке. Определение языковой личности. Структура языковой личности.	4 / 4
3.	Национальная языковая личность как когнитивно-коммуникативный инвариант, реализуемый в реальном общении некоторым множеством вариантов.	4 / 4
4.	Индивидуальная и коллективная языковая личность: формирование и функционирование.	4 / 4
5.	Способы реконструкции языковой личности; понятие языковой способности и языкового сознания. Ассоциативный эксперимент как один из способов реконструкции языкового сознания и языковой способности усредненной языковой личности.	4 / 4
6.	Понятие ассоциативно-вербальной сети. Отражение структуры языковой личности в ассоциативно-вербальной сети.	4 / 4
7.	Языковая личность в межкультурной коммуникации. Определение языковой личности как участника межкультурной коммуникации. Характер участия языковой личности в межкультурной коммуникации. Основные аспекты изучения языковой личности в рамках МКК.	4 / 4
8.	Вербально-семантический уровень структуры языковой личности: языковая компетенция; уровни владения языком по модели Г.И.Богина.	4 / 4
9.	Вербально-семантический уровень языковой личности: понятие психоглоссы и общерусского языкового типа.	4 / 4

10.	Лингво-когнитивный уровень языковой личности: языковая картина мира. Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и аккультурации.	4 / 4
11.	Сопоставительное изучение языковых картин мира разных лингвокультур. Диссонанс национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации. Приведение в соответствие языковых картин мира коммуникантов как условие успешного межкультурного общения.	4 / 4
12.	Когнитивные модели и структуры языкового сознания: фреймы, гештальты, сценарии и др. Культурно обусловленные когнитивные структуры.	4 / 2
13.	Языковая личность и национальный характер: соотношение понятий. Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения; источники формирования стереотипов. Положительная и отрицательная оценка стереотипов в межкультурной коммуникации.	4 / 4
14.	Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности. Русская языковая личность как прототип национальной идентичности на основе социально закреплённых норм и оценок.	4 / 4
15.	Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: коммуникативные потребности личности и их национальная маркированность. Учет коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по коммуникации в межнациональных контактах.	4 / 4
16.	Прецедентные тексты в лингвокультурном сознании носителя языка. Необходимость овладения прецедентными текстами культуры в процессе формирования вторичной языковой личности.	4 / 4;
17.	Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: понятие концепта. Концепты как единицы лингвокультурного сознания. Ключевые концепты русской культуры (константы).	4 / 4
18.	Концептосфера русской языковой личности. Ассоциативный словарь как источник реконструкции концептосферы русской языковой личности. Лакунарные концепты. Несовпадение концептов разных лингвокультур как препятствие для успешных контактов в межкультурной коммуникации.	4 / 4
	ВСЕГО:	72/70

Тема коллоквиума:	Часы аудитор./самост. раб.
Что можно сказать о взаимодействии понятий <i>языковая личность</i> и <i>межкультурная коммуникация</i> ?	2 / 4

Учебный тематический план курса

	Наименование разделов и тем	Всего (часов, зачетных единиц)	Аудиторные занятия		Самостоятельная работа
			Лекции	Семинары	
1	Понятие «языковая личность» - центральное понятие антропоцентрической научной парадигмы в современной лингвистике.	8	2	2	4
2	О предпосылках включения языковой личности в объект науки о языке. Определение языковой личности. Структура языковой личности.	8	2	2	4
3	Национальная языковая личность как когнитивно-коммуникативный инвариант, реализуемый в реальном общении некоторым множеством вариантов	8	2	2	4
4	Индивидуальная и коллективная языковая личность: формирование и функционирование.	6	2	2	2
5	Способы реконструкции языковой личности; понятие языковой способности и языкового сознания. Ассоциативный эксперимент как один из способов реконструкции языкового сознания и языковой способности усредненной языковой личности.	8	2	2	4
6	Понятие ассоциативно-вербальной сети. Отражение структуры языковой личности в ассоциативно-вербальной сети.	8	2	2	4
7	Языковая личность в межкультурной коммуникации. Определение языковой личности как участника межкультурной коммуникации. Характер участия языковой личности в межкультурной коммуникации. Основные аспекты изучения языковой личности в рамках МКК.	8	2	2	4
8	Вербально-семантический уровень структуры языковой личности: языковая компетенция; уровни владения языком по модели Г.И.Богина.	8	2	2	4
9	Вербально-семантический уровень языковой личности: понятие психоглоссы и общерусского языкового типа.	8	2	2	4
10	Лингво-когнитивный уровень языковой личности: языковая картина мира. Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и аккультурации.	8	2	2	4
11	Сопоставительное изучение языковых картин мира разных лингвокультур. Диссонанс национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации. Приведение в соответствие языковых	8	2	2	4

	картин мира коммуникантов как условие успешного межкультурного общения.				
12	Когнитивные модели и структуры языкового сознания: фреймы, гештальты, сценарии и др. Культурно обусловленные когнитивные структуры.	6	2	2	2
13	Языковая личность и национальный характер: соотношение понятий. Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения; источники формирования стереотипов. Положительная и отрицательная оценка стереотипов в межкультурной коммуникации.	8	2	2	4
14	Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности. Русская языковая личность как прототип национальной идентичности на основе социально закрепленных норм и оценок.	8	2	2	4
15	Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: коммуникативные потребности личности и их национальная маркированность. Учет коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по коммуникации в межнациональных контактах.	8	2	2	4
16	Прецедентные тексты в лингвокультурном сознании носителя языка. Необходимость овладения прецедентными текстами культуры в процессе формирования вторичной языковой личности.	8	2	2	4
17	Мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности: понятие концепта. Концепты как единицы лингвокультурного сознания. Ключевые концепты русской культуры (константы).	8	2	2	4
18	Концептосфера русской языковой личности. Ассоциативный словарь как источник реконструкции концептосферы русской языковой личности. Лакунарные концепты. Несовпадение концептов разных лингвокультур как препятствие для успешных контактов в межкультурной коммуникации	8	2	2	4
		148	38	38	72
		2 зачетных единицы			

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ДЛЯ СТУДЕНТА

Тема 1: Культурно-антропологические основы межкультурной коммуникации. Основные этапы формирования межкультурной коммуникации как отдельной отрасли знания и как классического университетского курса в США, Западной Европе и в России.

1. Место межкультурной коммуникации в системе гуманитарных наук.
2. Междисциплинарный характер МКК.
3. Основные Понятия МКК – культура и коммуникация. Множественность определений понятия «культура». Национальная культура и межнациональное общение.
4. Культура и поведение. «Культуроцентризм», или «этноцентризм».
5. Культурные нормы и культурные ценности. Сущность культурных ценностей и их место в МКК. Культурные нормы и их роль в культуре.

Задания:

1. Подготовьте ответы на вопросы:
 - a. Каковы основные понятия и термины межкультурной коммуникации?
 - b. Что Вы можете сказать о междисциплинарном характере МКК?
 - c. Что такое «культуроцентризм» и «этноцентризм»?
2. Подготовьте небольшие доклады по теме: «Культурные нормы и культурные ценности России и страны изучаемого языка».

Тема 2: Понятие «языковая личность» - центральное понятие антропоцентрической научной парадигмы в современной лингвистике.

1. О предпосылках включения языковой личности в объект науки о языке.
2. Определение языковой личности
3. Структура языковой личности.

Задания:

1. Подготовьте ответы на вопросы:
 - a. Каковы предпосылки включения языковой личности в объект науки о языке?
 - b. Дайте определение термина «языковая личность».
2. Подготовьте презентацию на тему: « Три уровня структуры языковой личности» (по Ю.Н.караулову).

Тема 3: Способы реконструкции языковой личности. Языковая личность в межкультурной коммуникации.

1. Основные способы реконструкции языковой личности.
2. Ассоциативный эксперимент.
3. Ассоциативный словарь как коррелят языковой способности усредненной языковой личности.
4. Языковая личность в межкультурной коммуникации.

Задания:

1. Подготовьте ответы на вопросы:
 - a. Каковы Основные способы реконструкции языковой личности?

- b. Что вы знаете об ассоциативном эксперименте и областях применения его результатов?
 - c. Что вы знаете о «Русском ассоциативном словаре»? Каковы области его применения?
2. Подготовьте сообщение на тему: «Языковая личность в МКК», используя рекомендованную литературу и интернет-ресурсы.

Тема 4: Формирование «вторичной языковой способности» как первый шаг на пути к межкультурной коммуникации. Лингводидактическая модель языковой личности.

1. «Вторичная» языковая способность;
2. Лингводидактическая модель языковой личности;
3. Структура языковой личности; уровни структуры языковой личности; умения; навыки; готовности.
4. «Готовностная» модель «вторичной» языковой личности.

Задания:

1. Подготовьте ответы на вопросы:
 - a. Что такое «вторичная» языковая личность (языковая способность)?
 - b. Что такое «лингводидактическая модель языковой личности»?
2. Подготовьте сообщение с презентацией на тему: «Лингводидактическая модель языковой личности Г.И.Богина и «готовностная» модель языковой личности Ю.Н.Караулова; их роль в формировании вторичной языковой способности.

Тема 5: Индивидуальная и коллективная языковая личность: формирование и функционирование.

1. Индивидуальная языковая личность.
2. Коллективная языковая личность.
3. Идентичность языковой личности.

Задания:

1. Подготовьте ответы на вопросы:
 - a. Что такое «индивидуальная языковая личность»?
 - b. Что такое «коллективная языковая личность»?
 - c. Каковы основные составляющие идентичности языковой личности?

Тема 6: Понятие ассоциативно-вербальной сети (АВС). Отражение структуры языковой личности в АВС.

Тема 7 : Языковая личность и национальный характер: соотношение понятий. Общерусский языковой тип.

1. Национальная языковая личность.
2. Национальный характер.
3. Общерусский языковой тип.

Задания:

1. Подготовьте сообщение на тему: «Национальный характер: миф или реальность?», используя рекомендованную литературу и интернет-ресурсы.
2. Подготовьте ответ на вопрос: Что такое общерусский языковой тип?

Тема 8: Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения. Стереотипы и предрассудки.

1. Понятие и сущность стереотипа. Функции стереотипов.
2. Значение стереотипов для МКК.
3. Понятие и сущность предрассудка. Типы предрассудков. Проблемы корректировки и изменения предрассудков.

Задания:

1. Подготовьте ответы на вопросы:
 - a. Что такое стереотип?
 - b. Каковы функции стереотипов?
 - c. Что такое предрассудок?
 - d. Какие типы предрассудков вы знаете?
2. Докажите, что стереотипы помогают общаться представителям разных культур.
3. Докажите, что стереотипы мешают общаться представителям разных культур.

Тема 9: Лингво-когнитивный (тезуарусный) уровень языковой личности: языковая картина мира. Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и аккультурации.

1. Проблема «чужой» культуры и этноцентризм.
2. Культурная картина мира и языковая картина мира.
3. Восприятие «чужой» культуры сквозь призму родной. Освоение культуры: инкультурация и социализация; аккультурация.
4. Культурная картина мира и языковая картина мира.
5. Восприятие «чужой» культуры сквозь призму родной. Сущность этноцентризма и его роль в МКК.
6. Сущность и формирование культурной идентичности.
7. Освоение культуры: инкультурация и социализация; аккультурация. Первичная и вторичная стадии инкультурации. Культурный шок и пути его преодоления.

Задания:

1. Подготовьте ответы на вопросы:
 - a. Что такое «этноцентризм»?
 - b. Какова разница между понятиями «культурная картина мира» и «языковая картина мира»?
 - c. Что такое «инкультурация» и «аккультурация»?
 - d. Что такое «культурный шок»? Приведите примеры из литературы или из собственного опыта межкультурной коммуникации.

- e. Что такое культурная идентичность?
2. Подготовьте небольшие доклады по темам:
 - a. «Время в русской языковой картине мира в сопоставлении с картиной мира изучаемого языка»
 - b. «Пространство в русской языковой картине мира в сопоставлении с картиной мира изучаемого языка»

Используйте при подготовке к докладам рекомендованную литературу и интернет-ресурсы.

Тема 10: Сопоставительное изучение языковых картин мира разных лингвокультур.

1. Диссонанс национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации.
2. Соответствие картин мира коммуникантов как условие успешности межкультурного общения.

Задания:

1. Подготовьте сообщение с презентацией на тему: «Языковые картины мира России и страны изучаемого языка: общие черты и различия».

Тема 11: Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: коммуникативно-деятельностные потребности и их национальная маркированность. Учет коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по коммуникации в межнациональных контактах.

1. Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: Коммуникативные потребности языковой личности и функции языка.
2. Коммуникативно-деятельностные потребности языковой личности, их включенность в социальную деятельность индивида.
3. Необходимость знания и учета коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по межкультурной коммуникации.

Задания:

1. Подготовьте ответы на вопрос:
Что такое «коммуникативно-деятельностные потребности языковой личности»? К какому уровню структуры языковой личности они относятся?
2. Подготовьте сообщение с презентацией на тему: «Коммуникативно-деятельностные потребности языковой личности в МКК».

Тема 12: Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: система ценностей русской языковой личности и коммуникативное поведение.

1. Понятие ценности.
2. Традиционные и современные ценности.

Задания:

1. Подготовьте сообщение с презентацией на тему: «Традиционные ценности русской культуры и культуры страны изучаемого языка»
2. Подготовьте сообщение с презентацией на тему: «Современное состояние ценностных представлений в языковом сознании россиян и представителей культуры изучаемого языка».

Тема 13: Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: понятие концепта. Концепты как единицы лингвокультурного сознания. Ключевые концепты русской культуры.

1. Понятие концепта как опорного элемента лингвокультуры.
2. Концепты как единицы лингвокультурного сознания и концептосферы языковой личности.
3. Ключевые концепты русской и американской культур Частичное пересечение концептов-аналогов.
4. Лакунарные концепты.

Задания:

1. Подготовьте ответы на вопросы:
 - a. Что такое «концепт культуры» (по Ю.С.Степанову)?
 - b. Что такое «концептосфера» той или иной лингвокультуры?
 - c. Что такое «лакунарные концепты культуры»?
2. Подготовьте сообщение с презентацией на тему: «Один из ключевых концептов культуры (по выбору) в сопоставительном аспекте».

Тема 14: Прецедентные тексты в лингвокультурном сознании носителя языка. Необходимость овладения прецедентными текстами культуры в процессе формирования вторичной языковой личности и в межкультурной коммуникации.

1. Определение понятия «прецедентный текст».
2. Прецедентный текст в национальной культуре.
3. Способы существования и обращения прецедентных текстов в обществе.
4. Прецедентные тексты в межкультурной коммуникации.

Задания:

1. Подготовьте ответы на вопросы:
 - a. Что такое «прецедентный текст»?
 - b. Каковы основные способы существования и обращения прецедентных текстов в обществе?
2. Подготовьте сообщение с презентацией на тему: «Прецедентные тексты русской культуры и культуры страны изучаемого языка».

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Тема 1: Культурно-антропологические основы межкультурной коммуникации. Основные этапы формирования межкультурной коммуникации как отдельной отрасли знания и как классического университетского курса в США, Западной Европе и в России.

Ключевые слова: культура; коммуникация; межкультурная коммуникация(МКК); культурные нормы; культурные ценности; культуроцентризм; этноцентризм.

Цель занятия – определить место межкультурной коммуникации в системе гуманитарных наук; подчеркнуть интердисциплинарный характер МКК, осветить основные этапы формирования МКК как отдельной отрасли знания и как классического университетского курса в США, Европе и России.

В результате изучения этой темы студенты должны **знать:**

- определение важнейших понятий МКК и обозначающих их терминов;
- место МКК в системе гуманитарных наук;
- основные этапы формирования данной отрасли знаний и классического университетского курса МКК в США, Европе и России.

У студентов должны быть сформированы следующие умения и навыки:

- умение ориентироваться в научно-методической литературе по теме;
- умение оперировать терминологией по теме;
- умение вести дискуссию по теме;
- навыки работы с учебно-методической литературой по теме, методологическим и методическим аппаратом, библиографией.

Основная литература

1. *Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию.* – М.,2007.- С. 9-20
2. *Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация.* – М.,2000.- с.5-15.
3. *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П.Садохина.* – М.,2002.- С. 18-45.

Дополнительная литература

Гачев Г. Национальные образы мира. – М.,1988.

Тема 2: Понятие «языковая личность» - центральное понятие антропоцентрической научной парадигмы в современной лингвистике.

Цель занятия – дать студентам представление о центральном понятии антропоцентрической научной парадигмы – языковой личности. Показать истоки формирования и основные этапы введения в научный оборот этого понятия и термина.

В результате изучения этой темы студенты должны **знать**:

- содержание термина «языковая личность»;
- историю формирования этого понятия.

У студентов должны быть сформированы следующие **умения и навыки**:

- умение ориентироваться в научно-методической литературе по теме;
- умение оперировать терминологией по теме;
- умение вести дискуссию по теме;
- навыки работы с учебно-методической литературой по теме, методологическим и методическим аппаратом, библиографией.

Основная литература

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007. - С.11-27.

Тема 3: Способы реконструкции языковой личности. Языковая личность в межкультурной коммуникации.

Цель занятия – познакомить студентов с разными способами реконструкции языковой личности; рассказать об ассоциативном эксперименте как о психолингвистической методике реконструкции языковой способности; дать представление о месте понятия «языковая личность» в МКК.

В результате изучения этой темы студенты должны **знать**:

- 3 способа реконструкции языковой личности;
- что такое ассоциативный эксперимент и как он используется для реконструкции ЯЛ.

У студентов должны быть сформированы следующие **умения и навыки**:

- умение ориентироваться в научно-методической литературе по теме;
- умение оперировать терминологией по теме;
- умение вести дискуссию по теме;
- навыки работы с учебно-методической литературой по теме, методологическим и методическим аппаратом, библиографией.

Основная литература

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.,2007.- С. 11-27, 48-68.
2. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С. 9-20
3. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.- с.5-15.

Тема 4: Формирование «вторичной языковой способности» как первый шаг на пути к межкультурной коммуникации. Лингводидактическая модель языковой личности.

Цель занятия - объяснить понятие «вторичная» языковая личность(способность); познакомить студентов с различными лингводидактическими моделями формирования языковой личности в онтогенезе и при овладении иностранным языком.

В результате изучения этой темы студенты должны **знать:**

- что такое «вторичная» языковая личность (языковая способность);
- основные лингводидактические модели формирования «вторичной» языковой личности (Г.И.Богин, Ю.Н.Караулов).

У студентов должны быть сформированы следующие умения и навыки:

- умение ориентироваться в научно-методической литературе по теме;
- умение оперировать терминологией по теме;
- умение вести дискуссию по теме;
- навыки работы с учебно-методической литературой по теме, методологическим и методическим аппаратом, библиографией.

Основная литература

1. *Караулов Ю.Н.* русский язык и языковая личность. – М.,2007. – С. 48-68.
2. *Богин Г.И.*> Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. – Л.,1984.

Тема 5: Индивидуальная и коллективная языковая личность: формирование и функционирование.

Цель занятия – познакомить студентов с понятиями «коллективная ЯЛ» и «индивидуальная ЯЛ», а также продемонстрировать как они функционируют в межкультурной коммуникации;

В результате изучения этой темы студенты должны **знать:**

определение основных понятий и терминов по теме.

У студентов должны быть сформированы следующие **умения и навыки:**

- умение ориентироваться в научно-методической литературе по теме;
- умение оперировать терминологией по теме;
- умение вести дискуссию по теме;
- навыки работы с учебно-методической литературой по теме, методологическим и методическим аппаратом, библиографией.

Основная литература

1. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007. – С. 101-106.
2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.,1987. – С.35-48.

Дополнительная литература

3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.,1996. – С.320-325.
4. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. – М.,1985. – С. 343-380.
5. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. – М., 2002. – С. 170-175.

Тема 6: Понятие ассоциативно-вербальной сети (АВС). Отражение структуры языковой личности в АВС.

Цель занятия – познакомить студентов с понятием «ассоциативно-вербальная сеть»(АВС) и показать на примерах из «Русского ассоциативного словаря», как отражается структура языковой личности в АВС.

У студентов должны быть сформированы следующие **умения и навыки:**

- умение ориентироваться в научно-методической литературе по теме;
- умение оперировать терминологией по теме;
- умение вести дискуссию по теме;
- навыки работы с учебно-методической литературой по теме, методологическим и методическим аппаратом, библиографией.
- навыки работы с учебно-методической литературой по теме, методологическим и методическим аппаратом, библиографией.

Основная литература

1. *Караулов Ю.Н.* русский язык и языковая личность. – М.,2007. – С.35-48; 137-164.
2. *Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.,1999. – С. 38-46; 80-100.

Тема 7: Языковая личность и национальный характер: соотношение понятий. Общерусский языковой тип.

Цель занятия - познакомить студентов с понятием «национальная языковая личность», «национальный характер», «общерусский языковой тип»; показать, как эти понятия могут использоваться для характеристики контактирующих культур в МКК.

У студентов должны быть сформированы следующие умения и навыки:

- умение ориентироваться в научно-методической литературе по теме;
- умение оперировать терминологией по теме;
- умение вести дискуссию по теме;
- умение применить понятия «национальная языковая личность», «национальный характер», «общерусский языковой тип» для характеристики различных культур;
- навыки работы с учебно-методической литературой по теме, методологическим и методическим аппаратом, библиографией.

Основная литература

Караулов Ю.Н. русский язык и языковая личность. – М.,2007. – С.35-48; 137-164.

Тема 8: Понятие стереотипа национального характера и коммуникативного поведения. Стереотипы и предрассудки.

Цель занятия – усвоить содержание основных понятий по теме и обозначающих их терминов; понять разницу между стереотипом и предрассудком; иметь представление о положительных и негативных сторонах существования стереотипов; представлять себе пути преодоления предрассудков в межкультурной коммуникации.

В результате изучения этой темы студенты должны **знать**:

- что такое культурные стереотипы и каковы их функции;
- что такое предрассудки, каковы источники их возникновения и пути преодоления.

У студентов должны быть сформированы следующие **умения и навыки**:

- умение ориентироваться в научно-методической литературе по теме;
- умение оперировать терминологией по теме;
- умение вести дискуссию по теме;
- навыки работы с учебно-методической литературой по теме, методологическим и методическим аппаратом, библиографией.

Основная литература

1. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П.Садохина. – М.,2002. – С.217-230.
2. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.,2007.- С.253.

Тема 9: Лингво-когнитивный (тезуарусный) уровень языковой личности: языковая картина мира. Национальная языковая картина мира и ее формирование в процессе инкультурации и аккультурации.

Цель занятия – представить основные понятия и обозначающие их термины по теме (ключевые слова); показать, какое место в структуре языковой личности занимает языковая картина мира; показать на конкретных примерах, как формируется ЯКМ в процессе инкультурации и аккультурации.

У студентов должны быть сформированы следующие **умения и навыки**:

- умение ориентироваться в научно-методической литературе по теме;
- умение оперировать терминологией по теме;
- умение вести дискуссию по теме;

Тема 10: Сопоставительное изучение языковых картин мира разных лингвокультур.

Цель занятия - Познакомить студентов на конкретном примере (России и США) как может проявляться диссонанс национальных языковых картин мира в межкультурной коммуникации. Показать пути сближения картин мира коммуникантов как условия успешности межкультурного общения.

У студентов должны быть сформированы следующие **умения и навыки**:

- умение ориентироваться в научно-методической литературе по теме;
- умение оперировать терминологией по теме;
- умение вести дискуссию по теме;

- навыки работы с учебно-методической литературой по теме, методологическим и методическим аппаратом, библиографией.

Основная литература

- Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007. С. 119-139
- Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М., 2006. – С.71-103.

Тема 11: Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: коммуникативно-деятельностные потребности и их национальная маркированность. Учет коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по коммуникации в межнациональных контактах.

Цель занятия - сформировать у студентов представление о мотивационно-прагматическом уровне языковой личности и о таком его проявлении, как коммуникативные потребности языковой личности, а также об их включенности в социальную деятельность индивида. Показать необходимость знания и учета коммуникативно-деятельностных потребностей партнеров по межкультурной коммуникации.

У студентов должны быть сформированы следующие **умения и навыки**:

- умение ориентироваться в научно-методической литературе по теме;
- умение оперировать терминологией по теме;
- умение вести дискуссию по теме;
- навыки работы с учебно-методической литературой по теме, методологическим и методическим аппаратом, библиографией.

Основная литература

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2007.- С.21-216.

Тема 12: Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: система ценностей русской языковой личности и коммуникативное поведение.

Цель занятия - Сформировать у студентов представление о таких ключевых понятиях МКК, как: ценности; традиционные и современные ценности. Рассказать о современном состоянии ценностных представлений в языковом сознании россиян.

У студентов должны быть сформированы следующие **умения и навыки**:

- умение ориентироваться в научно-методической литературе по теме;
- умение оперировать терминологией по теме;
- умение вести дискуссию по теме;
- навыки работы с учебно-методической литературой по теме, методологическим и методическим аппаратом, библиографией.

Основная литература

Владимирова Т.Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. М., 2007. – С.76-92.

Тема 13: Мотивационно-прагматический уровень языковой личности: понятие концепта. Концепты как единицы лингвокультурного сознания. Ключевые концепты русской культуры.

Цель занятия - Познакомить студентов с понятием культурный концепт (концепт культуры). Продемонстрировать, как может быть использовано данное понятие для описания конкретных ключевых концептов русской культуры.

У студентов должны быть сформированы следующие **умения и навыки**:

- умение ориентироваться в научно-методической литературе по теме;
- умение оперировать терминологией по теме;
- умение вести дискуссию по теме;
- умение дать описание конкретных концептов культуры в сопоставительном плане;
- навыки работы с учебно-методической литературой по теме, методологическим и методическим аппаратом, библиографией.

Основная литература

1. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007. - С. 106-119.
2. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. С.43-84.

Тема 14: Прецедентные тексты в лингвокультурном сознании носителя языка. Необходимость овладения прецедентными текстами культуры в процессе формирования вторичной языковой личности и в межкультурной коммуникации.

Цель занятия - Дать определение понятия «прецедентный текст». Прецедентный текст в национальной культуре. Показать способы существования и обращения прецедентных текстов в обществе. Определить роль прецедентных текстов в межкультурной коммуникации.

У студентов должны быть сформированы следующие **умения и навыки**:

- умение ориентироваться в научно-методической литературе по теме;
- умение оперировать терминологией по теме;
- умение вести дискуссию по теме;
- умение оперировать прецедентными текстами родной культуры и культуры изучаемого языка;
- навыки работы с учебно-методической литературой по теме, методологическим и методическим аппаратом, библиографией.

Основная литература

Караулов Ю.Н. русский язык и языковая личность. – М.,2007. С. 216-237.

Юрий Николаевич Караулов – выдающийся представитель отечественной гуманитарной науки, крупный специалист в области теории языка и русистики. Автор более 300 научных работ по проблемам русского и общего языкознания, в том числе 11 монографий и 10 словарей. Исследовательская деятельность ученого связана с тремя научными направлениями – «теория языковой личности», «ассоциативная лингвистика», «теория и практика лексикографии». Они нашли отражение в таких известных трудах Ю.Н.Караулова, как «Общая и русская идеография», «Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка», «Русский язык и языковая личность», «Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности», «Ассоциативная грамматика русского языка»; в принципиально новых словарях – семантических, ассоциативных, метафор, художественной речи.

Ю.Н.Караулову принадлежит несомненный приоритет в разработке «теории языковой личности». В книгах «Русский язык и языковая личность»(1987), «О состоянии русского языка современности» (1991), «Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности»(1992) им построена концепция «человека говорящего». Именно на базе теории языковой личности сформировалась возглавляемая Ю.Н.Карауловым школа «Русская языковая личность», которая стала сегодня одним из лидирующих направлений в отечественной лингвистике и лингводидактике.

Нина Леонидовна Чулкина - профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН.

Ведет лекционные курсы: «Семиотика», «Язык и межкультурная коммуникация», а также спецкурсы: «Психолингвистические проблемы семантики», «Слова и вещи: семиотика «вещного мира». Область научных интересов – повседневность и ее отражение в обыденном языковом сознании; семиотика; лингвокультурология; межкультурная коммуникация.

